55548
В-14

Николай Кононовичъ
МИЛЮКОВЪ
38
6283

Эмиль Ваксвейлеръ
директоръ Сольвеевскаго соціологическаго института при брюссельскомъ университетѣ
членъ бельгійской королевской академіи.

32

БЕЛЬГІЯ ВЪ ВЕЛИКОЙ ВОЙНѢ

ЕЯ НЕЙТРАЛИТЕТЪ И ЛОЯЛЬНОСТЬ

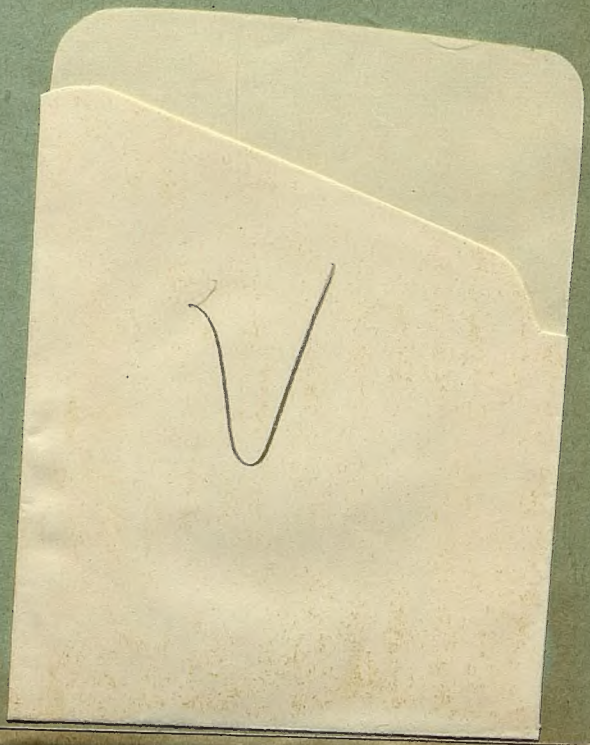
ПЕРЕВОДЪ
З. Кочетковой

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
БАРОНА **Б. Нольде**

БИБЛИОТЕКА
1
ОТДѢЛА
Главного Морского Штаба РККФ
МОСКВА

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1916.

Библіотека
№
Института Журналистики
Петроградского Ун.



Проверено | 2015

ПРОВЕРЕНО 1980 г.

ПРОВЕРЕНО 1965 г.
Николай Кононовичъ
МИЛЮКОВЪ
6283
12

Эмиль Ваксвейлеръ
директоръ Сольвеевскаго соціологическаго института при брюссельскомъ университетѣ
членъ бельгійской королевской академіи

БЕЛЬГІЯ
ВЪ ВЕЛИКОЙ ВОЙНѢ

ЕЯ НЕЙТРАЛИТЕТЪ И ЛОЯЛЬНОСТЬ

1424
БИБЛІОТЕКА
ГМШ ВМФ СССР

ПЕРЕВОДЪ
З. Кочетковой

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
БАРОНА **Б. Нольде**

ФИЛИАЛ
Центральной ВМБ
БИБЛІОТЕКА
Главного Морского Штаба РИФ
МОСКВА

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1916

355 48м
В 14
ПРОВЕРЕНО 54 г.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1916.

Отъ издательства.

Среди литературныхъ произведеній, порожденныхъ великой войной, книгѣ бельгійскаго соціолога Эмиля Ваксвейлера, безвременная кончина котораго этимъ лѣтомъ такъ потрясла европейскій ученый міръ, несомнѣнно, принадлежитъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ. Вышедши еще въ первый годъ войны, одновременно по-французски, по-англійски и по-нѣмецки, она съ тѣхъ поръ успѣла выдержать во французскомъ оригиналѣ длинный рядъ изданій. Но еще болѣе убѣдительнымъ свидѣтельствомъ ея значенія служитъ, быть можетъ, та крайняя раздражительность, съ какой къ ней отнеслась Германія, гдѣ создалась цѣлая анти-ваксвейлеровская литература.

Настоящія условія международныхъ сношеній замедлили появленіе книги въ русскомъ переводѣ. Но трудъ покойнаго Ваксвейлера нисколько не утратилъ за этотъ срокъ захватывающаго своего интереса. Онъ сохранитъ его въ полнѣйшей мѣрѣ до окончательной развязки великой европейской распри, да и потомъ будетъ читаться, какъ одинъ изъ документовъ, всего яснѣе рисующихъ образъ германскихъ правительственныхъ сферъ, которыя вызвали въ Европѣ безпримѣрную историческую катастрофу. Привычка къ строгому научному мышленію помогла Ваксвейлеру, писавшему, можно сказать, поистинѣ «кровью сердца», избѣжать запальчивости и преувеличеній, и какъ разъ эта объективность предохранитъ надолго отъ забвенія его работу.

Бар. Б. Э. Нольде, къ которому наше издательство обратилось съ просьбой снабдить своимъ компетентнымъ предисловіемъ русскій переводъ книги, сдѣлалъ больше. Авторъ сочиненія «Постоянно нейтральное государство» успѣлъ уже изучить матеріалы, которые были опубликованы Германіей съ цѣлью обѣлить себя, доказавъ «предательство» бельгійской внѣшней поли-

тики въ годы, предшествовавшіе войнѣ, и пришелъ къ выводу, что въ глазахъ всякаго безпристрастнаго наблюдателя они только еще сильнѣе подтверждаютъ правоту маленькой націи, павшей первой жертвой желанія Германіи стать изъ великой «еще болѣе великой» державой, а также бросаютъ яркій свѣтъ на трудности жизни въ старой Европѣ для малыхъ народовъ вообще. Итоги этого изученія онъ изложилъ въ этюдѣ «Бельгійская внѣшняя политика передъ великой войной», который и помѣстилъ въ настоящемъ изданіи въ видѣ вступительной статьи.

Русскій переводъ книги исполненъ былъ по собственной иниціативѣ и доставленъ нашему издательству изъ Голландіи г-жой З. М. Кочетковой, которая до войны была сотрудницей Ваксвейлера въ руководимомъ имъ Сольвеевскомъ соціологическомъ институтѣ, нося званіе attachée de l'Institut. Въ виду невозможности доставлять переводчицѣ корректуры, окончательная редакція перевода при его печатаніи была произведена по просьбѣ издательства Н. В. Сперанскимъ.

Бельгійская внѣшняя политика
передъ великой войной.

Книга Эмиля Ваксвейлера La Belgique neutre et loyale, переводъ которой мнѣ предложено напутствовать нѣсколькими вступительными замѣчаніями, возвращаетъ насъ къ полнымъ драматизма днямъ начала великой войны. Книга интересна и значительна не только какъ превосходное, по своей простотѣ и убѣдительности, изображеніе бельгійской точки зрѣнія на событія этихъ дней, но и какъ пособіе къ будущей объективной ихъ исторіи. Не даромъ германская официозная и добровольческая литература съ такимъ усердіемъ набросилась на автора, на всѣ лады опровергая его положенія аргументами казенной защиты Германіи въ бельгійскомъ дѣлѣ. Нѣтъ надобности брать здѣсь на себя доказываніе правоты Ваксвейлера и тенденціозности нѣмецкихъ его опроверженій. Авторъ самъ сдѣлалъ это во второй своей книгѣ [1]), а главное доводы его противниковъ сами по себѣ мало интересны и мало помогаютъ разобраться въ истинной отвѣтственной за то, что произошло.

Роковыя ошибки германской дипломатіи въ началѣ войны установлены ходомъ событій съ непререкаемой очевидностью. Тяжеловѣсная аргументація, которая послѣ начала войны была выдвинута германскимъ правительствомъ для доказыванія правоты нарушенія бельгійскаго нейтралитета и которой сколкомъ является полемика противъ Эмиля Ваксвейлера, только подчеркиваетъ эти ошибки.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть болѣе неумѣлымъ и болѣе грубымъ, чѣмъ послѣдовательная смѣна германскихъ самооправданій въ этомъ вопросѣ?

Въ первый моментъ германскіе дипломаты открыто сознавались, что совершили правонарушеніе, и ссылались на государ-

[1]) Emile *Waxweiler,* Le procès de la neutralité belge. Réplique aux accusations, Paris—Lausanne, 1916.

ственную его необходимость: такъ объяснялъ германскую политику имперскій канцлеръ ф. Бетманъ-Гольвегъ въ рейхстагѣ за нѣсколько часовъ до вступленія въ войну Англіи. Но скоро этотъ простой доводъ былъ замѣненъ болѣе сложнымъ. Изъ бельгійскихъ архивовъ были добыты документы, будто бы доказывавшіе тайныя связи Бельгіи до войны съ Англіей, и при ихъ помощи была сочинена теорія, что Бельгія сама нарушила свой нейтралитетъ [1]). Доказательства, однако, столь слабы, и тенденціозность толкованія документовъ столь очевидна, что видимо была сознана необходимость ихъ дополненія. Поиски въ бельгійскихъ архивахъ были продолжены, и въ результатѣ ихъ произведена новая публикація, по содержанію своему довольно неожиданная. Изданъ былъ сборникъ бельгійской дипломатической переписки за послѣднее передъ войной десятилѣтіе, въ который включили донесенія бельгійскихъ представителей за границей, говорившія о миролюбіи Германіи и доказывавшія вредъ англійской оріентаціи для Бельгіи [2]). Надо полагать, этой выборкой изъ бельгійскихъ дипломатическихъ донесеній хотѣли показать, что, разъ нѣкоторые изъ бельгійскихъ пословъ совѣтовали своему правительству не искать точекъ опоры въ тройственномъ согласіи, то, слѣдовательно, тройственное согласіе пыталось закрѣпить свое одностороннее вліяніе въ Бельгіи. Но если въ этомъ заключалась задача обнародованія сборника, то она, конечно, не была достигнута, ибо ни одинъ изъ документовъ не указывалъ на наличность первоначально съ такой настойчивостью доказывавшихся связей Бельгіи съ Англіей, а вся ихъ совокупность свидѣтельствовала, наоборотъ, что нѣсколько видныхъ бельгійскихъ дипломатовъ до войны были склонны искать въ добрыхъ отношеніяхъ съ Германіей опору въ борьбѣ за независимость Бельгіи. Какъ ни тенденціозенъ подборъ документовъ, онъ по меньшей мѣрѣ колебалъ убѣдительность довода, будто Бельгія незаконно связала себя съ Англіей до войны, ибо свидѣтельствовалъ лишь о наличности совершенно противоположныхъ теченій. «Несчастьемъ Бельгіи было, — кончаетъ «Auswärtiges Amt» удивительное по

[1]) Aktenstücke zum Kriegsausbruch, herausgegeben vom Auswärtigen Amte (1915); ср. оффиціозная брошюра: Die Belgische Neutralität, Verlag von Georg Stieke in Berlin (1914).

[2]) Belgische Aktenstücke 1905—1914. Berichte der Belgischen Vertreter in Berlin, London und Paris... Herausgegeben vom Auswärtigen Amte (1915).

своему лицемѣрію предисловіе къ сборнику,—что она не прислушалась къ этимъ голосамъ и не схватила протянутую ей германскую руку»... Сборникъ, конечно, доказываетъ «несчастье Бельгіи»: маленькій, но сильный народъ былъ готовъ жить въ мирѣ съ могущественнымъ сосѣдомъ, но «германская рука» была «протянута»,—ради пресловутой государственной необходимости,—такъ, что этотъ народъ сталъ въ ряды непримиримыхъ враговъ Германіи.

Такъ казенная публицистика, а за ней безконечный рядъ частныхъ статей и книжекъ защищали дипломатію Германіи въ бельгійскомъ вопросѣ. Было бы педантизмомъ настаивать на тщетѣ этой защиты. Гораздо интереснѣе, оставляя полемику, использовать внесенный въ оборотъ германскими публикаціями историческій матеріалъ для нѣкоторыхъ положительныхъ выводовъ, сдѣлавъ попытку понять условія внѣшней политики бельгійскаго королевства передъ войной, и оцѣнить всѣ трудности жизни въ старой Европѣ малыхъ народовъ. Такая попытка силою вещей, въ виду отрывочности обнародованныхъ Германіей документовъ, даже при тщательномъ восполненіи ихъ наличными документами изъ другихъ источниковъ, будетъ имѣть весьма несовершенный и лишь предварительный характеръ, но, быть можетъ, она послужитъ небезполезной добавкой къ книгѣ Вакс-вейлера.

* * *

Выйдя въ 1871 г. изъ періода великихъ потрясеній, наполняющихъ собой середину XIX вѣка, Европа вступила въ полосу глубокаго мира. Несмотря на то, что борьба европейскихъ государствъ въ эпоху кризиса 1856—1871 гг. происходила частью у самыхъ ея воротъ, Бельгія пережила этотъ кризисъ, въ конечномъ счетѣ, весьма благополучно и въ началѣ франко-прусской войны получила, въ формѣ прусско-англійскаго и франко-англійскаго договоровъ о соблюденіи ея нейтралитета, яркое доказательство, что независимость страны находила себѣ твердую опору въ системѣ европейскаго равновѣсія [1]). Казалось, всѣ опасности миновали. Вопреки появлявшимся по временамъ тревожнымъ тѣнямъ прошлыхъ распрей, время отъ 1871 по 1904 г.,—почти четверть вѣка,—пріучило дипломатію большихъ и малыхъ го-

[1]) *Нольде*, Постоянно нейтральное государство, 1905, 327 слл.

сударствъ думать, что новаго европейскаго въ собственномъ смыслѣ конфликта ожидать нельзя, что всѣ настоящіе европейскіе вопросы окончательно рѣшены, что отнынѣ міровая борьба сосредоточена на периферіи устойчиво сложившейся европейской политической системы. Даже та крупная перемѣна международнаго положенія, какой были расторженіе русско-германскаго союза въ 1890 г. и заключеніе союза франко-русскаго въ 1891 г., казалась лишь какъ бы техническимъ видоизмѣненіемъ постоянныхъ условій охраны мира въ Европѣ. Теперь ясно, насколько эта увѣренность въ ненарушимости европейскаго мира была обманчивою. Болѣе глубокій анализъ положенія, быть можетъ, уже въ началѣ 90-хъ годовъ могъ бы показать, что основанія европейскихъ отношеній глубоко измѣнились съ той минуты, какъ въ прошлое ушла Германія Бисмарка и на ея мѣсто стала Германія императора Вильгельма II, обратившая капиталъ накопленнаго предшествующимъ поколѣніемъ политическаго вліянія имперіи на службу «міровой политики». Но переворотъ былъ замѣченъ,—и то далеко не всѣми,—только тогда, когда ярко раскрылись по существу необходимыя его слѣдствія,—открытый переходъ Германіи къ дѣятельному имперіализму въ марокканскомъ дѣлѣ и образованіе новыхъ міровыхъ политическихъ сочетаній, въ особенности «тройственнаго согласія».

Въ этотъ моментъ, повидимому, стала впервые тревожиться и бельгійская дипломатія. Бельгія была представлена въ 1905 г. въ Берлинѣ барономъ Грейндлемъ, заслуженнымъ и старымъ посланникомъ, выросшимъ въ традиціяхъ бисмарковской Европы и вѣрившимъ въ спасительность бисмарковскаго «вооруженнаго мира», но несомнѣнно обладавшимъ большимъ опытомъ и знаніемъ международной обстановки. Когда, послѣ Портсмута, въ первый разъ заговорили о возможности сближенія между Россіей и Англіей, Грейндль спросилъ германскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ ф. Рихтгофена, что̀ надо было думать по поводу этихъ разговоровъ. ф. Рихтгофенъ отвѣтилъ,—лишній разъ обнаруживая какое-то фатальное неумѣніе германской послѣ-бисмарковской дипломатіи трезво разбираться въ окружающемъ,—что онъ не придаетъ значенія этимъ разговорамъ, ибо полныя симпатіи къ Германіи заявленія возвращавшагося изъ Портсмута Витте свидѣтельствуютъ прямо обратное. Грейндль выразилъ сомнѣніе въ достаточности вліянія Витте въ Петроградѣ. — ф. Рихтгофенъ замѣтилъ: «Г. Витте скорѣе дурно

воспитанъ и потому не пользуется любовью великихъ князей, но это человѣкъ, авторитетъ котораго силою вещей не можетъ не быть великъ и съ мнѣніемъ котораго надо считаться». Умный бельгіецъ не повѣрилъ своему собесѣднику и поспѣшилъ донести свои впечатлѣнія въ Брюссель, снабдивъ ихъ своими, довольно пессимистическими, замѣчаніями. «Съ нашей точки зрѣнія желательно,—писалъ онъ,—чтобы статсъ-секретарь былъ правъ. Тройственный союзъ, подъ предводительствомъ Германіи, далъ намъ тридцать лѣтъ европейскаго мира. Онъ теперь ослабленъ разложеніемъ, въ которомъ находится австро-венгерская имперія. Новое тройственное согласіе Франціи, Англіи и Россіи его не замѣнитъ. Оно будетъ, напротивъ того, причиною постоянной тревоги...». Но, добавлялъ Грейндль въ своей депешѣ, «политическія положенія не вѣчны. Можетъ быть, подготовляется новая группировка великихъ державъ, которая уменьшитъ европейскую безопасность и осуществится поэтому намъ во вредъ» [1]). Оцѣнка европейскаго положенія, которую давалъ Грейндль, была, конечно, несправедлива; привычка къ старой Германіи затемняла ему истинный смыслъ происходившей на его глазахъ перемѣны; онъ не сознавалъ, что̀ знаменовала собой только-что открытая въ тотъ моментъ Германіей кампанія противъ Франціи и, косвенно, Англіи и Россіи въ марокканскомъ вопросѣ, и продолжалъ разсуждать такъ, какъ, быть можетъ, законно было разсуждать въ первый періодъ «тридцати лѣтъ европейскаго мира». Но дѣло не въ этой оцѣнкѣ, а въ томъ ясномъ ощущеніи непосредственой опасности новаго европейскаго положенія для Бельгіи, которое такъ ярко сказывается въ депешѣ Грейндля. Онъ ошибался въ своемъ пониманіи причинъ происходившаго, но патріотическій инстинктъ помогъ ему сразу же сознать опасныя послѣдствія перемѣнъ для его страны. Снова, какъ въ началѣ 30-хъ годовъ и въ концѣ 60-хъ, передъ Бельгіей ставился вопросъ о ея политическомъ бытіи и независимости въ распрѣ великихъ европейскихъ силъ.

Ограниченные рамками обнародованныхъ германскимъ правительствомъ данныхъ, мы не знаемъ со сколько-нибудь достаточной полнотой, какъ отнеслись руководители бельгійской внѣшней политики къ этому первому предупрежденію о грозящей опасности, исходившему въ сентябрѣ 1905 г. отъ барона Грейндля, но у насъ

[1]) Депеша 23 сентября 1905 г. Belg. Aktenstücke, 8.

есть нѣкоторый матеріалъ для догадокъ. Бельгія могла искать безопасности въ тѣхъ или иныхъ политическихъ молчаливыхъ или письменныхъ сдѣлкахъ съ одной изъ двухъ могущественныхъ группъ, тогда въ Европѣ нарождавшихся, въ дипломатической «коммендаціи» страны въ сторону Германіи, либо Англіи. Но этотъ путь не былъ выбранъ. Политика была подчинена праву, и вся надежда была возложена на договорную формулу существованія Бельгіи, на гарантированный великими державами нейтралитетъ. Что такова была оріентація Бельгіи въ этотъ историческій моментъ, свидѣтельствуетъ эпизодъ, который германское правительство, послѣ своихъ «открытій» въ брюссельскихъ архивахъ, такъ усердно разглашало, эпизодъ «разговоровъ полковника Бернардистона». Въ началѣ 1906 г. англійскій военный агентъ въ Брюсселѣ Бернардистонъ, дѣйствуя, повидимому, по собственной иниціативѣ [1]), имѣлъ нѣсколько разговоровъ съ начальникомъ бельгійскаго генеральнаго штаба генераломъ Дюкариомъ по основнымъ вопросамъ военной обороны Бельгіи,—разговоровъ, записанныхъ генераломъ въ особомъ докладѣ военному министру, найденномъ нѣмцами въ брюссельскомъ военномъ министерствѣ. Бесѣдовали два военныхъ человѣка, оба, повидимому, не особенно склонные смущаться политической стороной дѣла, бесѣдовали настолько откровенно, что бельгійскіе профессіональные дипломаты, узнавъ о разговорѣ, были весьма шокированы [2]). Рѣчь шла о военной помощи, которую Англія могла бы оказать Бельгіи въ случаѣ европейской войны. Полковникъ Бернардистонъ началъ разговоры съ того, что заявилъ объ опасеніяхъ англійскаго генеральнаго штаба относительно общаго политическаго положенія и возможности скораго возникновенія войны (разговоръ совпадалъ съ первымъ марокканскимъ кризисомъ); онъ сообщилъ, что посылка войскъ, въ количествѣ 100.000 человѣкъ, намѣчалась въ Англіи на случай, если на Бельгію будетъ произведено нападеніе. Прислушаемся къ отвѣту бельгійскаго генерала. «На вопросъ полковника, какъ мы отнесемся къ подобному дѣйствію, я отвѣтилъ,—пишетъ генералъ Дюкариъ въ своемъ докладѣ,—что съ военной точки зрѣнія оно можетъ быть только благопріят-

[1]) Заявленіе сэра Эдуарда Грея 27 января 1915 г., приведенное въ бельгійской „Сѣрой книгѣ:“ Correspondance diplomatique relative à la guerre de 1914—1915, II, Paris, 1915, 47.

[2]) Донесеніе барона Грейндля изъ Берлина 5 апрѣля 1907 г.; Belg. Aktenstücke, 21.

нымъ; но что этотъ вопросъ о вмѣшательствѣ въ равной степени зависитъ отъ политической власти и что поэтому я буду обязанъ доложить дѣло военному министру». Далѣе генералъ Дюкарнъ совершенно категорически заявилъ, и въ этомъ вполнѣ съ нимъ соглашался военный агентъ, что «вступленіе англичанъ въ Бельгію могло бы состояться лишь послѣ нарушенія Германіей бельгійскаго нейтралитета». Въ концѣ разговоръ принялъ естественный для двухъ собесѣдниковъ технической военный характеръ, разсматривались условія высадки, срокъ ея, возможность перевозки войскъ и т. д. [1]). Но то немногое, что было сказано бельгійскимъ генераломъ относительно политической стороны вопроса, достаточно, чтобы судить, какъ въ бельгійскомъ правительственномъ кругѣ смотрѣли на задачи бельгійской политики уже въ тотъ первый моментъ, когда послѣ длиннаго періода международной тишины и спокойствія обозначилась опасность европейской войны. Обращеніе къ помощи изъ-за границы считалось возможнымъ и оправдываемымъ лишь для охраны нейтралитета послѣ его нарушенія. Никакого намека на союзъ или сближеніе съ однимъ европейскимъ лагеремъ противъ другого: чистая политика «лояльности», по выраженію Эмиля Ваксвейлера.

Положеніе, занятое бельгійскимъ начальникомъ генеральнаго штаба въ его разговорахъ съ англійскимъ военнымъ агентомъ въ 1906 г., неизмѣнно опредѣляло политику бельгійскаго королевства до великой войны, и оно продиктовало рѣшенія, принятыя бельгійскимъ правительствомъ въ памятную ночь, когда составлялся отвѣтъ на германскій ультиматумъ 2 августа 1914 г. Понятно, что за годы, когда назрѣвала европейская борьба, бельгійской дипломатіи пришлось гораздо ближе подойти къ прямой и отвѣтственной постановкѣ вопроса, чѣмъ въ этихъ случайныхъ разговорахъ 1906 г. Слѣдовавшія одно за другимъ событія европейской исторіи все ближе и ближе, несмотря на періодически наступавшіе періоды сравнительнаго затишья, надвигали на Европу войну между великими державами, и сознаніе грозившихъ Бельгіи внѣшнихъ опасностей каждый разъ дѣлалось яснѣе и яснѣе.

[1]) Фототипическое изображеніе доклада генерала Дюкарна въ брошюрѣ Die Belg. Neutralität, 23 и въ Aktenstücke zum Kriegsausbruch, 67.

Въ 1908 г. на очередь снова стали марокккскія дѣла, правда, въ формѣ, сравнительно съ 1905 г., менѣе опасной, но все же острой. Послѣ довольно быстраго и успѣшнаго уложенія казабланкскаго инцидента открылся восточный кризисъ, связанный съ аннексіей Босніи и Герцеговины. Разрѣшеніе его шло медленно и трудно, и онъ кончился, оставивъ въ Россіи тяжелыя чувства. Въ 1911 г. произошелъ Агадиръ, и новый марокккскій конфликтъ былъ устраненъ только благодаря самому энергичному выступленію Англіи противъ германской захватной политики. Въ томъ же году началась итальяно-турецкая война, а въ слѣдующемъ—балканскій кризисъ, завершившійся безъ военнаго вмѣшательства великихъ державъ, но съ тяжелымъ политическимъ ущербомъ для одной изъ нихъ—Австро-Венгріи. Такова всѣмъ памятная, внѣшняя смѣна событій, изъ которыхъ почти каждое отравляло народы Европы ядомъ взаимной ненависти и горечи. Параллельно,—и въ испытаніи этихъ событій,—складывалась окончательно новая группировка державъ, намѣчавшаяся въ 1905—1906 гг. Обнародованныя германцами бельгійскіе документы даютъ интересную хронику этихъ событій; между прочимъ, въ нихъ содержатся первыя документальныя свидѣтельства, насколько, несмотря на официальный оптимизмъ, эта новая группировка вызывала въ Берлинѣ чувство глубокаго раздраженія. Грейндль, настроеніе котораго я уже указывалъ и котораго въ Берлинѣ справедливо считали другомъ Германіи, постоянно выслушивалъ жалобы и сѣтованія по поводу того, что̀ Грейндль называлъ «модою на международныя согласія». Въ 1907 г. онъ доноситъ о соглашеніи между средиземными государствами касательно сохраненія «status quo» на этомъ морѣ:

«Германская печать недовольна; но никакого официальнаго сообщенія еще не появилось.

«Слѣдующій фактъ, впрочемъ, дастъ вамъ возможность, лучше чѣмъ могли бы помочь официальные или официозные декларації, оцѣнить внутреннія чувства имперскаго правительства. Испанскій посолъ первый сообщилъ помощнику статсъ-секретаря ноты, обмѣненныя его страною, Франціей и Англіей. Прочтя ихъ, онъ настойчиво сталъ доказывать, что подписанное соглашеніе не направлено противъ Германіи и имѣетъ исключительно мирную и оборонительную задачу. Г. ф. Мюльбергъ [помощникъ статсъ-секретаря] прервалъ его, сказавъ: «Да, я знаю; мы идемъ къ эрѣ всеобщаго мира». Это ироническое замѣчаніе болѣе крас-

порѣчиво, чѣмъ длинныя разсужденія. Г. ф. Мюльбергъ не высказалъ никакихъ впечатлѣній, когда нѣсколько минутъ спустя онъ получилъ то же сообщеніе отъ французскаго посла.

Онъ не обязанъ къ такой же сдержанности въ отношеніи третьихъ. Я его видѣлъ вчера и могъ констатировать, что его оцѣнка совершенно совпадаетъ съ моей» [1]).

Годомъ позднѣе Грейндль доносилъ, разсуждая о ревельскомъ свиданіи государя съ англійскимъ королемъ и о статьѣ «Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты», гдѣ это свиданіе оцѣнивалось оптимистически:

Конечно, эта офиціозная замѣтка мало соотвѣтствуетъ здѣшнимъ сужденіямъ о недавнемъ путешествіи французскаго президента въ Лондонъ, о свиданіи въ Ревелѣ и о предстоящемъ визитѣ г. Фальера къ русскому императору и къ тремъ скандинавскимъ дворамъ. Увѣренный, конечно, что я отнесусь къ его словамъ, какъ къ довѣрительнымъ, г. фонъ Шенъ [статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ] въ разговорѣ, который я съ нимъ имѣлъ третьяго дня, не скрылъ отъ меня тяжелаго впечатлѣнія, которое производятъ на него всѣ соглашенія, заключаемыя подъ предлогомъ обороны отъ нападенія, о которомъ Германія не помышляла. Онъ дошелъ до того, что назвалъ эту политику безчестной, и ждетъ, что новая группировка державъ будетъ использована для давленія на Германію въ восточномъ вопросѣ и другихъ дѣлахъ, подлежащихъ рѣшенію»... [2]).

Выраженное въ этихъ жалобахъ негодованіе германскихъ правительственныхъ лицъ, что отнынѣ приходилось считаться въ Европѣ съ противовѣсомъ сильнаго сочетанія державъ, создавало уже прямую угрозу европейскому миру. Если въ 1905—1906 гг. эта опасность сознавалась еще немногими, то пять лѣтъ спустя, въ моментъ Агадира, о ней заговорили всѣ. За нѣсколько недѣль до посылки Германіей своего крейсера въ Марокко другой бельгійскій дипломатъ, посланникъ въ Лондонѣ графъ Лаленъ, писалъ, что всѣ ждутъ какого-нибудь германскаго выступленія, которое послужило бы яркимъ доказательствомъ ея мощи, унизительнымъ для Франціи и непріятнымъ для Англіи и Россіи» [3]). Это выступленіе состоялось, но въ условіяхъ, которыя доказали,

[1]) Депеша 22 іюня 1907 г.; Belg. Aktenstücke, 49.
[2]) Депеша 12 іюня 1908 г.; Belg. Aktenstücke, 58.
[3]) Депеша 9 мая 1911 г.; Belg. Aktenstücke, 83.

что «мощи Германіи» въ Европѣ успѣшно противостояла сила тройственнаго согласія».

Повидимому, впервые именно въ годъ Агадира, когда бельгійскіе дипломаты окончательно удостовѣрились въ непосредственной опасности, угрожавшей Бельгіи [1]), бельгійское правительство рѣшилось офиціально выяснить намѣренія великихъ державъ. Если имѣть въ виду прецеденты времени франко-прусской войны и то впечатлѣніе, которое въ Брюсселѣ произвели долго не забывшіеся разговоры полковника Бернардистона, можно было бы ожидать, что Бельгія, оставаясь на почвѣ своего договорнаго нейтралитета, сдѣлаетъ попытку заручиться въ первую очередь англійской дипломатической и военной помощью для его охраны. На самомъ дѣлѣ не только этого не было сдѣлано, но бельгійское правительство, повидимому, особенно тщательно избѣгало подобной постановки вопроса. Съ точки зрѣнія «политики нейтралитета», которой продолжало служить бельгійское правительство и въ которой оно продолжало видѣть единственное средство охранить свою независимость, обращеніе къ Англіи, какъ гаранту, представляло опасность быть истолкованнымъ какъ выборъ политическаго лагеря въ Европѣ. А этого надо было всемѣрно избѣгать, оставаясь послѣдовательнымъ въ политикѣ нейтралитета. Въ 1909 г. тогда отставной бельгійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Фаверо, произнесъ въ сенатѣ рѣчь, посвященную усиленію военныхъ средствъ Бельгіи; въ ней, ссылаясь на то, что онъ видѣлъ въ качествѣ министра, онъ прямо указывалъ, что Англія, въ отличіе отъ 1870 г., связана теперь политическими обязательствами съ нѣкоторыми европейскими государствами и не можетъ уже выполнить той роли, которую она выполнила во время франко-прусской войны. «Усвоимъ себѣ, что въ нашемъ положеніи мы силою вещей не можемъ имѣть союзовъ; мы уединены; дай Богъ, чтобы никогда никакая великая держава не пожелала, пользуясь этимъ уединеніемъ, вовлечь насъ въ комбинаціи, противныя нашимъ интересамъ» [2]).

Оставалось обратиться къ державамъ, которыя могли угрожать бельгійскому нейтралитету, съ прямымъ вопросомъ о ихъ намѣреніяхъ. Повидимому случайно, въ первую очередь была запро-

[1]) Депеша барона Грейндля 12 октября 1911 г.; Belg. Aktenstücke, 95.

[2]) Пользуюсь текстомъ рѣчи у *Waxweiler*, Le procès, 77.

шена Германія. Воспользовавшись газетными статьями, предвѣщавшими нарушеніе Германіей бельгійскаго нейтралитета, бельгійское министерство иностранныхъ дѣлъ въ 1911 г. высказало германскому посланнику въ Брюсселѣ ф. Флотову пожеланіе, чтобы для успокоенія бельгійскаго общественнаго мнѣнія германское правительство сдѣлало по этому поводу публичное заявленіе въ преніяхъ по вопросамъ внѣшней политики. Канцлеръ ф. Бетманъ-Гольвегъ отвѣтилъ, что Германія не намѣрена нарушить бельгійскій нейтралитетъ, но что, по его мнѣнію, публичнымъ заявленіемъ въ этомъ смыслѣ Германія ослабитъ свое военное положеніе по отношенію къ Франціи, которая, успокоенная со стороны сѣвера, сосредоточитъ всѣ свои силы на востокѣ [1]). Около того же времени преемникъ барона Грейндля на посту бельгійскаго посланника въ Берлинѣ выслушалъ отъ ф. Кидерленъ-Вехтера упрекъ, что во время марокканскаго кризиса, вызваннаго Агадиромъ, Бельгія приняла нѣкоторыя военныя мѣры въ своихъ крѣпостяхъ, ибо «ничто, по его словамъ, не оправдывало опасенія, будто Германія нарушитъ неприкосновенность вашей территоріи» [2]). Въ 1913 г. статсъ-секретарь ф. Яговъ повторилъ то же самое уже и въ рейхстагѣ [3]).

Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ въ Брюсселѣ вѣрили этимъ заявленіямъ. Но можно предположить съ нѣкоторою вѣроятностью, что повторныя успокоительныя заявленія германскаго правительства, заключавшія въ себѣ, какъ потомъ оказалось, прямую ложь, укрѣпили колебавшееся довѣріе къ Германіи. Тревогу возбуждала поэтому въ тѣ годы, повидимому, скорѣе другая сторона сложнаго дипломатическаго положенія. Опасенія, когда-то вызванныя въ бельгійскихъ дипломатахъ разговорами полковника Бернардистона, нарушавшими установленныя традиціи бельгійской политики, были въ 1912 г. вновь возбуждены аналогичнымъ выступленіемъ одного изъ преемниковъ Бернардистона, англійскаго военнаго агента полковника Бриджса. Это выступленіе, которое, на ряду съ эпизодомъ 1906 г., истолковывалось германской официальной полемикой, какъ доказательство незаконныхъ связей Бельгіи, на самомъ дѣлѣ имѣло совершенно обратное

[1]) Письмо бельгійскаго министра иностранныхъ дѣлъ Давиньона 31 іюля 1914 г.; Correspondance diplomatique relative à la guerre de 1914, Anvers (1914), 7.

[2]) *Baron Beyens*, L'Allemagne avant la guerre, Bruxelles et Paris, 1915, 323.

[3]) Депеша барона Бейенса 9 мая 1913 г.; Corr. dipl., I, 7.

значеніе для бельгійской политики. Я не буду его пересказывать своими словами, ибо оно достаточно кратко описано въ составленной бельгійскимъ штабомъ въ то время памятной запискѣ, обнародованной германскимъ правительствомъ и гласящей слѣдующее [1]):

«Конфиденціально. Англійскій военный агентъ просилъ свиданія съ генераломъ Жюнкблютомъ [начальникомъ бельгійскаго генеральнаго штаба]. Эти господа встрѣтились 23 апрѣля [1912 г.].

«Полковникъ Бриджсъ сказалъ генералу, что Англія располагаетъ арміей, которая можетъ быть послана на континентъ, состоящей изъ шести дивизій пѣхоты и восьми бригадъ кавалеріи, всего 160.000 человѣкъ. Она обладаетъ всѣмъ, что необходимо для защиты своей островной территоріи. Все готово.

«Британское правительство, во время послѣднихъ событій [Агадиръ] немедленно сдѣлало бы у насъ высадку, даже если бы мы не просили его помощи.

«Генералъ возразилъ, что для этого необходимо было бы наше согласіе.

«Военный агентъ отвѣтилъ, что онъ это знаетъ, но что, такъ какъ мы не были въ состояніи помѣшать германцамъ пройти черезъ нашу территорію, Англія высадила бы свои войска въ Бельгіи во всякомъ случаѣ.

«Относительно мѣста высадки военный агентъ не далъ указаній; онъ сказалъ, что побережье достаточно длинно, но генералъ знаетъ, что г. Бриджсъ изъ Остенде ежедневно посѣщалъ Зеебрюгге во время пасхальныхъ праздниковъ.

«Генералъ добавилъ, что, впрочемъ, мы вполнѣ можемъ помѣшать германцамъ пройти».

Этотъ разговоръ, веденный, какъ и разговоръ полковника Бернардистона, военнымъ агентомъ по собственному почину, произвелъ впечатлѣніе на бельгійское правительство. Бельгійскіе дипломаты, въ стремленіи всемѣрно блюсти чистоту договорной формулы Бельгіи, сочли весьма тревожною рѣшительность заявленій военнаго агента. Опасенія бельгійцевъ были настолько серьезны, что дошли до лондонскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, и сэръ Эдуардъ Грей счелъ необходимымъ категорически

[1]) Факсимиле въ брошюрѣ Die Belg. Neutralität, 28 и въ Aktenstücke zum Kriegsausbruch, 72.

заявить бельгійскому правительству, что Англія не возьметъ на себя нарушить неприкосновенность бельгійской территоріи. Я сказалъ бельгійскому посланнику,—писалъ министръ своему представителю въ Брюсселѣ,—что, какъ я могу съ увѣренностью утверждать, нынѣшнее правительство никогда первымъ не нарушитъ бельгійскаго нейтралитета, и что я не допускаю, чтобы какое-либо англійское правительство рѣшилось на такой шагъ, который общественное мнѣніе никогда не одобритъ... Если бы мы первые нарушили бельгійскій нейтралитетъ и высадили войска въ Бельгіи, то мы тѣмъ самымъ позволили бы Германіи сдѣлать то же самое. То, что мы хотимъ для Бельгіи... это—чтобы ея нейтралитетъ былъ уважаемъ; и пока онъ не былъ бы нарушенъ другой державой, мы по своему почину не послали бы войскъ черезъ ея территорію» [1]).

Если съ этой стороны положеніе Бельгіи должно было послѣ приведенныхъ заявленій казаться вполнѣ удовлетворительнымъ, если опасеніе, будто, по выраженію одного изъ бельгійскихъ посланниковъ, «англійскіе солдаты войдутъ въ Бельгію, чтобы помочь намъ защищать нашъ нейтралитетъ, начавъ съ того, что его скомпрометируютъ» [2]), оказалось лишеннымъ почвы, то все же состояніе европейскихъ отношеній въ послѣдніе годы передъ войной не позволяло Бельгіи ни на минуту забыть, что передъ ней стоялъ коренной вопросъ ея государственнаго бытія. Предпринимавшіяся бельгійскими дипломатами мѣры для выясненія и правильнаго направленія отдѣльныхъ сторонъ вопроса, съ которыми,—поскольку онѣ стали извѣстными,—мы сейчасъ знакомились, не могли не быть палліативами. Внутри совершалась болѣе глубокая работа и принимались болѣе крупныя рѣшенія. «Политика нейтралитета» выросла въ героическую рѣшимость отстаивать національное существованіе, откуда бы ни грозила ему опасность. Въ 1913 г. былъ проведенъ законъ о всеобщей воинской повинности, и съ этой минуты созрѣла въ окончательной формѣ бельгійская внѣшняя программа. Среди обнародованныхъ теперь бельгійскихъ дипломатическихъ документовъ находится отчетъ бельгійскаго посланника въ Парижѣ барона Гильома объ одной изъ его бесѣдъ во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, относящейся къ началу 1913 г. Выдержка изъ этого отчета

[1]) Письмо сэра Э. Грея 7 апрѣля 1913 г.; Corr. dipl., II, 46.
[2]) Депеша бар. Бейенса 24 апр. 1914 г.; Belg. Aktenstücke, 135

всего лучше передаетъ эту программу, осуществленную полностью въ трагическіе дни Льежа и Антверпена [1]):

...Мой собесѣдникъ спросилъ меня о голосованіи нашего военнаго закона, его важности, размѣрахъ значенія, цѣли, возможностей успѣха въ парламентѣ.

Я отвѣтилъ соотвѣтственнымъ образомъ, замѣтивъ со всѣми необходимыми оговорками, что тѣсныя отношенія, недавно установленныя Англіей съ нѣкоторыми великими державами, не ставятъ ее по отношенію къ намъ въ то же положеніе, что̀ нѣкогда, хотя существованіе свободной и независимой Бельгіи продолжаетъ имѣть жизненное значеніе для ея политики. Мы желаемъ избѣжать, если возможно, чтобы Бельгія вновь не стала,—какъ она бывала часто,—полемъ сраженія для Европы.

Я добавилъ, что Бельгія намѣрена имѣть солидную и серьезную армію, которая позволила бы ей цѣликомъ и вполнѣ исполнить ея долгъ для обороны ея независимости и ея нейтралитета.

Великолѣпно,—отвѣтилъ мнѣ мой собесѣдникъ,—но ваши новыя вооруженія не вызваны ли опасеніемъ, что этотъ нейтралитетъ будетъ нарушенъ Франціей?

— Нѣтъ, они такъ же мало направлены противъ Франціи, какъ противъ Германіи; они назначены, чтобы помѣшать всякому къ намъ войти...

...мы не предаемся никакимъ гаданіямъ; то, что̀ можетъ быть вѣрнымъ сегодня, можетъ оказаться невѣрнымъ завтра вслѣдствіе новыхъ условій, и наша цѣль единственно въ томъ, чтобы въ мѣру нашихъ силъ воспрепятствовать всякому нарушенію нашего нейтралитета...».

Бар. Б. Э. Нольде.

[1]) Депеша 22 февраля 1913 г.; Corr. dipl., II, 1.

БЕЛЬГІЯ ВЪ ВЕЛИКОЙ ВОЙНѢ.

„Надобно постоянно повторять, что представляетъ собою истину, такъ какъ заблужденіе безпрестанно возобновляетъ вокругъ насъ свою проповѣдь и его органами являются не отдѣльныя личности, а массы".

Гете

„Разговоры съ Эккерманомъ".

Непреодолимое чувство горя и возмущенія охватываетъ насъ при мысли, что дорогое намъ существо терпитъ неповинно обиду своей чести, что заподозрѣваютъ его добросовѣстность, что его обвиняютъ въ криводушіи. И если такія моральныя страданія обрушиваются на него въ то время, когда оно уже подавлено другими бѣдствіями, душѣ нашей становится такъ нестерпимо больно, что мы готовы на всякія усилія, лишь бы ускорить его реабилитацію.

Всѣ бельгійцы переживаютъ сейчасъ такое чувство по отношенію къ своей родинѣ.

Родина ихъ разграблена и растоптана войной. Она обманута въ довѣріи, которое питала къ торжественно ей даннымъ обѣщаніямъ. На ней нѣтъ ни одного живого мѣста. И вотъ теперь ее же обвиняютъ въ отсутствіи лояльности, и ей грозитъ опасность стать сразу ненавистной для враговъ и подозрительной для друзей.

Что можетъ быть отраднѣе, какъ выступить съ полнымъ убѣжденіемъ на ея защиту? Не для того, чтобы играть роль апологета или хотя бы адвоката, а для того, чтобы прямо и просто сказать, что она такое и что она сдѣлала.

Въ Германіи стараются набросить тѣнь на то, какъ Бельгія до войны понимала свой нейтралитетъ; противъ нея нагромождаютъ обвиненія; о ней говорятъ не иначе, какъ въ агрессивномъ тонѣ; и эти ожесточенныя нападки на обезсиленную страну, повидимому, надобны затѣмъ, чтобы помѣшать другимъ ее любить и уважать.

Въ томъ хаосѣ, въ какомъ сейчасъ всѣ живутъ, міровое общественное мнѣніе здѣсь сбилось съ толка, не зная, на чемъ установиться; оно питается больше впечатлѣніями. Быть можетъ, пришла пора дать ему въ руки факты.

Для того, чтобы освѣтить принятое на вѣру и проложить путь для правильныхъ сужденій, будетъ не лишнимъ перебрать всѣ обвиненія,—даже такія, нелѣпость которыхъ бросается въ глаза при одномъ упоминаніи,—и отнестись къ нимъ со вниманіемъ, какого они какъ будто и не стоили бы. Но Бельгіи не за что себя упрекнуть,—и она заслуживаетъ, чтобы это было засвидѣтельствовано, ради чего всякое показаніе противъ нея должно быть подвергнуто разбору и должна быть обличена безъ страстности, но и безъ снисхожденія всякая ошибка и всякая клевета.

Тутъ, впрочемъ, заинтересована не одна она. Есть и другіе, для которыхъ это важно въ равной мѣрѣ.

Изображая, будто Бельгія не соблюла лежавшихъ на ней обязательствъ, враги ея компрометируютъ этимъ дѣло маленькихъ націй и режимъ постояннаго нейтралитета.

А между тѣмъ мы, несомнѣнно, на зарѣ тѣхъ дней, когда исторія будетъ исторіей свободнаго развитія націй, ревнивыхъ къ своей автономіи и въ то же время нетерпѣливо относящихся къ стремленіямъ втянуть ихъ въ сѣть интригъ и подчинить гегемоніи вліяній. Поэтому народы, которые выросли подъ правовой охраной, а также и другіе, которые, можетъ быть, сейчасъ живутъ мечтой, что они и себѣ ея потребуютъ на долю, должны знать безъ утайки все, чему здѣсь учитъ бельгійскій опытъ.

Строки эти написаны въ Швейцаріи. Въ этой странѣ, такъ похожей на нашу, я нашелъ не только симпатію, поддерживаю-

щую душу, но также то полное разсудительности и чувства мѣры настроеніе, которымъ такъ надо дорожить, когда готовишь трудъ, гдѣ на каждомъ шагу приходится обуздывать порывы сердца.

Чтобы обезпечить возможное достоинство за этой небольшой работой, я для провѣрки самого себя подвергъ свои утвержденія самому строгому контролю: научная совѣсть—изъ самыхъ щекотливыхъ. Я искреннѣйшимъ образомъ благодарю и въ нашей странѣ, сколько ея осталось, и за границей всѣхъ, кто мнѣ помогъ собрать необходимые для выясненія правды факты, хотя кое-какіе изъ нихъ и не предназначались для оглашенія по своему характеру или въ силу высокаго положенія тѣхъ лицъ, которыя мнѣ ихъ сообщили.

Я не безъ нѣкотораго сожалѣнія разстаюсь съ этими страницами, писанными съ любовью, какъ люди охотно поддерживаютъ разговоръ о своемъ несчастьи, ища въ немъ утѣшенія. Я обращаюсь съ ними ко всѣмъ, чья совѣсть не поддалась натиску озлобленія и предвзятыхъ мнѣній.

Эмиль Ваксвейлеръ,

Директоръ Сольвеевскаго соціологическаго института при Брюссельскомъ университетѣ.

Женева,
декабрь 1914 г.

I

До 2 августа 1914 года,

въ 7 часовъ вечера.

За послѣднія 25 лѣтъ въ общественномъ настроеніи Бельгіи произошла глубокая перемѣна относительно всего, что касается Германіи. Прежнее нѣсколько мистическое преклоненіе передъ нею, какъ передъ загадочною силой, смѣнилось желаніемъ подойти къ ней поближе и познакомиться съ ней.

Это произошло оттого, что бельгійцы стали встрѣчаться съ нѣмцами во многихъ и многихъ областяхъ.

Прежде всего у себя дома. Они видѣли, какъ съ каждымъ днемъ къ нимъ являлось все больше и больше трудолюбивыхъ и настойчивыхъ молодыхъ людей, которые обращались въ банки, на фабрики и въ магазины и просили мѣстъ, соглашаясь часто на очень низкое вознагражденіе. На ряду съ ними пріѣзжали техники съ глубокой и очень спеціальной подготовкой, нерѣдко обезпечивавшей имъ завидные посты на фабрикахъ и въ лабораторіяхъ. Дальше шли крупныя финансовыя или коммерческія фирмы, нѣмецкій персоналъ которыхъ управлялъ нѣмецкими капиталами, или же представители нѣмецкихъ торговыхъ домовъ, разъѣзжавшіе по городамъ и весямъ, создавая или укрѣпляя за собой кліентелу. Вліяніе участія нѣмецкихъ финансовыхъ группъ часто сильно давало себя чувствовать даже въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, номинально или фактически остававшихся бельгійскими.

Правда, это проникновеніе не преминуло вызвать недовольство или холодность среди тѣхъ, чьи личные интересы страдали

отъ конкуренціи иммигрантовъ. Но они составляли лишь очень небольшое меньшинство; въ общемъ же публика очень цѣнила усердіе молодыхъ нѣмцевъ, ихъ точныя и глубокія знанія, и зачастую этихъ иностранцевъ ставили въ примѣръ мѣстной молодежи, не желавшей дѣлать необходимыхъ усилій, чтобы сохранить за собой мѣста, которыя у нея отнимали.

Каждое лѣто въ Бельгію пріѣзжало больше двадцати тысячъ нѣмецкихъ семей, располагавшихся по пляжамъ нашего побережья; Бланкенбергъ, Эйстъ, Кноке, даже мѣстечки болѣе недавняго происхожденія—Вестенде и Дюинбергенъ—считались почти нѣмецкими пляжами. «Вы не можете себѣ представить,—писала одна нѣмецкая дама въ письмѣ, напечатанномъ въ еженедѣльномъ журналѣ «Die Woche» два года тому назадъ,—прелести жизни на бельгійскомъ побережьѣ; она проста и носитъ семейный характеръ, который такъ нравится намъ, нѣмцамъ». Дѣйствительно, населеніе проявляло широкое и сердечное гостепріимство. Мѣстные жители любили слушать подъ окнами отелей веселыя или суровыя пѣсни, которыя дачники пѣли хоромъ на своихъ Liederabend'ахъ. На дѣтскихъ праздникахъ на пляжѣ или въ дюнахъ привыкли видѣть нѣмецкихъ флажковъ не меньше, чѣмъ бельгійскихъ.

Выставки и съѣзды, съ своей стороны, привлекали много нѣмцевъ, спеціалистовъ или просто туристовъ. Брюссель являлся естественнымъ центромъ международныхъ собраній и учрежденій, находившихъ тамъ очевидныя преимущества какъ съ политической, такъ и съ географической точекъ зрѣнія. Особенно много связей у бельгійцевъ съ нѣмцами завязалось въ 1910 году, благодаря участію этихъ послѣднихъ во всемірной выставкѣ и въ происходившихъ на ней съѣздахъ; при этомъ нѣмцы не упускали случая выразить свое удовольствіе по поводу оказаннаго имъ радушнаго пріема.

Въ Антверпенѣ и Брюсселѣ возникли нѣмецкія школы. Благодаря престижу, которымъ пользуются нѣмецкіе педагогическіе методы, и благодаря тому, что стоявшіе во главѣ этихъ школъ выдающіеся педагоги очень заботились о воспитательной ихъ сторонѣ, онѣ не замедлили привлечь множество дѣтей. Въ то же самое время нѣмецкія книгоиздательства предоставляли бельгійской публикѣ тысячи мелкихъ удобствъ, возможныхъ для книжныхъ магазиновъ, располагающихъ крупнымъ книжнымъ и журнальнымъ рынкомъ.

И множество другихъ обстоятельствъ содѣйствовали сближенію!

Промышленная Бельгія живетъ вывозомъ; и вотъ на всѣхъ рынкахъ земного шара она все больше и больше наталкивалась на конкуренцію нѣмецкаго производства. Чтобы имѣть возможность защититься, она принялась изучать, — и на этотъ разъ уже не поверхностно, а настойчиво и внимательно,—причины поразительнаго экономическаго развитія Германіи. Въ силу повелительной необходимости знать языкъ опаснаго соперника готовившіяся къ дѣловой карьерѣ молодыя поколѣнія выучивались говорить и писать по-нѣмецки. Бельгійцы съ жадностью принялись читать труды, по которымъ можно было познакомиться съ формировкой нѣмецкихъ коммерсантовъ, промышленниковъ и банкировъ. «Дайте намъ молодыхъ людей, сформированныхъ, какъ въ Германіи!» воскликнулъ король Леопольдъ II, обращаясь къ представителямъ брюссельскаго университета во время своего послѣдняго новогодняго пріема въ королевскомъ дворцѣ. Для изученія германскихъ порядковъ снаряжали миссіи, завязывали личныя отношенія. При этомъ съ полною ясностью обнаружилась главная пружина современной экономической дѣятельности: стало очевидно, что въ Германіи такъ же, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, необыкновенная производительность какъ капиталовъ, такъ и человѣческаго труда обусловливается организаціей.

Эта нѣмецкая организація, координація давала о себѣ знать въ могущественныхъ промышленныхъ синдикатахъ, которые не оставались въ предѣлахъ своихъ границъ и періодически устраивали собранія представителей металлургическихъ и стеклянныхъ заводовъ, химическихъ или текстильныхъ фабрикъ Бельгіи, Германіи и другихъ странъ. Она о себѣ заявляла и въ такихъ современныхъ городахъ, какъ Дюссельдорфъ и Франкфуртъ, гдѣ подъ давленіемъ новыхъ потребностей былъ введенъ новый административный режимъ, несомнѣнно, давшій успѣшные результаты.

Все это служило предметомъ обмѣна мыслей. Нѣмцы, не ждавшіе такой отзывчивости отъ бельгійцевъ, открыли имъ доступъ въ свои газеты и журналы и сами усердно организовали экскурсіи для ближайшаго изученія маленькой націи, которая росла бокъ о бокъ съ ними и въ которой они съ готовностью признавали и крупныя достоинства, и богатые ресур-

сы. Въ послѣднія нѣсколько лѣтъ у большихъ нѣмецкихъ газетъ, издающихся въ Берлинѣ, Франкфуртѣ и Кельнѣ, были въ Бельгіи собственные корреспонденты, со знаніемъ дѣла и интересомъ наблюдавшіе перипетіи экономической и политической жизни страны.

Но особой живости и правильности это духовное взаимодѣйствіе достигло въ научной области.

Уже много лѣтъ тому назадъ стали считать, что молодой бельгійскій ученый, не побывавшій въ нѣмецкомъ университетѣ, не имѣетъ права на вниманіе. Во время своихъ наѣздовъ въ Германію каждый себѣ устраивалъ какъ бы «постъ научнаго товарищества», куда часто заглядывалъ и откуда раскидывалась сѣть сотрудничества и обмѣна корреспонденціями.

Какъ въ психологіи, физіологіи, такъ и въ химіи, физикѣ и въ естественныхъ наукахъ періодическія изданія, «Jahresberichte», регулярныя сессіи конгрессовъ связывали между собой изслѣдователей или разбивали ихъ на школы въ зависимости отъ различія ихъ программы. Курсы, устраиваемые во время каникулъ, все болѣе и болѣе привлекали,—особенно въ педагогикѣ,—умы, ищущіе новыхъ путей.

Что касается соціальныхъ наукъ, то, по выраженію Шарля Жида, въ Бельгіи «ледъ растаялъ» отъ дыханія нѣмецкой науки: давшій новую оріентацію соціальной политикѣ знаменитый эйзенахскій манифестъ нашелъ запоздалый, но живой откликъ въ поколѣніи, сформировавшемся около 1890 года. Въ болѣе общей области соціологіи результатомъ соглашенія между нѣмецкими коллегами и мной явилось, въ самое послѣднее время, изданіе общаго органа. Тѣсныя связи существовали, съ одной стороны, между руководителями бельгійскаго соціализма и германской соціалъ-демократіи, а съ другой—между шефами католической демократіи обѣихъ странъ.

Все это было ничуть не удивительно, такъ какъ Бельгія не могла не поддаться сильному вліянію Германіи, но это было ново. Для всѣхъ тѣхъ, кто зналъ бельгійцевъ раньше, было ново, что они теперь такъ хорошо знакомы со всѣми проявленіями нѣмецкой жизни.

Нѣкоторые на это косились. Не могла ли эта предупредительность перейти во вредное попустительство? Не подготовляла ли эта политика открытыхъ дверей почвы для постороннихъ вліяній? Въ нѣкоторыхъ кругахъ, напримѣръ, заботливо сводили въ одно

цѣлое доказательства преобладанія нѣмцевъ въ Антверпенѣ, метрополіи морской торговли и жизненномъ центрѣ бельгійскаго ввоза и вывоза.

Но эту подозрительность было нетрудно успокоить. Въ концѣ-концовъ значительная часть Hinterland'a антверпенскаго порта географически—германская; было естественно и неизбѣжно, что нѣмецкіе торговые дома основали въ Антверпенѣ филіальныя отдѣленія, и не менѣе естественно и неизбѣжно, что эти отдѣленія стали играть тамъ значительную роль. Власти города и даже страны, не колеблясь, отдавали должное активности и предпріимчивости антверпенскихъ нѣмцевъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ наиболѣе могущественныхъ представителей дѣлового міра, г. фонъ-Бари, устроилъ банкетъ въ честь бургомистровъ главныхъ нѣмецкихъ городовъ прирейнскихъ провинцій: принцъ Альбертъ присутствовалъ на немъ. Еще совсѣмъ недавно, по случаю годовщины основанія Сѣверо-германскаго Ллойда, была организована манифестація, на которой присутствовали нѣсколько министровъ изъ теперешняго кабинета.

Вдобавокъ, основавшіеся въ Бельгіи нѣмцы очень быстро приспособлялись къ національнымъ правамъ; они совершенно не мѣшали развитію собственныхъ силъ націи; они даже не скрывали, что имъ нравилось жить въ Бельгіи.

Фактъ, достойный замѣчанія: гостепріимное отношеніе бельгійцевъ къ нѣмцамъ ничуть не уменьшало проявленія всеобщей симпатіи по отношенію къ французамъ,—первое выросло не за счетъ второго. Бельгіецъ, въ которомъ и такъ борются импульсы двухъ расъ, составляющихъ населеніе Бельгіи, установилъ извѣстное равновѣсіе тенденцій; быть можетъ онъ дошелъ до этой средней мѣры подъ вліяніемъ новѣйшихъ наставленій своихъ историковъ, показавшихъ ему, что въ прошломъ два фактора участвовали въ образованіи его національной личности; быть можетъ, онъ придерживался ея инстинктивно, изъ чувства самосохраненія.

Воинствующей непріязни къ Германіи не было даже у тѣхъ, кто въ послѣднее время принималъ дѣятельное участіе въ движеніи, направленномъ къ тому, чтобы тѣснѣе сблизиться съ Франціей; ихъ безпокоилъ лишь фламингантизмъ, но именно фламандское національное движеніе, вопреки видимостямъ, и не находило поддержки среди жившихъ въ Бельгіи нѣмцевъ.

* * *

Такое настроеніе постепенно создалось у бельгійскаго общества за послѣднія 25 лѣтъ. Какова же была въ этотъ періодъ оріентація правительственной политики?

Король Леопольдъ II умеръ въ концѣ 1909 года; послѣ него на престолъ вступилъ король Альбертъ. Ни для кого не секретъ, что во время царствованія Леопольда II отношенія бельгійскаго двора съ германскимъ не отличались особенной сердечностью. Колоніальная политика короля и разныя другія обстоятельства настроили официальные берлинскіе круги не слишкомъ благопріятно. Положеніе вещей измѣнилось съ самаго начала новаго царствованія. Были извѣстны личныя отношенія королевской четы съ кронпринцемъ; было извѣстно, что однимъ изъ свидѣтелей на свадьбѣ принца Альберта съ принцессой Елизаветой баварской былъ самъ императоръ, проявлявшій горячую симпатію къ молодому бельгійскому монарху. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего вступленія на престолъ король и королева отправились въ Берлинъ; тамъ произошелъ обмѣнъ тостовъ, проникнутыхъ истиннымъ взаимнымъ расположеніемъ.

Наслѣдникъ престола, передавъ бельгійскимъ королю и королевѣ сердечный привѣтъ императора, который самъ не могъ ихъ встрѣтить, просилъ ихъ принять увѣреніе въ чувствахъ искренняго уваженія къ Ихъ Величествамъ со стороны германскаго правительства и народа и затѣмъ продолжалъ такъ:

«Наши народы связаны историческими воспоминаніями. Между нашими семьями существуетъ кровная связь.

«Въ домѣ германскихъ принцевъ вы, Ваше Величество, нашли подругу, съ которой подаете столь блестящій примѣръ счастливой семейной жизни.

«Ваше Величество должны быть убѣждены, что все то, что способствуетъ упроченію дружбы между членами нашихъ домовъ, находитъ живой откликъ въ сердцахъ нѣмцевъ.

«Отъ имени моего отца я выражаю пожеланіе, чтобы царствованіе Вашего Величества и королевы было продолжительно и благополучно на благо кроткой Бельгіи».

Вотъ важнѣйшіе пункты тоста, которымъ отвѣтилъ король Альбертъ:

«Бельгія сочувственно откликнется на слова Вашего Высочества, такъ какъ бельгійцы питаютъ истинную дружбу къ нѣ-

мецкому народу; дружба эта не переставала развиваться съ тѣхъ поръ, какъ Бельгія стала независимой.

«Къ нашему уваженію и дружбѣ съ самой націей присоединяется чувство преклоненія передъ возвышеннымъ пониманіемъ обязанностей монарха, воодушевляющимъ императора.

«Императоръ представляетъ намъ благородный примѣръ жизни, всецѣло посвященной благосостоянію подданныхъ, мощному расширенію сферы вліянія Германіи и ея производства, ея блестящему представительству за границей, а также и всеобщему миру.

«Я убѣжденъ, что послѣ нашего визита отношенія между нашими странами и между нашими домами станутъ еще тѣснѣе и сердечнѣе».

Вскорѣ послѣ этого, въ октябрѣ 1910 года, императоръ и императрица, въ сопровожденіи принцессы Викторіи-Луизы, пріѣзжали въ Брюссель отдавать визитъ, сдѣланный имъ бельгійскими монархами. Императоръ не скрывалъ удовольствія, которое ему доставилъ пріемъ брюссельскаго населенія. Во время обѣда во дворцѣ опять были произнесены слова симпатіи:

«Государь,—сказалъ король,—народъ бельгійскій высоко оцѣнитъ дружескій интересъ, съ которымъ къ нему относится Ваше Императорское Величество. Онъ видитъ и привѣтствуетъ въ императорѣ дальновиднаго и просвѣщеннаго монарха, который такъ хорошо умѣлъ содѣйствовать блестящему развитію своей страны во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни.

«Онъ не менѣе искренно, чѣмъ я, желаетъ, чтобы искреннія отношенія, существующія между обоими царствующими домами, способствовали упроченію дружбы между обѣими націями.

«Что касается меня, то, связанный съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ узами родства и любви, какъ Вашему Величеству было угодно напомнить въ Потсдамѣ, я знаю всю цѣну чувствамъ, проявленнымъ Вашимъ Величествомъ по отношенію къ королевѣ и ко мнѣ.»

Императоръ отвѣтилъ:

«Пышный пріемъ, приготовленный намъ въ этой чудной столицѣ Ихъ Величествами и бельгійскимъ народомъ, насъ глубоко тронулъ и вызвалъ въ насъ тѣмъ болѣе живое чувство благодарности, что мы видимъ въ этомъ пріемѣ залогъ тѣсной связи, существующей не только между нашими семьями, но и между нашими народами. Исполненный дружеской симпатіи, я, какъ

и вся Германія, внимательно слѣжу за замѣчательными успѣхами, которыхъ неутомимо дѣятельный бельгійскій народъ достигаетъ во всѣхъ областяхъ торговли и промышленности, и увѣнчаніе которыхъ мы могли привѣтствовать на всемірной выставкѣ этого года, столь блестящей и удачной.

«... Да будутъ еще тѣснѣе полныя довѣрія добрососѣдскія отношенія, дружескимъ доказательствомъ которыхъ послужили совсѣмъ недавніе переговоры между нашими правительствами!»

Императоръ намекалъ на договоръ 11 августа 1910 года, регулирующій границу между нѣмецкой территоріей и бельгійскимъ Конго въ области озера Кивю.

Но чувства, аналогичныя тѣмъ, выраженіе которыхъ мы тутъ видѣли, проявились и въ рѣчахъ, произнесенныхъ во время визитовъ, которыми обмѣнялись король и президентъ французской республики. Въ Парижѣ въ іюлѣ 1910 года король Альбертъ, говоря о двухъ сосѣднихъ народахъ, сказалъ:

«Самыя тѣсныя отношенія никогда не переставали существовать между ними, и съ каждымъ днемъ, повидимому, завязываются новыя. На ряду съ постоянно возрастающимъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ статистика, обмѣномъ товаровъ, между ними существуетъ постоянный идейный обмѣнъ. На ряду съ утилитарными, коммерческими ихъ связываютъ и болѣе высокіе общіе интересы.

«Литературное и артистическое сіяніе Франціи, ея страстный культъ прогресса во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, оказали на сближеніе нашихъ двухъ странъ болѣе сильное вліяніе, чѣмъ экономическіе интересы, и подлинный обмѣнъ интеллектуальными цѣнностями влечетъ насъ къ благородной націи, живительное вліяніе которой на все человѣчество считаетъ за собой вѣка. Наши мыслители, наши артисты, наши писатели, пишущіе на французскомъ языкѣ, какъ бы они ни дорожили самобытнымъ характеромъ своей расы, знаютъ, чѣмъ они обязаны Франціи,—ясности ея генія, совершенству ея вкуса, ея артистическому темпераменту, вносящему красоту во все, что выходитъ изъ ея рукъ».

И въ маѣ 1911 года въ Брюсселѣ, подчеркивая высказанную королемъ мысль, президентъ Фальеръ съ своей стороны сказалъ:

«Своимъ визитомъ я не только исполняю пріятный долгъ вѣжливости; я выражаю имъ, какое значеніе моя страна придаетъ дружбѣ съ вашей.

«Франція съ интересомъ и восхищеніемъ наблюдаетъ за быстрымъ и блестящимъ развитіемъ вашей молодой національности; она видѣла, какъ эта національность народилась, росла и укрѣплялась среди величайшихъ трудностей. Во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности,—въ промышленности, торговлѣ, политикѣ, литературѣ, наукѣ и искусствѣ,—Бельгія завоевала себѣ видное мѣсто въ концертѣ націй; мы, болѣе чѣмъ кто-либо, привѣтствуемъ ея успѣхи и вмѣстѣ съ Вашимъ Величествомъ мы высказываемъ пожеланіе, чтобы общія стремленія нашихъ обѣихъ странъ все болѣе способствовали гармонизаціи ихъ экономическихъ интересовъ».

Такимъ образомъ, и въ офиціальныхъ сферахъ проявлялось полное равенство отношенія къ обѣимъ великимъ сосѣдкамъ Бельгіи.

Довѣріе Бельгіи къ той и къ другой было такъ велико, что многіе политическіе дѣятели считали, что ей никогда не придется опасаться нашествія. Во время одного изъ собраній комиссіи, назначенной въ 1900 году по вопросу о реорганизаціи арміи, нѣкоторые члены министерства и пользовавшіеся большимъ авторитетомъ лидеры партій вышли изъ зала засѣданій, находя, что несвоевременно измѣнять существующій военный режимъ, въ основѣ котораго въ то время еще лежалъ рекрутскій наборъ по жребію. «Сомнѣваться въ трактатахъ, гарантирующихъ неприкосновенность Бельгіи, значитъ ослаблять ихъ силу», сказалъ одинъ изъ нихъ.

И кстати въ это же самое время Германія показала, насколько она принимаетъ къ сердцу, чтобы бельгійская политика строго держалась въ границахъ абсолютнаго нейтралитета. По иниціативѣ бургомистровъ четырехъ городовъ началась было организація отряда волонтеровъ для защиты въ Китаѣ бельгійскихъ интересовъ, которые могли пострадать вслѣдствіе возстанія боксеровъ. Германія очень энергично указала, что Бельгія, какъ нейтральное государство, не можетъ принимать такой мѣры. Бельгія подчинилась, несмотря на то, что ея политическимъ представителямъ и ея гражданамъ угрожала опасность. Компенсаціей для нея была увѣренность, что такой образъ дѣйствій Германіи служитъ порукой тому, какъ ея могущественная сосѣдка активно намѣрена вступаться за гарантированный ею бельгійскій нейтралитетъ.

Впослѣдствіи это было засвидѣтельствовано еще опредѣленіе.

Въ 1911 году во время полемики, поднявшейся по поводу голландскаго законопроекта объ укрѣпленіи Флиссингена, нѣкоторыя газеты увѣряли, что въ случаѣ франко-германской войны бельгійскій нейтралитетъ будетъ нарушенъ Германіей.

Бельгійское министерство иностранныхъ дѣлъ подало идею, что заявленіе, сдѣланное въ нѣмецкомъ парламентѣ по случаю дебатовъ объ иностранной политикѣ, успокоило бы общественное мнѣніе и разсѣяло бы недовѣріе, столь прискорбное съ точки зрѣнія отношеній между двумя странами. Бетманъ-Гольвегъ отвѣтилъ, что его очень тронули чувства, руководившія тѣми, кто сдѣлалъ это предложеніе. Онъ заявилъ, что Германія не помышляетъ о нарушеніи бельгійскаго нейтралитета, но считалъ, что, заявляя объ этомъ публично, Германія ослабила бы себя съ военной точки зрѣнія по отношенію къ Франціи, которая, узнавъ, что ничто не грозитъ ей съ сѣвера, сосредоточила бы всѣ свои силы на востокѣ. («Сѣрая книга», № 12).

Этотъ отвѣтъ имперскаго канцлера, согласно его распоряженію, былъ переданъ бельгійскому правительству устно, и это послѣднее согласилось съ доводами канцлера противъ публичной декларацiи, которую министерству хотѣлось получить. (Тамъ же.)

Въ 1913 году 29 апрѣля на засѣданіи бюджетной комиссіи рейхстага были сдѣланы еще болѣе опредѣленныя заявленія; «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», которая, какъ извѣстно, носитъ официозный характеръ, передала ихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ (тамъ же):

«Одинъ членъ соц.-демократической партіи сказалъ: «Въ Бельгіи перспектива франко-германской войны вызываетъ тревогу, такъ какъ тамъ боятся, что Германія нарушитъ нейтралитетъ Бельгіи».

«Фонъ-Яговъ, статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, отвѣтилъ: «*Нейтралитетъ Бельгіи обусловленъ международными конвенціями, и Германія намѣрена соблюдать эти конвенціи*».

«Это заявленіе не удовлетворило другого члена соц.-демократической партіи. Фонъ-Яговъ замѣтилъ, что ему нечего прибавить къ яснымъ словамъ, сказаннымъ имъ по поводу отношеній Германіи и Бельгіи.

«На новые вопросы одного члена соц.-демократической партіи, Герингена, военный министръ отвѣтилъ: «Бельгія не играетъ никакой роли при осуществленіи нѣмецкой военной реформы;

эта послѣдняя находитъ свое оправданіе въ положеніи на востокѣ. *Германія не будетъ упускать изъ виду, что бельгійскій нейтралитетъ гарантированъ международными трактатами».* Когда одинъ членъ прогрессистской партіи заговорилъ о Бельгіи, Яговъ снова замѣтилъ, что его заявленіе относительно Бельгіи достаточно ясно».

Въ общемъ во всѣхъ этихъ утвержденіяхъ повторяется въ дополненномъ видѣ мысль, выраженная посланникомъ въ Бельгіи, барономъ фонъ-Вальвицемъ, на банкетѣ въ Антверпенѣ въ 1905 году, при празднованіи 75-лѣтія нашей національной независимости: «Уваженіе передъ бельгійскимъ нейтралитетомъ, сказалъ онъ,—нѣчто въ родѣ политической аксіомы въ Германіи, и никто не могъ бы отступить отъ нея, не вызвавъ самыхъ серьезныхъ послѣдствій».

Несмотря на эти увѣренія, инциденты европейской политики производили сильное впечатлѣніе на правящіе круги Бельгіи. Марокккскій кризисъ своими перипетіями непосредственно отозвался на странѣ: когда въ 1911 году дѣло шло объ основахъ франко-германскаго соглашенія, переговоры, начатые внѣ обыкновенныхъ дипломатическихъ путей, коснулись и бельгійскаго Конго и показали Бельгіи, что ей пора уже начать больше разсчитывать на собственныя силы. Въ то же время, вслѣдствіе образованія двухъ политическихъ группировокъ великихъ державъ, Франція сблизилась съ Англіей, которая до тѣхъ поръ сохраняла полную свободу дѣйствій. Въ дипломатическихъ и военныхъ кругахъ нѣкоторыхъ столицъ усиливалось впечатлѣніе, что близится европейская война. Въ довершеніе такихъ тревожныхъ предчувствій Бельгія получила въ 1912 году съ очень авторитетной стороны дружескій совѣтъ быть наготовѣ для защиты всѣхъ своихъ границъ. Онъ былъ преподанъ ей королемъ румынскимъ Карломъ, монархомъ, не принадлежавшимъ ни къ тройственному союзу, ни къ тройственному согласію и высоко почитавшимся въ дипломатическихъ кругахъ за проницательность и знаніе всѣхъ европейскихъ отношеній. «Чудо 1870 года,—сказалъ онъ,—не повторится. Бельгіи сильно грозитъ опасность, что ея нейтралитетъ будетъ нарушенъ однимъ изъ ея троихъ сосѣдей». Въ то же время Бельгія получала и другія предостереженія; были обнаружены планы внезапнаго нашествія нѣмецкихъ войскъ на бельгійскую территорію; опредѣленіе становились мѣры, принимавшіяся Франціей на ея сѣверной границѣ.

Къ тому же и нѣмецкіе военные писатели способствовали росту этихъ опасеній: такъ, пользовавшійся въ Германіи литературной популярностью генералъ фонъ-Бернгарди издалъ въ концѣ 1911 года книгу подъ заглавіемъ «Deutschland und der nächste Krieg», заключавшую массу заявленій крайне тревожнаго для Бельгіи свойства. Я отмѣчу здѣсь нѣкоторыя изъ наиболѣе характерныхъ:

«...*Понятіе постояннаго нейтралитета совершенно противорѣчитъ сущности государства*; это послѣднее можетъ достичь своихъ высшихъ моральныхъ заданій лишь черезъ соперничество съ другими государствами». (Гл. V, стр. 120.)

«...Тамъ (въ Бельгіи и Голландіи) непріятельское нашествіе не встрѣтитъ никакого естественнаго препятствія, никакой сильной крѣпости, *а нейтралитетъ—лишь бумажный оплотъ*. На югѣ тоже, пройдя черезъ Швейцарію, можно обогнуть рейнскую преграду, хотя съ этой стороны почвенный рельефъ создаетъ серьезныя препятствія»... (Гл. VII, стр. 189.)

Король Альбертъ немедленно по восшествіи на престолъ сталъ настаивать на томъ, что Бельгіи необходимо поднять организацію своей арміи на высоту современной техники. При различныхъ обстоятельствахъ онъ произносилъ на эту тему рѣчи, охотно напоминая, какъ самъ король Леопольдъ II обращался къ націи съ краснорѣчивыми призывами, чтобы пробудить въ ней чувство ея патріотическихъ обязанностей. Обращаясь къ гренадерскому полку, король Альбертъ говорилъ, напримѣръ:

«Я питаю горячую надежду, что, въ ясномъ предвидѣніи будущаго, нація все лучше и лучше будетъ понимать, какъ самый ея нейтралитетъ настоятельно возлагаетъ на нее высокую обязанность никогда не останавливаться передъ жертвами, соотвѣтствующими той роли, которую придется выполнить ея арміи, если когда-нибудь, вслѣдствіе всегда грозящихъ разразиться международныхъ осложненій, Бельгіи придется защищать свою территорію».

Наконецъ, въ 1913 году парламентъ принялъ законъ о радикальной реформѣ арміи: передъ началомъ публичныхъ дебатовъ военный министръ де-Броквиль нашелъ нужнымъ познакомить собраніе съ полученными правительствомъ конфиденціальными свѣдѣніями (см. выше); онъ сдѣлалъ это въ закрытомъ засѣданіи, и его собщеніе имѣло рѣшающее вліяніе на голосованіе.

Въ то время, какъ развертывались эти событія, политическія отношенія Бельгіи съ ея тремя великими сосѣдками, Германіей, Англіей и Франціей, сохраняли характеръ вполнѣ искренней симпатіи. Воспользовавшись своимъ проѣздомъ черезъ Парижъ на обратномъ пути изъ лѣтняго мѣстопребыванія домой, король Альбертъ остановился тамъ, чтобы повидаться съ президентомъ республики, ради соблюденія вѣжливости, какъ въ томъ же году, попавъ въ Швейцарію, онъ заѣхалъ въ Бернъ. Король лично считаетъ, что ему слѣдуетъ быть знакомымъ съ высшими властями тѣхъ странъ, гдѣ онъ часто бываетъ. Въ Парижѣ король получилъ отъ президента Пуанкарэ категорическое увѣреніе, что вполнѣ миролюбиво настроенная Франція ничуть не думаетъ нарушать бельгійскаго нейтралитета.

Англія мало-по-малу признала твердое намѣреніе Бельгіи произвести въ Конго реформы, торжественно обѣщанныя королемъ въ день его восшествія на престолъ.

Наконецъ, въ Германію король ѣздилъ въ ноябрѣ 1913 года на юбилейныя торжества полка, почетнымъ шефомъ котораго онъ состоялъ: онъ послалъ полку свой портретъ, а императоръ съ своей стороны послалъ свой бельгійскому гренадерскому полку. Во время этого пребыванія въ Германіи король былъ приглашенъ въ Потсдамъ, гдѣ императоръ бесѣдовалъ съ нимъ объ общемъ политическомъ положеніи Европы и не скрывалъ отъ него серьезности этого послѣдняго. Онъ считалъ, что можетъ стать затруднительнымъ избѣжать войны съ Франціей, которая не идетъ навстрѣчу примирительному настроенію императора и пресса которой особенно проявляетъ все растущую враждебность: если бы пришлось воевать, прибавилъ онъ, то торжество германской арміи было бы несомнѣнно. Этотъ разговоръ, произведшій на короля глубокое впечатлѣніе, свидѣтельствовалъ о томъ, что императоръ не переставалъ оказывать ему довѣріе. Это довѣріе проявилось еще разъ уже въ настоящемъ 1914 году: императоръ пригласилъ короля присутствовать на маневрахъ, которые должны были происходить 17 сентября въ окрестностяхъ Кёльна; въ началѣ іюля король далъ знать, что онъ принимаетъ приглашеніе.

Въ странѣ во всѣхъ кругахъ царило желаніе, чтобы бельгійская политика придерживалась самаго строгаго нейтралитета; такъ, лидеръ либеральной партіи Эймансъ сообщилъ въ журналѣ «The Outlook» (30 сентября, стр. 255), какъ члены большинства

Филиал Центральной ВМБ

просили его посовѣтовать газетамъ его направленія проявлять сдержанность и осторожность при обсужденіи германскихъ дѣлъ.

По правдѣ сказать, часть бельгійскаго общественнаго мнѣнія относилась не безъ подозрительности къ любезностямъ, расточаемымъ другъ другу берлинскимъ и брюссельскимъ дворами: щекотливый патріотизмъ могъ придавать имъ значеніе, котораго фактически онѣ, несомнѣнно, не имѣли. Строго корректное поведеніе короля и королевы было отвѣтомъ на эти фантастическіе слухи, о которыхъ стоитъ упомянуть здѣсь лишь для того, чтобы правдиво передать главныя черты картины общественнаго настроенія въ Бельгіи.

* * *

24 іюля 1914 года бельгійскій посланникъ въ Вѣнѣ передалъ министру иностранныхъ дѣлъ въ Брюсселѣ текстъ ультиматума, только что отправленнаго Австро-Венгріей Сербіи. Это сообщеніе было сдѣлано въ то же время, какъ и сообщенія другихъ пословъ въ Вѣнѣ своимъ странамъ.

Извѣстно, какое волненіе вызвалъ этотъ документъ во всѣхъ дипломатическихъ кругахъ. Вполнѣ естественно, что волненіе было велико и въ Брюсселѣ.

Въ тотъ же день, 24 іюля, королевское правительство послало своимъ главнѣйшимъ представителямъ за границей письмо слѣдующаго содержанія («Сѣрая книга», № 2):

«Королевское правительство спрашивало себя, не слѣдуетъ ли при настоящихъ обстоятельствахъ послать державамъ, гарантировавшимъ независимость и нейтралитетъ Бельгіи, заявленіе, имѣющее цѣлью подтвердить намѣреніе этой послѣдней исполнить возложенныя на нее трактатами международныя обязанности въ томъ случаѣ, если у ея границъ разразится война.

«Оно пришло къ заключенію, что въ настоящее время такое заявленіе было бы преждевременнымъ, но что событія могутъ разыграться съ такой быстротой, что у него не будетъ времени въ нужный моментъ дать своимъ представителямъ за границей соотвѣтствующія инструкціи.

«При такихъ условіяхъ я (пишетъ министръ иностранныхъ дѣлъ) предложилъ королю и своимъ коллегамъ по кабинету,— и они согласились съ моимъ мнѣніемъ,—дать вамъ теперь же точныя указанія относительно того, что вы должны будете дѣ-

лать, если бы возможность франко-германской войны стала болѣе угрожающей.

«Въ этомъ пакетѣ вы найдете подписанное, но не датированное письмо, которое, если того потребуютъ обстоятельства, вы прочтете министру иностранныхъ дѣлъ, оставивъ ему копію.

«Я телеграммой увѣдомлю васъ, когда надо будетъ дѣйствовать. Телеграмма будетъ послана вамъ въ тотъ моментъ, когда будетъ объявлена мобилизація бельгійской арміи, если бы, вопреки нашей искренней надеждѣ и кажущейся возможности мирнаго разрѣшенія конфликта, полученныя нами свѣдѣнія заставили насъ принять эту крайнюю мѣру предосторожности».

Выраженія этого документа вполнѣ ясны: нужно, чтобы событія не застигли Бельгію врасплохъ; такъ какъ мѣры, которыя Бельгіи, можетъ быть, придется принять, должны быть мѣрами самосохраненія, то нужно во что бы то ни стало не дать событіямъ себя опередить.

Въ послѣдующіе дни дипломатическіе переговоры все ускоряютъ темпъ: въ англійской «Синей книгѣ», напримѣръ, между 25 и 29 іюля поминаются 80 документовъ. Дипломатическіе агенты бельгійскаго правительства держатъ его въ курсѣ событій. Въ понедѣльникъ 27 іюля оно получаетъ отъ посланника въ Берлинѣ тревожныя извѣстія относительно направленія, принятаго австро-сербскимъ конфликтомъ: «Отнынѣ война, повидимому, неизбѣжна,—пишетъ баронъ Бейенсъ,—и можно ожидать самаго худшаго. Бельгія должна сейчасъ же принять всѣ предосторожности, которыхъ требуетъ положеніе». На другой день телеграмма бельгійскаго посланника въ Вѣнѣ сообщаетъ объ объявленіи Австро-Венгріей войны Сербіи.

Въ этотъ моментъ у бельгійскаго правительства нѣтъ колебаній. Въ среду 29 іюля оно рѣшаетъ придать арміи усиленный составъ мирнаго времени,—простая мѣра предосторожности, которую оно спѣшитъ объяснить посланникамъ за границей слѣдующимъ письмомъ («Сѣрая книга», № 8):

«Королевское правительство рѣшило усилить армію въ составѣ мирнаго времени.

«Эту мѣру ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ мобилизаціей.

«Вслѣдствіе незначительности своей территоріи, вся Бельгія составляетъ какъ бы пограничную область. Въ обыкновенное время мирный составъ ея арміи ограничивается призывомъ одного

года. При усиленномъ составѣ мирнаго времени, когда въ нее вступаютъ три призыва, численность ея армейскихъ и кавалерійской дивизій становится аналогична войсковымъ частямъ, которыя сосѣднія державы постоянно содержатъ въ пограничномъ поясѣ. Эти свѣдѣнія дадутъ вамъ возможность отвѣчать на вопросы, которые могутъ вамъ быть предложены».

До этого момента въ Бельгіи не случилось ничего особеннаго. Но 31 іюля г. Давиньонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ два свиданія величайшей важности.

Французскій посланникъ принесъ ему показать телеграмму Агентства Гавасъ, извѣщавшую объ объявленіи въ Германіи положенія «военной опасности», «Kriegsgefahr», что влечетъ за собой извѣстныя мѣры предосторожности, обусловленныя натянутостью отношеній съ другой страной. По этому поводу французскій посланникъ въ Брюсселѣ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе («Сѣрая книга», № 9):

«Я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы заявить вамъ, *что никакія французскія войска не войдутъ въ Бельгію, даже если бы къ границамъ вашей страны были стянуты значительныя силы*; Франція не хочетъ брать на себя отвѣтственность перваго враждебнаго акта по отношенію къ Бельгіи. Соотвѣтствующія инструкціи будутъ даны французскимъ властямъ».

Бельгійскій министръ отвѣтилъ («Сѣрая книга», № 9):

«Мы всегда твердо вѣрили, что оба сосѣднія намъ государства честно исполнятъ свои обязательства по отношенію къ намъ. Мы имѣемъ также всѣ основанія думать, что позиція германскаго правительства будетъ тождественна съ позиціей правительства французской республики».

Второй визитъ 31 іюля былъ сдѣланъ англійскимъ посланникомъ («Сѣрая книга», № 11).

Ему поручено было заявить, что *Англія разсчитываетъ, что Бельгія будетъ защищать свой нейтралитетъ до послѣдней крайности*; Англія ждетъ скораго отвѣта. Посланникъ сообщаетъ также, что Англія только что запросила Германію и Францію, каждую въ отдѣльности, готовы ли онѣ соблюдать нейтралитетъ Бельгіи до тѣхъ поръ, пока его не нарушитъ никакая другая держава. Англія желаетъ, чтобы державы защищали и соблюдали этотъ нейтралитетъ, и разсчитываетъ, что онѣ это сдѣлаютъ.

Бельгійскій министръ отвѣчаетъ на это сообщеніе въ выраженіяхъ, аналогичныхъ тѣмъ, какими онъ отвѣтилъ французскому посланнику, и прибавляетъ, что значительно увеличенныя вслѣдствіе недавней реформы военныя силы Бельгіи могутъ позволить ей энергично защищаться въ случаѣ нападенія на ея территорію («Сѣрая книга», № 11).

Наконецъ въ тотъ же день, въ пятницу 31 іюля, нѣмецкая желѣзнодорожная администрація увѣдомляетъ бельгійскую, что поѣзда больше не могутъ пропускаться черезъ германскую границу.

Такимъ образомъ, положеніе сразу приняло до крайности серьезный характеръ. Въ тотъ же день 31 іюля правительство объявляетъ мобилизацію арміи, министръ иностранныхъ дѣлъ по телеграфу сообщаетъ это рѣшеніе въ бельгійскія посольства за границей («Сѣрая книга», № 10).

На другой день, въ субботу 1 августа, въ первый день мобилизаціи министръ, согласно сдѣланному имъ 24 іюля сообщенію (см. выше), по телеграфу дѣлаетъ распоряженіе (тамъ же, №№ 16, 17) объ исполненіи уже данныхъ имъ на всякій случай инструкцій. Эти инструкціи заключались въ слѣдующемъ (тамъ же, № 2, приложеніе):

«Международное положеніе серьезно; возможность конфликта между нѣсколькими державами не можетъ не безпокоить королевское правительство. Бельгія со скрупулезной точностью исполняла возложенныя на нее трактатами 19 апрѣля 1839 года обязанности нейтральнаго государства. Каковы бы ни были обстоятельства, она и дальше непоколебимо будетъ исполнять эти обязанности.

«Державы столько разъ выражали свое дружеское отношеніе къ ней, что Бельгія вѣритъ, что если у ея границъ начнутся военныя дѣйствія, ея территорія останется внѣ всякаго посягательства. Тѣмъ не менѣе королевскимъ правительствомъ были приняты всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія ея нейтралитета. Бельгійская армія мобилизована и направляется на стратегическія позиціи, избранныя для обезпеченія защиты страны и уваженія къ ея нейтралитету. Форты въ Антверпенѣ и на Маасѣ приведены въ оборонительное состояніе.

«Едва ли нужно настаивать на характерѣ этихъ мѣръ. Ихъ единственная цѣль—дать Бельгіи возможность исполнить свои международныя обязательства; само собой разумѣется, онѣ не были и не могли быть внушены ни намѣреніемъ принять участіе

въ вооруженной борьбѣ державъ, ни чувствомъ недовѣрія къ какой-либо изъ нихъ».

Въ то же время, стремясь обезпечить своей странѣ всѣ гарантіи, на которыя она имѣла право, и опираясь на сердечность своихъ отношеній съ германскимъ императоромъ, король пишетъ ему личное письмо, чтобы напомнить ему о всѣхъ законныхъ основаніяхъ, по которымъ Бельгія должна остаться неприкосновенной.

Бельгійское правительство, которое, какъ только что было сказано, получило наканунѣ увѣдомленіе о запросѣ, сдѣланномъ Англіей Германіи и Франціи, съ полнымъ довѣріемъ ждетъ на него отвѣта. Въ теченіе дня министръ иностранныхъ дѣлъ получаетъ телеграмму отъ бельгійскаго посольства въ Лондонѣ: «Ждутъ отвѣта Германіи. Франція согласна» («Сѣрая книга», № 13).

Затѣмъ, все еще 1-го августа, французскій посланникъ въ Брюсселѣ явился къ министру иностранныхъ дѣлъ и сдѣлалъ ему слѣдующее устное сообщеніе:

«Я уполномоченъ заявить, что въ случаѣ международнаго конфликта *правительство французской республики, согласно тому, что оно всегда заявляло, будетъ относиться съ уваженіемъ къ нейтралитету Бельгіи.* Въ случаѣ, если бы этотъ нейтралитетъ былъ нарушенъ другой державой, французскому правительству для обезпеченія собственной защиты придется, можетъ быть, измѣнить свою позицію («Сѣрая книга», № 15).

Въ виду важности этого офиціальнаго заявленія, министръ иностранныхъ дѣлъ не ограничивается сообщеніемъ его бельгійскимъ посланникамъ въ главнѣйшихъ столицахъ; онъ спеціально доводитъ его до свѣдѣнія германскаго посланника въ Брюсселѣ, и этотъ послѣдній при встрѣчѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ тотъ же день, 1 августа, благодаритъ его за вниманіе, прибавляя, что до сихъ поръ онъ не получилъ предписанія сдѣлать офиціальное сообщеніе, но что его личное мнѣніе относительно довѣрія, съ которымъ Бельгія имѣетъ право относиться къ своему восточному сосѣду, извѣстно («Сѣрая книга», № 19). На что бельгійскій министръ тотчасъ отвѣчаетъ: «Все, что намъ извѣстно относительно намѣреній нашихъ восточныхъ сосѣдей,—намѣреній, выраженныхъ въ многочисленныхъ, происходившихъ раньше собесѣдованіяхъ,—не позволяетъ

намъ сомнѣваться въ ихъ полной корректности по отношенію къ Бельгіи; намъ было бы, однако, крайне цѣнно получить офиціальное заявленіе, которое нація приметъ съ радостью и признательностью» (тамъ же).

Въ то время, какъ въ Брюсселѣ происходитъ такой обмѣнъ мнѣній, сохраняющій со всѣхъ сторонъ вполнѣ дружескій характеръ, телеграмма бельгійскаго посланника въ Берлинѣ сообщаетъ: «Имперскій министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ, что онъ не можетъ отвѣтить на предложенный Англіей вопросъ» (тамъ же, № 14).

На другой день, въ воскресенье 2 августа, германскій посланникъ вскорѣ послѣ полудня отправляется къ завѣдующему политическими дѣлами въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и дружески бесѣдуетъ съ нимъ о нѣмцахъ, живущихъ въ Бельгіи и мобилизаціей призванныхъ на родину. Дѣло шло о томъ, чтобы облегчить имъ возвращеніе по желѣзнымъ дорогамъ, уже загроможденнымъ вслѣдствіе бельгійской мобилизаціи. Бельгійскій администраторъ очень любезно берется поспособствовать тому, чтобы нѣмецкимъ запаснымъ было разрѣшено ѣздить со всѣми поѣздами и занимать мѣста въ вагонахъ даже сверхъ положеннаго комплекта. «Замѣтьте,—прибавляетъ завѣдующій,—что то, что дѣлается для Германіи, будетъ сдѣлано и для Франціи: мы не хотимъ задѣвать ничьей щепетильности».—«Само собой разумѣется,—отвѣчаетъ германскій посланникъ,—*но вамъ хорошо извѣстно, что относительно насъ вы можете быть вполнѣ покойны*».

Отъѣздъ молодыхъ нѣмцевъ происходитъ очень гладко и безъ малѣйшей враждебной демонстраціи со стороны публики: «Kölnische Zeitung» отъ 3 августа (№ 881) передавала даже, что на Сѣверномъ вокзалѣ въ Брюсселѣ семьи живущихъ въ Брюсселѣ нѣмцевъ провожали поѣзда съ отъѣзжающими восторженными ура, а другой корреспондентъ сообщалъ той же газетѣ, что къ этимъ семьямъ примѣшивались и бельгійскія женщины и молодыя дѣвушки (№ 888, 6 августа). Этотъ послѣдній корреспондентъ прибавлялъ, что призванные мобилизаціей бельгійцы веселы, такъ какъ всѣ разсчитываютъ, что имъ придется нести на границѣ требуемую нейтралитетомъ страны легкую сторожевую службу.

Въ тотъ же день, въ воскресенье 2 августа, интервьюированный газетой «Soir» германскій посланникъ ручался за дружеское отношеніе Германіи къ Бельгіи и въ слѣдующей фразѣ резю-

мировалъ свое мнѣніе: «Быть можетъ, загорится крыша у вашихъ сосѣдей, но вашъ домъ останется цѣлъ».

Наконецъ, въ тотъ же день капитанъ Брангманъ, германскій военный атташе въ Брюсселѣ, проситъ, очень любезно, впрочемъ, газету «Le XX-me siècle», категорически опровергнуть, будто Германія объявила войну Франціи и даже Россіи:

«Это—ложное извѣстіе,—говоритъ по телефону капитанъ;—его распространяютъ враги Германіи. Вы обязали бы меня, если бы опровергли его немедленно крупнымъ шрифтомъ, съ крупнымъ заголовкомъ, совершенно такъ же, какъ вы его сообщили.—Однако, капитанъ,—отвѣчаетъ редакторъ,—этой ночью ваши войска вошли въ великое герцогство Люксембургъ и заняли его?—Это невозможно; подождите минутку, я освѣдомлюсь». Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія военный атташе продолжаетъ въ телефонъ: «Ну, что я вамъ говорилъ? Это—чистѣйшая фантазія. Наши войска не занимали великаго герцогства. Быть можетъ, одинъ какой-нибудь отрядъ по ошибкѣ перешелъ черезъ велико-герцогскую границу. Не изъ-за чего тревожить бельгійцевъ. Къ тому же положеніе этихъ двухъ странъ по отношенію къ Германіи совершенно различно: вы, безъ сомнѣнія, знаете, что велико-герцогскія желѣзныя дороги—германскія; слѣдовательно, намъ нужно принять мѣры предосторожности. Но это не должно васъ безпокоить. Во всякомъ случаѣ Германія никому не объявляла войны; вы можете сказать это; это—истинная правда.—Можемъ ли мы сослаться на васъ? Можемъ ли мы, напримѣръ, опровергая эти два извѣстія сказать, что дѣлали это по просьбѣ германскаго военнаго атташе?—Вполнѣ можете».

Вслѣдствіе этого въ воскресенье 2 августа двѣ бельгійскія газеты «Soir» и «Le XX-me siècle», основываясь на такихъ категорическихъ заявленіяхъ, успокаиваютъ брюссельскую публику.

Черезъ нѣсколько часовъ, въ то же воскресенье 2 августа, германскій посланникъ проситъ у министра иностранныхъ дѣлъ дать ему въ семь часовъ вечера аудіенцію для важнаго сообщенія. Всѣ думали, что это сообщеніе не можетъ содержать ничего иного, кромѣ формальнаго возобновленія обѣщанія Германіи уважать во время настоящаго конфликта границы Бельгіи, какъ это уже было обѣщано Франціей.

Въ то время, какъ происходитъ это свиданіе, секретарь короля, бесѣдуя съ однимъ изъ новыхъ членовъ министерства, радуется вмѣстѣ съ нимъ, что положеніе разъясняется.

Всюду господствуетъ оптимистическое настроеніе.

II.

Быть или не быть.

Аудіенція, испрошенная германскимъ посланникомъ въ Брюсселѣ въ воскресенье 2 августа, въ 7 час. вечера, имѣла цѣлью вручить королевскому правительству слѣдующую ноту, на которую оно должно было дать отвѣтъ въ теченіе двѣнадцати часовъ. Эта нота была написана по-нѣмецки, но на ней по-французски,—на это стоитъ обратить вниманіе,—стояло: «Très Confidentiel» (Весьма конфиденціально).

«Германское правительство получило достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что французскія военныя силы намѣрены двинуться на Маасъ черезъ Живе и Намюръ. Эти свѣдѣнія не позволяютъ сомнѣваться въ намѣреніи Франціи итти на Германію черезъ бельгійскую территорію. Германское имперское правительство не можетъ не опасаться, что, если Бельгія не получитъ помощи, она, несмотря на все желаніе, не будетъ въ состояніи съ успѣхомъ противодѣйствовать предпринимаемому по такому широкому плану движенію французовъ, чтобы въ достаточной степени обезпечить Германію противъ угрожающей ей опасности.

«Предупредить это нашествіе непріятеля Германію заставляетъ обязанность самосохраненія.

«Правительству было бы очень прискорбно, если бы тотъ фактъ, что, вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ врагами Германіи, она, съ своей стороны, оказалась вынуждена нарушить неприкосновенность бельгійской территоріи, былъ сочтенъ Бельгіей за актъ, враждебный по отношенію къ ней.

«Для того, чтобы разсѣять всякое недоразумѣніе, германское правительство заявляетъ слѣдующее:

«1-ое. Германія не имѣетъ въ виду никакого акта, враждебнаго по отношенію къ Бельгіи. Если Бельгія согласится занять въ имѣющей начаться войнѣ позицію благожелательнаго нейтралитета по отношенію къ Германіи, германское правительство, съ своей стороны, обязуется гарантировать въ моментъ заключенія мира неприкосновенность территоріи и независимость королевства во всемъ ихъ объемѣ.

«2-ое. При вышеуказанныхъ условіяхъ Германія обязуется очистить бельгійскую территорію тотчасъ по заключеніи мира.

«3-е. Если Бельгія сохранитъ дружелюбную позицію, Германія готова, по соглашенію съ бельгійскими властями, покупать на наличныя все то, что нужно для ея войскъ, и возмѣстить всѣ, какіе бы то ни было убытки, причиненные въ Бельгіи германскими войсками.

«4-ое. Если Бельгія проявитъ враждебность по отношенію къ германскимъ войскамъ, въ особенности, если она будетъ затруднять ихъ движеніе впередъ сопротивленіемъ укрѣпленій на Маасѣ или разрушеніемъ дорогъ, желѣзнодорожныхъ путей, туннелей и другихъ сооруженій, Германія, къ сожалѣнію, должна будетъ смотрѣть на Бельгію, какъ на врага.

«Въ такомъ случаѣ Германія не сможетъ взять на себя никакого обязательства по отношенію къ королевству, но должна будетъ предоставить рѣшенію оружія послѣдующее регулированіе отношеній двухъ государствъ другъ къ другу. Германское правительство твердо надѣется, что этого не случится и что бельгійское правительство приметъ мѣры, направленныя къ тому, чтобы факты, подобные выше упомянутымъ, не совершились. Въ такомъ случаѣ связывающія оба сосѣднія государства дружескія отношенія сохранятся и упрочатся».

Необходимо внимательно остановиться на этомъ документѣ и анализировать въ отдѣльности его различныя части.

Германія просила Бельгію открыть свои границы германскимъ войскамъ.

Было ли во власти Бельгіи исполнить эту просьбу, даже если бы она этого хотѣла или считала это для себя выгоднымъ?

Какъ государство, Бельгія является созданіемъ дипломатіи. Послѣ того, какъ революція 1830 года насильственно отдѣлила южныя провинціи отъ основаннаго въ 1815 году Нидерландскаго

королевства, пять великихъ державъ, Англія, Австрія, Франція, Россія и Пруссія, собрались въ Лондонѣ на конференцію для выработки интернаціональнаго статута новаго государства. Трактатомъ 1839 года (статья 7) оно было объявлено нейтральнымъ на вѣчныя времена.

Понятіе вѣчнаго или, точнѣе выражаясь, постояннаго нейтралитета—любопытное понятіе международнаго права. Оно было выработано цѣликомъ для удовлетворенія извѣстныхъ политическихъ потребностей. Его не слѣдуетъ смѣшивать со случайнымъ нейтралитетомъ, состоящимъ въ томъ, что страна не присоединяется къ той или другой изъ воюющихъ сторонъ во время данной войны. Сказать, что государство находится подъ покровомъ постояннаго нейтралитета,—значитъ сказать, что оно поставлено внѣ какихъ бы то ни было войнъ.

По существу постоянный нейтралитетъ, какъ это было сказано, имѣетъ цѣлью предохранить маленькія государства противъ посягательства могущественныхъ сосѣдей *и тѣмъ сохранить равновѣсіе между большими странами.*

Для достиженія этой цѣли постоянный нейтралитетъ связываетъ взаимными обязательствами государство, объявленное нейтральнымъ, и государства, санкціонировавшія этотъ нейтралитетъ.

Я настаиваю на этомъ пунктѣ, такъ какъ онъ имѣетъ рѣшающее значеніе.

Государство не само объявляетъ себя нейтральнымъ: его объявляютъ нейтральнымъ другія. Въ основѣ нейтрализаціи государства находится договоръ, соглашеніе, конвенція между различными государствами. Эти послѣднія принимаютъ на себя по отношенію другъ къ другу и по отношенію къ государству, объявленному нейтральнымъ, обязательства, обезпечивающія за послѣднимъ привилегію пользоваться постояннымъ миромъ; съ своей стороны, государство, объявленное нейтральнымъ, принимаетъ на себя по отношенію къ другимъ обязательства, дѣлающія реальностью то равновѣсіе интересовъ, которое они находятъ нужнымъ установить. Именно такъ и было послѣ бельгійской революціи 1830 года. Для того, чтобы, какъ въ 1814 году, бельгійскія провинціи помогли «установить въ Европѣ справедливое политическое равновѣсіе», пять державъ вошли въ соглашеніе, чтобы при помощи новой комбинаціи обезпечить *спокойствіе Европы*, одинъ изъ базисовъ котораго составлялъ союзъ Бель-

гіи съ Голландіей. Международный статутъ Бельгіи былъ опредѣленъ въ 1839 году въ трактатѣ, заключенномъ между Бельгіей и Нидерландами, и пять державъ гарантировали статьи этого трактата договорами между этими державами и Нидерландами, а также и между державами и Бельгіей, заключенными въ одинъ и тотъ же день.

Практически только что опредѣленныя мной взаимныя обязательства заставляютъ каждое изъ государствъ, признавшихъ нейтралитетъ извѣстнаго государства, уважать его, т.-е. не воевать съ этимъ государствомъ и не вызывать его нарушать миръ, болѣе того—защищать его противъ всякаго государства, которое,—независимо отъ того, участвовало ли оно въ первоначальной конвенціи или нѣтъ,—заставило бы его нарушить свой нейтралитетъ. Однимъ словомъ, можно сказать, что *всякое изъ государствъ, объявившихъ данное государство нейтральнымъ, дѣлается его поручителемъ*. Фактически это поручительство распространяется въ то же самое время и на неприкосновенность территоріи, такъ какъ посягательство на территорію является наиболѣе дѣйствительнымъ способомъ нарушить покрывающій ее нейтралитетъ. Съ своей стороны *государство, объявленное нейтральнымъ, въ случаѣ, если его нейтралитету грозитъ опасность, обязано защищать его собственными средствами и принимать всѣ необходимыя для защиты мѣры*. Это его непреложная обязанность, такъ какъ если бы подъ вліяніемъ одного изъ государствъ оно приняло по отношенію къ своимъ поручителямъ позицію, могущую принести имъ вредъ, оно могло бы этимъ нарушить равновѣсіе интересовъ, находящееся въ основѣ конвенціи, которой оно себя связало. Это обстоятельство настолько входитъ въ самое понятіе о нейтралитетѣ, что въ международномъ правѣ даже не считается, чтобы государство, выступившее на свою защиту, совершило враждебный актъ противъ того, кто нарушилъ его нейтралитетъ. Дѣйствительно, 10 статья Гаагской Конвенціи 18 октября 1907 года о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ и лицъ вообще гласитъ:

«Не можетъ считаться за враждебный актъ тотъ фактъ, что нейтральная держава прибѣгаетъ даже къ силѣ для защиты противъ посягательства на свой нейтралитетъ».

Государство, объявленное нейтральнымъ, только въ томъ случаѣ не было бы обязано защищать свой нейтралитетъ, если бы

въ моментъ объявленія нейтралитета ему было запрещено содержать армію и возводить укрѣпленія; такъ было съ великимъ герцогствомъ Люксембургскимъ.

Въ частности государство, объявленное нейтральнымъ, должно *мѣшать войскамъ воюющихъ государствъ проходить черезъ свою территорію*: это вытекаетъ и изъ самаго характера его обязательствъ. Въ этомъ отношеніи не существуетъ никакихъ колебаній въ интерпретаціи современныхъ юристовъ, а нельзя не согласиться, что только ихъ мнѣніе имѣетъ вѣсъ; въ дисциплинѣ, которая, какъ международное право, вырабатывается подъ давленіемъ историческихъ фактовъ, недопустимо, какъ это сдѣлала «Kölnische Zeitung», (№ 1180, 18 октября) ссылаться на Гуго Гроціуса, который прославился какъ основатель международнаго права, но никогда не сталъ бы предъявлять претензіи на вѣчный авторитетъ.

Ривье («Принципы международнаго права») говоритъ, напримѣръ (II, стр. 399):

«Во время войны нейтральное государство не можетъ разрѣшить прохожденіе черезъ свою территорію солдатамъ одной изъ воюющихъ странъ,—ни отрядамъ войскъ, ни даже отдѣльнымъ солдатамъ. Нѣкогда этого разрѣшенія требовали, какъ права; позже нейтральному государству было позволено давать это разрѣшеніе, но не иначе, какъ обѣимъ сторонамъ; затѣмъ разрѣшеніе было ограничено случаями, когда право прохожденія вытекало изъ договора или обязательства. Истиннымъ принципомъ является принципъ абсолютнаго отказа обѣимъ сторонамъ во всякомъ случаѣ. Это—единственное безпристрастное рѣшеніе вопроса. И противодѣйствіе нейтральнаго государства прохожденію войскъ должно быть реальнымъ».

То же говоритъ и Гефкенъ («Die Neutralität», въ «Handbuch des Völkerrechts» Гольцендорфа. Т. IV, стр. 139).

«Первая обязанность нейтральнаго государства—заботиться о неприкосновенности своей территоріи, слѣдовательно, не допускать, чтобы одна изъ воюющихъ сторонъ употребляла ее какъ базу для своихъ военныхъ операцій противъ другой. Правда, нѣкогда считали, что нейтралитетъ былъ соблюденъ, если само правительство не оказывало активной помощи ни одной изъ воюющихъ сторонъ, но въ равной мѣрѣ позволяло нѣкоторыя вещи имъ обѣимъ. Опытъ показалъ, что въ такомъ случаѣ невозможно соблюсти полное равенство. Географическое положе-

ніе нейтральной страны само по себѣ уже будетъ болѣе благопріятно для одной стороны, чѣмъ для другой».

«...Бельгія, не колеблясь, употребила всѣ усилія и сдѣлала значительные расходы для защиты неприкосновенности своей территоріи, и Швейцарія въ 1871 году, въ то время, какъ на ея территорію вошла армія Бурбаки, обладала достаточной готовностью, чтобы исполнить свои обязанности нейтральнаго государства».

Впрочемъ, вопросъ о прохожденіи армій воюющихъ странъ былъ вполнѣ опредѣленно разрѣшенъ Гаагской Конвенціей, о которой я только что говорилъ: дѣйствительно, статья 5 гласитъ, *что нейтральная держава не можетъ пропускать черезъ свою территорію войска или даже обозъ одной изъ воюющихъ сторонъ*, и совершенно очевидно, что это запрещеніе относится какъ къ постоянному нейтралитету, такъ и къ случайному.

Нужно ли прибавлять, что государство, объявленное нейтральнымъ, можетъ быть лишь государствомъ независимымъ,—независимымъ не только формально, но и фактически? Лишь только государство становится или даетъ себя поставить подъ покровительство другого, лишь только оно принимаетъ или не отклоняетъ систематическія проявленія власти или вліянія другого государства, въ какой бы области они ни проявлялись, оно перестаетъ соединять въ себѣ существенные элементы нейтралитета, ибо такъ или иначе нарушаетъ равновѣсіе интересовъ, гарантировать которое было цѣлью конвенціи, установившей его нейтралитетъ.

Было бы преувеличеніемъ сказать, что въ настоящій моментъ юридическое содержаніе понятія постояннаго нейтралитета установлено съ полной отчетливостью; какъ видно, это понятіе недавняго происхожденія; путемъ комментированія и научныхъ дебатовъ его стараются сдѣлать болѣе точнымъ. Было мало случаевъ его примѣненія, и можно указать лишь на Швейцарію, какъ на государство, международное положеніе котораго вполнѣ сходно съ положеніемъ Бельгіи. Но постоянный нейтралитетъ Швейцаріи имѣетъ особыя историческія основанія и опирается на собственную волю націи, между тѣмъ, какъ постоянный нейтралитетъ Бельгіи былъ приданъ ей извнѣ. Шесть державъ формально признали вѣчный нейтралитетъ Швейцаріи актомъ парижскаго конгресса 20 ноября 1815 года, и небезынтересно

напомнить здѣсь, что въ тотъ моментъ, когда державы приняли это рѣшеніе, онѣ именно настаивали на томъ, что «*независимость Швейцаріи отъ всякаго посторонняго вліянія* соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ европейской политики».

* * *

Предшествующія теоретическія соображенія не удалили насъ отъ нашего предмета: они прямо приводятъ насъ къ нему, ибо указываютъ на ту позицію, на ту единственную позицію, которую по отношенію къ германской нотѣ могла занять Бельгія, какъ государство, т.-е. дѣйствуя на почвѣ международнаго права.

Бельгія не могла открыть свои границы германскимъ войскамъ потому, что она приняла на себя по отношенію къ Англіи, Австро-Венгріи, Франціи и Россіи, державамъ, подписавшимъ договоръ вмѣстѣ съ Пруссіей, формальное обязательство никогда не выходить изъ нейтралитета, который она приняла по конвенціи 1839 года. Пропустить германскія войска—значило бы явно оказать предпочтеніе одной изъ воюющихъ сторонъ, Германіи, въ ущербъ другой, Франціи, которыя къ тому же обѣ подписали конвенцію.

Вдобавокъ, говоря по чести, Германія не могла ожидать, что Бельгія исполнитъ ея просьбу, потому что въ тотъ самый день, когда германскія войска переходили черезъ бельгійскую границу, 4 августа, она получила отъ Швейцаріи,—единственной націи, международное положеніе которой, какъ мы видѣли, похоже на положеніе Бельгіи,—заявленіе о сохраненіи нейтралитета во время войны, и что же она на него отвѣтила?

«Правительство имѣло честь получить циркулярную ноту, адресованную 4 августа сего года державамъ, подписавшимъ трактаты 1815 года, ноту, въ которой федеральный совѣтъ заявляетъ, что въ теченіе настоящей войны Швейцарская Конфедерація сохранитъ и будетъ защищать всѣми находящимися въ ея распоряженіи средствами свой нейтралитетъ и неприкосновенность своей территоріи. Имперское правительство съ искреннимъ удовлетвореніемъ ознакомилось съ этимъ заявленіемъ и разсчитываетъ, что, благодаря своей сильной арміи и непоколебимой волѣ всего швейцарскаго народа, Конфедерація не допуститъ никакого нарушенія своего нейтралитета».

Значитъ, Германія разсчитывала, что Швейцарія сдѣлаетъ именно то, чего она просила Бельгію не дѣлать!

Нѣкоторые публицисты, хитрую аргументацію которыхъ съ большой отчетливостью поддерживалъ мой коллега, шведскій професоръ Г. Ф. Стеффенъ, утверждали, что *фактически*, если Бельгія противопоставила германскимъ войскамъ сопротивленіе, «доходящее до самоуничтоженія», она сдѣлала это не для защиты своего нейтралитета, *а потому, что бельгійскій народъ питаетъ антипатію къ нѣмцамъ и убѣжденъ, что его будущность покоится на тѣсной дружбѣ съ Франціей и Англіей* (См. «Самоубійство Бельгіи», Г. Ф. Стеффена, перепечатанное въ «L'Indépendance roumaine» 31 октября 1914 года).

Я надѣюсь, что на первыхъ страницахъ этого краткаго изслѣдованія я показалъ, насколько мало такое сужденіе соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ передъ войной какъ относительно настроенія въ странѣ вообще, такъ и по отношенію къ правящимъ сферамъ. Въ этомъ сужденіи выдаетъ себя странная потребность объяснять дѣйствія иными побужденіями, чѣмъ просто «героизмомъ честности», какъ выразился Поль Бурже въ своей трогательной статьѣ о королѣ Альбертѣ.

Но защищаемое Стеффеномъ положеніе имѣетъ еще болѣе глубокое значеніе. Оно направлено къ тому, чтобы поставить защитѣ нейтралитета извѣстныя границы, за предѣлами которыхъ эта защита становится уже безсмыслицей. Если бы для того, чтобы защищаться противъ нарушенія своего нейтралитета, государство должно было бы дойти до заключенія «союза на жизнь и на смерть» съ врагами виновной державы, ему пришлось бы взвѣсить, не выгоднѣе ли ему остаться пассивнымъ. Значитъ, Бельгія по всей справедливости должна была бы принять «лазейку, которую ей предлагала Германія».

Такимъ образомъ достаточно свести положеніе къ его главнымъ чертамъ, чтобы обнаружить софизмъ, на которомъ оно построено. Государству, объявленному нейтральнымъ, не принадлежитъ право самому опредѣлять объемъ обязательствъ, вытекающихъ для него изъ его нейтралитета; эти обязательства въ одно и то же время—и источникъ и гарантія для обязательствъ, принятыхъ на себя другими сторонами, подписавшими договоръ, я хочу сказать, державами поручительницами. Обѣщаніе держаться нейтралитета отнюдь не односторонне. Оно всегда остается тѣмъ, чѣмъ было вначалѣ: выраженіемъ равновѣсія сталкиваю-

щихся интересовъ. Постоянный нейтралитетъ, по самому опредѣленію своему, представляетъ нѣчто цѣльное; никто изъ тѣхъ, кто принимаетъ вытекающія изъ него обязательства или преимущества, не воленъ ни ограничить, ни измѣнить его значенія.

Возвращаясь къ Бельгіи, слѣдуетъ еще сказать, что даже если бы она не противилась прохожденію германскихъ войскъ, ея территорія была бы занята другими войсками, не только войсками странъ, воюющихъ съ Германіей, но и поручительницъ за ея нейтралитетъ. Дѣйствительно, международное право гласитъ,—объ этомъ иногда забываютъ во время споровъ по поводу понятія нейтралитета,—что въ случаѣ нарушенія нейтралитета вмѣшательство государствъ поручителей должно произойти *ex officio, и даже несмотря на сопротивленіе нейтральнаго государства*, «ибо,—какъ мѣтко говоритъ Деспанье,—защищая нейтралитетъ, государства поручители защищаютъ свое право». (Despagnet et de Boeck, «Droit international public», p. 185. См. также Descamps,—«La Neutralité de la Belgique» p. 550; Hagerup, «La Neutralité permanente», «Revue générale de droit international public», 1905, p. 610).

Въ частности Блюнчли очень категоричнъ въ томъ, что относится именно къ Бельгіи:

«Европейскія державы,—пишетъ онъ,—гарантируя «въ интересахъ европейскаго мира» нейтралитетъ Бельгіи, разумѣется, пріобрѣли право выступать противъ всякой державы, которая угрожала бы нейтралитету или независимости этихъ странъ, даже если бы заинтересованное государство не требовало ихъ вмѣшательства». (Bluntschli, «Droit international codifié», книга VI, № 432.)

«...Государства, которыя гарантировали нейтралитетъ Бельгіи и не встали бы на защиту его противъ нападенія, не исполнили бы своихъ обязательствъ и совершили бы правонарушеніе». (Тамъ же, № 440.)

Значитъ, Англія, Франція и Россія должны были, *даже безъ согласія Бельгіи*, по собственной иниціативѣ, защищать свои интересы, страдающіе отъ нарушенія конвенціи, совмѣстно заключенной ими съ Германіей; поэтому, по крайней мѣрѣ, Англія и Франція послали бы свои войска черезъ Бельгію навстрѣчу германскимъ войскамъ: слѣдовательно, война во всякомъ случаѣ разыгралась бы на ея территоріи.

Но предвидѣніе подобной возможности могло имѣть лишь второстепенное значеніе: въ обществѣ государствъ, какъ и въ обществѣ отдѣльныхъ личностей, тотъ, кто дорожитъ уваженіемъ другихъ, руководится въ своихъ дѣйствіяхъ вѣрностью принятымъ имъ на себя обязательствамъ.

Еще Токвиль, изучая отношенія между моралью и политикой, очень хорошо показалъ, что этотъ путь чести и честности рѣдко бываетъ кратчайшимъ, но что онъ остается самымъ вѣрнымъ и въ конечномъ счетѣ становится самымъ выгоднымъ.

И это,—нельзя не признать,—вовсе не простая игра ума.

Германская пресса не преминула объяснить, что бельгійцы сдѣлали невыгодное для себя дѣло, препятствуя движенію германскихъ войскъ. Взгляните, говоритъ она, на примѣръ великаго герцогства Люксембургскаго: тамъ не переставали царить благосостояніе и спокойствіе. (Германское сообщеніе отъ 30 октября.)

Не трудно, однако, показать, что въ такое время, когда отношенія между государствами управляются факторами экономическими, государство, потерявшее довѣріе нѣкоторыхъ другихъ, немедленно испытываетъ очень осязательныя послѣдствія этого. Захочетъ ли оно прибѣгнуть къ общественному кредиту и заключить заемъ; пожелаетъ ли добиться введенія благопріятнаго таможеннаго режима или заключить конвенціи, устанавливающія выгодные для торговли или промышленности его гражданъ желѣзнодорожные тарифы, условія труда или условія владѣнія; будетъ ли оказывать покровительство своимъ гражданамъ, участвующимъ въ торгахъ по выполненію работъ или поставкѣ продуктовъ,—оно всегда будетъ находиться въ положеніи обанкротившагося частнаго лица: его репутація будетъ ему вредить, и ему придется нести послѣдствія своего нечестнаго поступка. У него не будетъ другого выхода, какъ просить помощи и покровительства у государства, интересамъ котораго оно послужило, и съ этой минуты оно подчинитъ иностраннымъ интересамъ самые разнообразные и самые существенные интересы своихъ гражданъ, этимъ послѣднимъ придется понести возмездіе, пускай не столь трагичное, какъ война, но поражающее ихъ не менѣе глубоко и непоправимо.

Такимъ образомъ, съ общей точки зрѣнія, все заставляло Бельгію не исполнять просьбы Германіи: какъ забота о сохраненіи чести, такъ и практическія соображенія.

Добровольно избранная и рѣшительно отрицательная позиція,

которую должна была занять Бельгія, диктовалась ей также и частными соображеніями, поднятыми германской нотой.

Дѣйствительно, нота, и по формѣ и по существу, предлагала Бельгіи сдѣлку. Если разсматривать ее съ этой точки зрѣнія, въ ней откроются интересныя стороны.

Основные пункты соглашенія изложены довольно безпорядочно; вообще, документъ въ цѣломъ явно свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ замѣшательствѣ при изложеніи мыслей. Какъ бы то ни было, оставляя въ сторонѣ условія второстепенной важности, предложенную сдѣлку можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ:

За отношеніе, которое должно быть не только пассивнымъ или безразличнымъ, но благосклоннымъ, дружескимъ «wohlwollend», «freundschaftlich», Германія обязуется гарантировать «in vollem Umfange», во всей ихъ полнотѣ, интегритетъ, «Besitzstand», и независимость, «Unabhängigkeit», Бельгіи; кромѣ того, она вознаградитъ ее за всѣ убытки, причиненные германскими войсками.

Напротивъ, если Бельгія такъ или иначе будетъ препятствовать движенію германскихъ войскъ, самое ея существованіе, какъ государства, подвергнется опасности, и Германія, освобожденная съ этой минуты отъ всякихъ обязательствъ, предоставитъ жребію войны опредѣлить отношенія между двумя странами.

Остановимся на первой возможности.

Бельгія уступаетъ. Германскія войска переходятъ ея границу, не встрѣчая сопротивленія. Но Франція, которой угрожаетъ непріятельское нашествіе, повинуясь очевидной стратегической необходимости, пошлетъ войска въ Бельгію; но Англія, которая, какъ я показалъ, въ качествѣ участницы въ конвенціи, обязана защищать нарушенный нейтралитетъ, высадитъ войска, чтобы преградить путь германской арміи. И тогда это уже будетъ не прохожденіе солдатъ черезъ территорію, входъ въ которую запрещенъ, а война, разразившаяся на территоріи, чуждой для воюющихъ сторонъ. Германія обѣщаетъ, что въ моментъ заключенія мира («beim Friedenschluss») она гарантируетъ интегритетъ и независимость Бельгіи; сможетъ ли она сдѣлать это? Даже если она побѣдитъ, кто можетъ предвидѣть, каковъ будетъ исходъ конфликта интересовъ и вліяній, изъ котораго вытекутъ условія мира? Кто можетъ утверждать, что Германія, имѣя полную или хотя бы нѣкоторую возможность диктовать условія,

устоитъ противъ соблазновъ или интригъ въ то время, какъ для защиты права Бельгіи на существованіе рядомъ съ ней, лишенной поддержки тѣхъ, кого она предала, не исполнивъ обязательствъ, возложенныхъ на нее договоромъ, будетъ стоять только нація, въ пользу которой она совершила правонарушеніе? Затѣмъ, какое значеніе фактически будетъ имѣть для страны независимость, если она будетъ обязана ею всемогуществу одного только государства? Какое подчиненіе будетъ она прикрывать собою? Какая экономическая зависимость будетъ скрываться въ ней? Поистинѣ, *это антитеза нейтралитета, представляющаго собой raison d'être Бельгіи и, какъ мы видѣли, возможнаго лишь при полной автономіи страны, которую онъ покрываетъ.*

А если,—ибо, въ концѣ-концовъ, когда разражается война, никто не можетъ предвидѣть ея исходъ,—Германія не побѣдитъ? Что будетъ значить тогда для заявляющихъ свои требованія побѣдителей независимость маленькой страны, которая изъ страха передъ ужасами войны, или изъ расчета, или изъ почтенія къ могущественному сосѣду согласилась быть соучастницей въ содѣянномъ имъ правонарушеніи? Какимъ рабствомъ заставятъ ее искупать свое согласіе на отказъ отъ своей нравственной личности?

Германія обѣщаетъ, сверхъ того, вознаградить Бельгію за всѣ убытки, причиненные германскими войсками. Но разъ война по винѣ Германіи будетъ перенесена на бельгійскую территорію, то одни развѣ германскія войска будутъ причинять убытки? Возможно даже, что наиболѣе серьезные и непоправимые убытки будутъ причинены войсками другихъ странъ. По отношенію къ этимъ убыткамъ Германія не принимаетъ на себя никакихъ обязательствъ,—и не безъ причины.

Такова была предлагаемая сдѣлка.

Въ Бельгіи ни руководители политики, ни общественное мнѣніе ни на минуту не задумались надъ ней, и никто не представлялъ себѣ, чтобы можно было занять позицію торгующихъ во храмѣ. Но даже если встать на низменно-меркантильную точку зрѣнія, трудно было бы усмотрѣть выгоды, которыми Германія думала соблазнить Бельгію: очевидно, что обѣщанія Германіи далеко не соотвѣтствовали опасностямъ, которымъ она подвергала Бельгію, такъ что, уступая, эта послѣдняя шла бы на вѣрное безчестіе и на рискъ остаться въ дуракахъ.

* * *

Германская нота заключала въ себѣ и нѣчто другое, кромѣ условій предложенной Бельгіи сдѣлки. Она пыталась и дать ей оправданіе.

Это оправданіе, повидимому, цѣликомъ заключается въ двухъ словахъ: «auch seinerseits», *также и съ своей стороны*. Германія выражаетъ свое сожалѣніе по поводу того, что и она *также* должна *съ своей стороны* нарушить бельгійскую границу. Она какъ будто говоритъ, что находится въ положеніи обязанной вступиться по долгу державы поручительницы, которая, какъ я объяснилъ выше, берется за оружіе, лишь только другая держава поступаетъ вопреки ихъ общему обязательству.

Но именно на этой-то почвѣ всякое оправданіе и не выдерживаетъ критики.

Дѣйствительно, какой предлогъ выставляетъ Германія? Она никакъ не могла бы доказать, что французскія войска перешли черезъ бельгійскую границу: германскому правительству еще наканунѣ было извѣстно заявленіе, въ которомъ французское правительство категорически обѣщало не посягать на бельгійскую территорію; это заявленіе было извѣстно Германіи, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ источниковъ: изъ сообщенія, сдѣланнаго ея посланнику въ Брюсселѣ («Сѣрая книга», № 19), и изъ разговора между министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Лондонѣ и германскимъ посланникомъ («Синяя книга», № 123).

Поэтому, не имѣя возможности утверждать, что бельгійскій нейтралитетъ *былъ* нарушенъ другой державой, Германія ограничивается выраженіемъ опасенія, что это можетъ случиться: «французскія войска *имѣютъ намѣреніе* двинуться на Маасъ черезъ Живе и Намюръ; ...нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія *въ намѣреніи* Франціи итти на Германію черезъ бельгійскую территорію; ... *нельзя не опасаться*, что Бельгія одна не будетъ въ состояніи остановить это движеніе». (См. выше.) Въ основѣ всѣхъ этихъ опасеній и предположеній нѣтъ ничего, поддающагося провѣркѣ. Германія сама это знаетъ. Поэтому съ этой минуты она будетъ гоняться за фактами, которые могли бы ей служить оправданіемъ. Безъ сомнѣнія, этимъ объясняется странный шагъ германскаго посланника въ Брюсселѣ, сдѣланный среди ночи, нѣсколько часовъ спустя послѣ врученія «весьма кон-

фиденціальной ноты». Разсказъ о немъ я заимствую изъ бельгійскихъ дипломатическихъ документовъ («Сѣрая книга», № 21).

«Въ половинѣ второго ночи германскій посланникъ явился къ барону ванъ-деръ-Эльсту. Онъ сказалъ ему, что его правительство поручило ему увѣдомить насъ, что французскіе дирижабли бросали бомбы и что французскій кавалерійскій патруль перешелъ черезъ границу, попирая международное право, такъ какъ война не была объявлена.

«Генеральный секретарь спросилъ г. фонъ-Белова, гдѣ произошли эти факты. «Въ Германіи», былъ отвѣтъ. Баронъ ванъ-деръ-Эльстъ замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ онъ не можетъ объяснить себѣ цѣль его сообщенія. Г. фонъ-Беловъ сказалъ, что, судя по этимъ противнымъ международному праву поступкамъ, *можно предположить, что Франція совершитъ и другія нарушенія этого права*».

Что это такое, какъ не неопредѣленныя утвержденія, направленныя къ тому, чтобы подтвердить гипотезы, которыя, въ свою очередь, имѣютъ цѣлью оправдать предположенія?

Но все равно. Не будемъ стараться разслѣдовать, въ какой мѣрѣ достойны были довѣрія свѣдѣнія, на которыя ссылалась Германія, ни задаваться вопросомъ, не требовали ли они, въ виду серьезности обстоятельствъ, дополнительной провѣрки. Воздержимся даже отъ искушенія сопоставить утвержденія нѣмцевъ съ событіями, происшедшими послѣ начала военныхъ дѣйствій и показавшими, что концентрація французскихъ войскъ происходила вовсе не на югѣ Бельгіи, а противъ Эльзаса и Лотарингіи. Запомнимъ лишь сдѣланное утвержденіе: Франція готовится вступить на бельгійскую территорію.

Германія не только утверждаетъ это, но и прибавляетъ, что, если Бельгія будетъ предоставлена самой себѣ, «ohne Hülfe», она, безъ сомнѣнія, будетъ безсильна помѣшать, чтобы движеніе, задуманное по столь широкому плану, стало угрозой для Германіи. Въ такомъ случаѣ, можно было бы думать, Германія дружески предупредитъ Бельгію объ опасности; она спроситъ, готова ли Бельгія оказать сопротивленіе прохожденію французскихъ войскъ, и заявитъ, что если ожидаемая опасность осуществится, она поможетъ Бельгіи отразить непріятеля. Такимъ путемъ Германія не только соблюла бы свои непосредственные интересы, но и исполнила бы обязательства, вытекающія для Пруссіи изъ

трактатовъ 1839 года, и защитила бы права другихъ державъ, подписавшихъ вмѣстѣ съ ней эти трактаты.

Это во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовало бы международному праву и его предписаніямъ на случай нарушенія конвенціи о нейтралитетѣ.

Вотъ этого-то корректнаго шага, который диктуется и самоуваженіемъ, и вѣрностью обязательствамъ, и, главное, искренностью отношеній между обоими народами,—искренностью, о которой не могутъ не напомнить и составители самой ноты (die freundschaftlichen Bände, die beide Nachbarstaaten verbinden),—Германія и не дѣлаетъ.

Она заявляетъ,—придавая къ тому же своему сообщенію «весьма конфиденціальный» характеръ, особенно облегчающій тайное сообщничество,—она заявляетъ, говорю я, что желаетъ *предупредить* движеніе впередъ французскихъ войскъ и что она пройдетъ черезъ Бельгію имъ навстрѣчу *не въ силу правъ, предоставленныхъ ей трактатами 1839 года,—объ этихъ трактатахъ она не говоритъ ни слова*,—а единственно для обезпеченія собственной безопасности, которой, по ея мнѣнію, угрожаютъ извнѣ.

Какое странное заключеніе къ предисловію, имѣющему цѣлью самооправданіе. Насколько проще и честнѣе было бы сказать Бельгіи: «Мы пройдемъ черезъ вашу территорію потому, что намъ это удобно: насъ не могутъ остановить ни честь, ни право».

Именно это, впрочемъ, и заявилъ на слѣдующій день, въ понедѣльникъ 3 августа, имперскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ г. фонъ-Яговъ бельгійскому посланнику въ Берлинѣ въ самомъ началѣ разговора, во время котораго были сказаны вещи, имѣвшія рѣшающее значеніе для послѣдующихъ событій. Баронъ Бейенсъ передалъ мнѣ этотъ разговоръ, оживленный характеръ котораго я постараюсь воспроизвести.

«Въ понедѣльникъ, рано утромъ, бельгійскій посланникъ по телефону попросилъ, чтобы его принялъ статсъ-секретарь; аудіенція была дана немедленно.

«Едва бельгійскій посланникъ произнесъ нѣсколько словъ, какъ фонъ-Яговъ воскликнулъ:

«Повѣрьте, что Германія съ болью въ сердцѣ рѣшается нарушить нейтралитетъ Бельгіи, и я лично чрезвычайно сожалѣю объ этомъ. Что дѣлать! Это для имперіи вопросъ жизни и смерти. Если германскія войска не хотятъ очутиться между молотомъ

и наковальней, они должны нанести рѣшительный ударъ Франціи, чтобы затѣмъ имѣть возможность обратиться противъ Россіи.

«Но,—замѣтилъ баронъ Бейенсъ,—границы Франціи достаточно обширны, чтобы можно было не касаться Бельгіи.

— «Онѣ слишкомъ укрѣплены. Впрочемъ, чего мы у васъ просимъ? Только пропустить насъ, не разрушать своихъ желѣзныхъ дорогъ и туннелей и дать намъ занять нужныя намъ крѣпости.

— «Есть очень легкій способъ формулировать единственный отвѣтъ, который можетъ быть данъ на эту просьбу,—возразилъ тотчасъ же бельгійскій посланникъ.—Представьте себѣ, что Франція предложила намъ то же самое и что мы согласились. Развѣ Германія не обвинила бы насъ въ трусости и предательствѣ?»

Статсъ-секретарь не сталъ, однако, отвѣчать на этотъ столь опредѣленный вопросъ, и баронъ Бейенсъ такъ развилъ свою мысль:

— «Можете ли вы, по крайней мѣрѣ, упрекнуть насъ за что-нибудь?—спросилъ онъ.—Развѣ всегда въ теченіе трехъ четвертей вѣка мы не исполняли по отношенію къ Германіи, какъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ великимъ державамъ поручительницамъ, всѣхъ обязанностей, вытекающихъ изъ нашего нейтралитета? Развѣ мы не давали Германіи доказательствъ нашей искренней дружбы? Какъ Германія хочетъ отплатить за все это? Обращая Бельгію въ поле битвы Европы, хотя извѣстно, какія опустошенія и бѣдствія влечетъ за собой современная война...

— «Германія ни въ чемъ не можетъ упрекнуть Бельгію, и поведеніе Бельгіи всегда было вполнѣ корректно.

— «Признайте же—продолжалъ баронъ Бейенсъ,—что Бельгія, не обезчестивъ себя, не можетъ дать вамъ иного отвѣта, чѣмъ тотъ, который дала. Къ націямъ прилагается тотъ же критерій, что и къ отдѣльнымъ личностямъ; понятіе о чести одинаково и для народовъ, и для частныхъ лицъ. Вы должны признать,—настаивалъ баронъ Бейенсъ,—что отвѣтъ долженъ былъ быть такимъ, каковъ онъ есть.

— «Я признаю это, какъ частное лицо, но, какъ статсъ-секретарь, не могу выражать никакого мнѣнія».

Все было сказано какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Бельгійскій посланникъ прибавилъ, однако, что, по его мнѣнію, Германія тѣшитъ себя иллюзіями: она идетъ навстрѣчу войнѣ съ Англіей и, кромѣ того, германскія войска не пройдутъ въ Льежъ такъ легко, какъ, повидимому, воображаютъ. И такъ

какъ посланникъ далъ понять, что онъ, конечно, попроситъ паспорта, фонъ-Яговъ запротестовалъ. «Не уѣзжайте еще, быть можетъ, у насъ будетъ еще о чемъ поговорить.—Какъ теперь все будетъ,—сказалъ баронъ Бейенсъ на прощанье,—не зависитъ ни отъ кого изъ насъ обоихъ; отнынѣ рѣшеніе принадлежитъ бельгійскому правительству».

Каждое слово въ этой важной бесѣдѣ имѣетъ одинаковый вѣсъ. Я хочу, однако, сейчасъ остановиться на томъ, какъ объяснялось прохожденіе черезъ Бельгію германскихъ войскъ. Статсъ-секретарь имѣлъ, впрочемъ, случай повторить это объясненіе въ разговорѣ, происходившемъ въ тотъ же день между нимъ и англійскимъ посломъ.

«Германія принуждена принять эту мѣру,—сказалъ онъ тогда,—*потому, что она должна проникнуть во Францію кратчайшимъ и легчайшимъ путемъ*, чтобы навѣрняка первой начать операціи и попытаться нанести рѣшительный ударъ какъ можно скорѣй. Это для нея вопросъ жизни и смерти, такъ какъ если бы она пошла въ южномъ направленіи, то, вслѣдствіе недостатка путей сообщенія и сильныхъ крѣпостей, она не могла бы разсчитывать прорваться, не натолкнувшись на страшныя препятствія, которыя заставили бы ее потерять драгоцѣнное время. Но время, потерянное для нея, было бы временемъ, выиграннымъ для русскихъ, которые могли бы въ виду этого сосредоточить свои войска на германской границѣ. Быстрота дѣйствія—главный козырь Германіи, какъ обладаніе неистощимыми запасами людей—козырь Россіи» («Синяя книга», № 160).

И черезъ нѣсколько часовъ, во время второй бесѣды съ тѣмъ же посломъ, статсъ-секретарь такъ резюмировалъ свои аргументы: «Для безопасности имперіи абсолютно необходимо, чтобы германскія войска прошли черезъ Бельгію» (Тамъ же).

На другой день 4 августа во время засѣданія рейхстага канцлеръ долженъ былъ оказаться еще категоричнѣе:

«Наши войска заняли Люксембургъ и, можетъ быть, уже проникли въ Бельгію. *Это противорѣчитъ постановленіямъ международнаго права.*

«Мы были принуждены оставить безъ вниманія обоснованные протесты люксембургскаго и бельгійскаго правительствъ. *Несправедливость,—я говорю это открыто,—несправедливость, совершаемую нами такимъ образомъ*, мы загладимъ, лишь только будетъ достигнута наша военная цѣль.

«Тому, кто находится въ такой опасности, какъ мы, и кто борется за свое существованіе, нельзя ни о чемъ думать, кромѣ какъ о средствахъ спасенія. Мы находимся въ состояніи законной самозащиты, *а необходимость не знаетъ закона*; Not kennt kein Gebot!»

Канцлеръ думалъ, что ему удастся такимъ образомъ оправдать несправедливость, ссылаясь на необходимость, т.-е. на force majeure или на законную самозащиту. Остановимся на минуту на этой аргументаціи.

По поводу «Not kennt kein Gebot» можно показать, насколько опасность, которая, по утвержденію Германіи, якобы ей угрожала, была призрачна; но можно также пуститься въ обсужденіе тонкихъ юридическихъ вопросовъ и установить рискованную аналогію между частнымъ и публичнымъ правомъ (см., напримѣръ, статьи въ «Kölnische Zeitung» №№ 995 и 1019, гдѣ встрѣчаются ссылки на Листа, Ривье и Ульмана). По-настоящему, однако, обсужденіе слѣдуетъ перенести на совершенно иную почву.

Не важно знать, заслуживаетъ ли извиненія государство, если, находясь въ критическомъ положеніи, оно не выполнитъ обязательства; если вѣрить, напримѣръ, Ривье, «обязанность самосохраненія можетъ стать впереди всякой другой обязанности». («Principes du droit des gens», II, p. 103.) Не важно знать, далѣе, обязано ли государство всегда исполнять взятое имъ на себя обязательство даже и въ томъ случаѣ, если вызвавшія его первоначально обстоятельства внезапно и абсолютно измѣнились; по по мнѣнію Гладстона, ссылавшагося въ 1870 году на лорда Абердина и на лорда Пальмерстона, «это былъ бы взглядъ слишкомъ прямолинейный и непримѣнимый на практикѣ».

Нѣтъ, въ данномъ случаѣ вопросъ ставится гораздо проще. Въ 1839 году Германія обязалась никогда не нарушать неприкосновенности бельгійской территоріи. Это обязательство ясно, опредѣленно. Оно означаетъ, что Германія обѣщала *никогда не допускать, чтобы стратегическая необходимость заставила ее пройти черезъ Бельгію.*

Таково значеніе этого обязательства—иначе оно вообще не имѣло бы никакого значенія. Его нельзя себѣ представить въ такой, напримѣръ, формулировкѣ: Германія обязуется никогда не вступать со своими войсками въ Бельгію, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда найдетъ это необходимымъ! Совершенно очевидно, что предметомъ конвенціи о нейтрализаціи является

именно запрещеніе для всѣхъ договаривающихся сторонъ пользоваться, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, нейтрализованной территоріей въ стратегическихъ цѣляхъ, т.-е. *что каждый изъ участниковъ договора долженъ организовать свою защиту помимо всякаго пользованія этой территоріей.* Позволить одному изъ нихъ ссылаться на необходимость вступить на территорію, неприкосновенность которой онъ гарантировалъ, не значило ли бы, въ буквальномъ смыслѣ слова, лишить конвенцію самаго ея содержанія?

Быть можетъ, въ 1839 году, Германія напрасно согласилась гарантировать бельгійскій нейтралитетъ. Быть можетъ, ей было бы лучше тогда же усвоить ту точку зрѣнія, которую проводилъ Бернгарди въ 1911 году, что понятіе постояннаго нейтралитета—политическая ересь. Быть можетъ даже, она могла бы замѣтить свою ошибку за время между 1839 и 1914 годами и созвать новую дипломатическую конференцію, чтобы уничтожить нейтралитетъ Бельгіи. Но фактъ тотъ, что въ 1839 году она подписала трактатъ о нейтрализаціи; что въ 1870 году она демонстративно сослалась на него, заявляя о своемъ намѣреніи не переступать черезъ бельгійскія границы, наконецъ, что въ 1907 году, подписывая первую статью Гаагской Конвенціи, гласящую: «территорія нейтральныхъ державъ неприкосновенна», она не могла не думать о государствахъ, нейтральныхъ par excellence—Бельгіи, Швейцаріи и великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ,—неприкосновенность которыхъ она сама охраняла въ теченіе столькихъ лѣтъ.

Поэтому въ 1914 году обязательство, принятое на себя Германіей, оставалось въ полной силѣ и носило категорическій и неоспоримый характеръ, и желаніе объяснить, что она не исполнила его подъ давленіемъ необходимости,—чистѣйшій политическій софизмъ. Канцлеръ выразился вѣрнѣе, когда въ пылу діатрибы противъ Англіи воскликнулъ, обращаясь къ англійскому послу въ Берлинѣ («Синяя книга», № 160):

«Нейтралитетъ? Слово, съ которымъ столько разъ совершенно не считались во время войны. Договоръ? Клочекъ бумаги».

Несомнѣнно, однако, что канцлеръ не помнилъ въ этотъ день нѣкоторыхъ словъ, произнесенныхъ его знаменитымъ предшественникомъ, Бисмаркомъ, въ рейхстагѣ 2 мая 1871 года, на другой же день послѣ созданія Германской имперіи:

«Для насъ не могло быть вопроса,—заявилъ тогда Бисмаркъ,—объ объявленіи Эльзаса и Лотарингіи странами нейтральными, какъ Бельгія и Швейцарія, потому что это создало бы преграду, которая лишила бы насъ возможности нападать на Францію: *мы привыкли уважать договоры и нейтралитеты*».

Въ 1914 году, напротивъ, канцлеръ объяснялъ рейхстагу, что Германія, рѣшивъ побѣдить сразу и Францію и Россію, просто-на просто приняла планъ, который, по ея мнѣнію, представлялъ всего болѣе шансовъ на успѣхъ, что *она совершила правонарушеніе изъ стратегическихъ соображеній.*

Нужно сказать болѣе того.

Это нарушеніе было предумышленнымъ.

Германская имперія прибѣгла къ крайнему рѣшенію и подвергла Бельгію, своего искренняго друга, всѣмъ послѣдствіямъ вѣроломства не въ моментъ растерянности, вызванной тѣмъ, что ея національное существованіе подверглось внезапной опасности: никакой здравомыслящій человѣкъ не повѣритъ, будто грозный захватъ бельгійской территоріи, планомѣрность и быстрота котораго вызвали восхищеніе у военныхъ критиковъ всѣхъ странъ, былъ совершонъ безъ предварительной подготовки: это было бы оскорбленіемъ для организаціонной мощи Германіи и было бы по праву съ негодованіемъ ею отвергнуто. *Нашествіе на Бельгію было до такой степени однимъ изъ элементовъ плана кампаніи въ случаѣ войны*, что 31 іюля въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ имперскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ заявилъ, что нельзя сказать, какъ Германія поступитъ по отношенію къ бельгійскому нейтралитету, ибо *это открыло бы ея стратегическія намѣренія.* («Синяя книга», № 122.) Чтобы обезпечить плану успѣхъ, нужно было держать его въ секретѣ.

Какое значеніе пріобрѣтаютъ въ такомъ случаѣ нѣсколько разъ повторенныя представителями Германіи официальныя завѣренія въ томъ, что она попрежнему намѣрена, согласно своимъ обязательствамъ, уважать нейтралитетъ Бельгіи?

Была ли Бельгія неправа, повѣривъ этимъ утвержденіямъ? Не были ли эти послѣднія, наоборотъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ характеромъ отношеній между обѣими странами и со всей совокупностью фактовъ, которые я счелъ нужнымъ съ полной прямотой набросать въ первыхъ страницахъ этого очерка?

Такъ что же?

Нужно ли думать, что въ веденіи германской иностранной политики не было ни единства, ни постоянства, что ея дипломатія была искренна, но осложнялась другими вліяніями, перевѣшивавшими ея авторитетъ? Можетъ быть, эту преднамѣренность болѣе надо относить на счетъ военныхъ, чѣмъ политическихъ, круговъ и видѣть въ оставляемомъ «весьма конфиденціальной нотой» впечатлѣніи неловкости,—я чуть было не сказалъ неуклюжести,—конфликта тенденцій, въ которомъ корректность поведенія, честность намѣреній, уваженіе къ праву уступили въ концѣ-концовъ отсутствію совѣстливости и полному непониманію нравственныхъ правилъ жизни?

Или же нужно думать, что столь успокоительныя увѣренія Германіи имѣли цѣлью лишь усыпить общественное мнѣніе въ Бельгіи въ то время, какъ во всѣ сферы національной дѣятельности систематически проникало германское вліяніе, имѣвшее въ виду создать настроеніе активной симпатіи или безразличной пассивности къ моменту, когда могущественная имперія попроситъ пріятельской услуги у маленькаго королевства? Или дѣйствительно Германія холоднымъ лицемѣріемъ отплатила за все то, что Бельгія давала ей въ своей чистосердечной лояльности?

* * *

Германская нота была вручена въ воскресенье 2 августа въ семь часовъ вечера. Въ девять часовъ подъ предсѣдательствомъ короля происходитъ засѣданіе совѣта министровъ, на которомъ присутствуютъ всѣ члены министерства. Ночью былъ составленъ и на другое утро, въ понедѣльникъ 3 августа, переданъ германскому посольству въ Брюсселѣ слѣдующій отвѣтъ («Сѣрая книга», № 22):

«Своей нотой отъ 2 августа германское правительство сообщило, что, судя по доставленнымъ ему достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, французскія военныя силы намѣреваются двинуться на Маасъ черезъ Живе и Намюръ, и что, несмотря на все желаніе, Бельгія безъ посторонней помощи не будетъ въ состояніи помѣшать движенію впередъ французскихъ войскъ.

«Германское правительство сочтетъ себя вынужденнымъ предупредить это нападеніе и нарушить неприкосновенность бельгійской территоріи. При такихъ условіяхъ Германія предлагаетъ

королевскому правительству занять по отношенію къ ней дружественную позицію и обязуется гарантировать въ моментъ заключенія мира неприкосновенность королевства и его владѣній во всемъ ихъ объемѣ. Нота прибавляетъ, что если Бельгія будетъ затруднять движеніе впередъ германскихъ войскъ, Германія будетъ вынуждена смотрѣть на нее, какъ на врага, и предоставить силѣ оружія послѣдующую регулировку отношеній между двумя государствами.

«Эта нота вызвала у королевскаго правительства глубокое и горестное удивленіе. Намѣренія, приписываемыя Германіей Франціи, противорѣчатъ категорическимъ заявленіямъ, сдѣланнымъ намъ 1 августа отъ имени правительства республики. Къ тому же, если бы противъ нашего ожиданія Франціей было совершено нарушеніе бельгійскаго нейтралитета, Бельгія исполнила бы всѣ свои международныя обязанности, и ея армія оказала бы непріятелю самое энергичное сопротивленіе.

«Трактатъ 1839 года, подтвержденный трактатами 1870 года, санкціонируетъ независимость и нейтралитетъ Бельгіи подъ гарантіей державъ и, въ частности, правительства Его Величества короля прусскаго.

«Бельгія всегда была вѣрна своимъ международнымъ обязательствамъ: она исполняла свои обязанности въ духѣ искренняго безпристрастія; она не пренебрегла никакимъ усиліемъ, чтобы сохранить или заставить уважать свой нейтралитетъ.

«Покушеніе на ея независимость, которымъ ей угрожаетъ германское правительство, составило бы явное нарушеніе международнаго права.

«Правонарушеніе не оправдывается никакой стратегической надобностью.

«Принявъ переданныя ему предложенія, бельгійское правительство въ одно и то же время и пожертвовало бы честью націи, и измѣнило бы своимъ обязанностямъ по отношенію къ Европѣ.

«Проникнутое сознаніемъ роли, которую въ теченіе 80 лѣтъ Бельгія играетъ во всемірной цивилизаціи, оно отказывается вѣрить, что независимость Бельгіи можетъ быть сохранена лишь цѣною нарушенія ея нейтралитета. Если эта надежда не оправдается, бельгійское правительство твердо рѣшило воспротивиться всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами всякому нарушенію его права».

Одновременно съ этимъ, въ понедѣльникъ 3 августа, ми-

нистръ иностранныхъ дѣлъ по телеграфу увѣдомляетъ представителей Бельгіи за границей о просьбѣ Германіи и о данномъ на нее отвѣтѣ.

Увѣдомленный о ходѣ событій французскій посланникъ тотчасъ же является къ министру иностранныхъ дѣлъ со слѣдующимъ заявленіемъ. («Сѣрая книга», № 24):

«Хотя мое правительство и не уполномочило меня сдѣлать заявленіе отъ его имени, я думаю, что, основываясь на извѣстныхъ уже его намѣреніяхъ, я могу сказать, что если бы королевское правительство обратилось къ французскому правительству, какъ къ державѣ поручительницѣ за ея нейтралитетъ, мы немедленно отвѣтили бы на ея призывъ; если этотъ призывъ не послѣдуетъ, возможно,—разумѣется, если собственная защита не потребуетъ исключительныхъ мѣръ,—что оно отложитъ свое вмѣшательство до тѣхъ поръ, пока Бельгія не окажетъ сопротивленія на дѣлѣ».

Бельгійскій министръ благодаритъ, но отклоняетъ поддержку, предлагаемую условно Франціей, и говоритъ, что въ данную минуту правительство не обращается къ поручительству державъ, сохраняя за собой право позже рѣшить, что надо будетъ дѣлать. (Тамъ же.)

Что это значитъ? Достаточно вспомнить изложенныя выше сужденія по поводу понятія постояннаго нейтралитета, чтобы понять истинное значеніе этого предложенія и вызваннаго имъ отвѣта. Франція дѣйствуетъ въ силу обязанности вступиться за свои собственныя права и за права Бельгіи, которымъ германское нашествіе наноситъ ущербъ: если Бельгія попроситъ, Франція вступится сейчасъ же: въ противномъ случаѣ она подождетъ, пока Бельгія окажетъ дѣйствительное сопротивленіе прохожденію германскихъ войскъ. Бельгія, не колеблясь, выбираетъ вторую альтернативу: она не принимаетъ предложенія Франціи, она вѣритъ въ свое право, она не желаетъ себя связывать—впослѣдствіи обстоятельства покажутъ ей, что надо дѣлать.

Обстоятельства же очень скоро принимаютъ рѣшительный оборотъ: на другой день, 4 августа, рано утромъ правительство получаетъ слѣдующее письмо отъ германскаго посланника въ Брюсселѣ («Сѣрая книга», № 27):

«Я получилъ порученіе и имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству, что вслѣдствіе отказа, которымъ правительство Его Величества Короля отвѣтило на доброжелательное предложеніе, сдѣланное ему императорскимъ правительствомъ, это

послѣднее къ своему величайшему сожалѣнію будетъ вынуждено принять мѣры защиты противъ угрозъ Франціи,—въ случаѣ нужды даже силой оружія».

Черезъ нѣсколько минутъ бельгійскій генеральный штабъ сообщаетъ, что нѣмцы вступили на бельгійскую территорію у Геммениха (тамъ же, № 30).

Теперь не остается никакихъ сомнѣній. Германія рѣшила силой пройти черезъ Бельгію.

Немедленно созывается совѣтъ министровъ для разсмотрѣнія, своевременно ли обратиться съ просьбой о вмѣшательствѣ къ державамъ поручительницамъ или, по крайней мѣрѣ, къ тремъ изъ нихъ — Англіи, Франціи и Россіи, — на помощь которыхъ позволяетъ надѣяться дипломатическое положеніе Европы. Съ полнымъ безкорыстіемъ и не желая получить никакихъ гарантій относительно будущаго, совѣтъ просто высказывается въ утвердительномъ смыслѣ, и вечеромъ 4 августа державамъ отсылается просьба, составленная въ слѣдующихъ выраженіяхъ («Сѣрая книга», № 40):

«Бельгійское правительство съ прискорбіемъ должно сообщить Вашему Превосходительству, что сегодня утромъ вооруженныя силы Германіи проникли на бельгійскую территорію, вопреки обязательствамъ, принятымъ по договору.

«Королевское правительство твердо намѣрено сопротивляться всѣми средствами, находящимися въ его распоряженіи.

«Бельгія призываетъ Англію, Францію и Россію, какъ поручительницъ, на помощь при защитѣ ея территоріи.

«Она разсчитываетъ на согласованное совмѣстное выступленіе съ тѣмъ, чтобы воспротивиться насильственнымъ мѣрамъ, принимаемымъ Германіей противъ Бельгіи, и въ то же время обезпечить на будущее время сохраненіе независимости и территоріальной неприкосновенности Бельгіи. Бельгія счастлива возможностью заявить, что она приметъ на себя защиту крѣпостей».

Съ этого момента перипетіи столь неожиданно завязавшейся драмы приходится наблюдать уже на другой сценѣ.

III.

Бельгійскій нейтралитетъ передъ лицомъ Европы.

Мы видѣли, какъ постоянный нейтралитетъ Бельгіи былъ объявленъ въ 1839 году пятью державами. Это была лазейка, придуманная въ январѣ 1831 года Талейраномъ и вызвавшая живѣйшее сочувствіе у лорда Пальмерстона, какъ средство разрѣшить затрудненія, созданныя бельгійской революціей державамъ, которыхъ раздѣляло ревнивое соперничество. («Mémoires», изданіе de Broglie, томъ IV, стр. 16 и слѣдующія.) Соглашеніе состоялось именно потому, что комбинація, посредствомъ которой бельгійская территорія становилась нейтральной, нейтрализовала сразу и вліянія, отъ которыхъ каждая изъ державъ хотѣла охранить новое государство. Выраженія, опредѣлявшія нейтралитетъ, хорошо показываютъ значеніе конвенціи. Державы представляли объявленіе нейтралитета, какъ «торжественное выраженіе, какъ очевидное доказательство ихъ твердаго намѣренія не искать, какъ въ соглашеніяхъ, касающихся Бельгіи, такъ и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, которыя могли бы представиться, никакого увеличенія территоріи, никакого исключительнаго вліянія, никакой отдѣльной выгоды и предоставить самой этой странѣ, а также и всѣмъ окружающимъ ее государствамъ лучшія гарантіи спокойствія и безопасности».

Подчеркнемъ одну фразу изъ этой декларації: державы, подписавшія договоръ, торжественно обязуются никогда не добиваться въ Бельгіи *никакого исключительнаго вліянія, ника-*

кой частной для себя выгоды. Что это значитъ, какъ не то, что каждая изъ пяти державъ-поручительницъ обѣщаетъ не оказывать на Бельгію какого бы то ни было вліянія, которое могло бы такъ или иначе связать судьбу Бельгіи съ ея собственными. Слѣдовательно, всякая прямая или косвенная попытка подчиненія должна вызывать тревогу и подозрѣніе у другихъ державъ. Осуществленное въ 1839 году равновѣсіе вліяній есть равновѣсіе интересовъ. Внѣшней гарантіей ему служитъ вѣрность каждой изъ державъ своимъ торжественно взятымъ на себя обязательствамъ, чувство національной чести правительства каждой изъ нихъ, но опорой, остовомъ соглашенія остается тѣмъ не менѣе заинтересованность каждой изъ державъ въ сохраненіи на долгое время этого равновѣсія.

Война, разразившаяся въ 1870 году между Франціей и Германіей, дала прекрасную иллюстрацію чувствительности равновѣсія, установленнаго нейтрализаціей Бельгіи.

Оглашеніе Бисмаркомъ 25 іюля 1870 года проекта, направленнаго противъ Бельгіи, который былъ предложенъ ему Наполеономъ III въ 1866 году, вызвало въ Англіи глубокое волненіе. Англійское правительство опасалось, что побѣда французовъ пробудитъ аппетиты императора, и, во избѣжаніе всякихъ неожиданностей, запросило обѣ враждующія стороны, намѣрены ли онѣ соблюдать бельгійскій нейтралитетъ. Та и другая приняла обязательство, санкціонированное трактатами 9 и 11 августа 1870 года, составленными въ безусловномъ и полномъ соотвѣтствіи съ основнымъ обязательствомъ 1839 года.

Я не могу устоять противъ желанія напомнить здѣсь пикантное замѣчаніе, сдѣланное при этомъ случаѣ Бисмаркомъ бельгійскому посланнику барону Нотомбу. Въ частномъ письмѣ онъ еще разъ давалъ ему увѣреніе въ томъ, что Пруссія не нарушитъ нейтралитета Бельгіи, и прибавилъ: «Я удивляюсь, что такой проницательный человѣкъ, какъ вы, думаетъ, будто Бисмаркъ настолько наивенъ, чтобы бросать Бельгію въ объятія Франціи». Во второмъ письмѣ онъ дѣлалъ офиціальное заявленіе, которое,—считалъ онъ нужнымъ замѣтить,—было по существу излишнимъ въ виду существованія трактатовъ.

Это вмѣшательство Англіи было вполнѣ естественно: Англія—сосѣдка Бельгіи, и интересъ, который представлялъ для нея главнымъ образомъ нейтралитетъ побережья и антверпенскаго морского порта, очевиденъ для всѣхъ. Ее заставляли занять эту

позицію и чувство національной чести, и внимательная заботливость о своихъ интересахъ: «Any due regard to the country's honour or to the country's interest», говорилъ лордъ Гранвиль 8 августа 1870 года въ палатѣ лордовъ. Гладстонъ особенно подчеркнулъ второй изъ этихъ элементовъ: «мы всѣ,—объяснялъ онъ въ палатѣ общинъ,—должны очень глубоко проникнуться слѣдующимъ аргументомъ: въ нашихъ интересахъ помѣшать увеличенію какой бы то ни было державы».

Въ 1914 году положеніе совершенно не отличалось отъ того, какимъ оно было въ 1870. Поэтому Англія имѣла полное основаніе возобновить запросъ, сдѣланный ею Германіи и Франціи въ 1870 году при тождественныхъ условіяхъ.

Этотъ запросъ былъ сдѣланъ 31 іюля, въ тотъ самый день, когда, какъ мы уже видѣли, англійскій посланникъ сообщилъ объ этомъ бельгійскому правительству.

Телеграмма, посланная сэромъ Эдуардомъ Греемъ, англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, посламъ въ Берлинѣ и Парижѣ гласила («Синяя книга», №114):

«Я все еще вѣрю, что положеніе не безнадежно, но, въ виду готовящейся мобилизаціи Германіи и принимая во вниманіе существующій договоръ, для правительства Его Величества дѣлается существенно необходимымъ запросить французское (нѣмецкое) правительство, готово ли оно обязаться соблюдать нейтралитетъ Бельгіи до тѣхъ поръ, пока его не нарушитъ никакая другая держава.

«Подобный же запросъ сдѣланъ нѣмецкому (французскому) правительству. Важно получить скорый отвѣтъ».

Для того, чтобы всесторонне оцѣнить значеніе этого двойного запроса, нужно представить себѣ, какъ въ этотъ моментъ были расположены фигуры на европейской шахматной доскѣ. Поэтому я попытаюсь, основываясь на дипломатическихъ «Книгахъ», изданныхъ различными правительствами, крупными штрихами набросать событія, стараясь выдѣлить изъ вороха писемъ и телеграммъ главнымъ образомъ то, что относится къ Бельгіи.

«Не безнадежное положеніе», о которомъ говоритъ сэръ Эдуардъ Грей,—положеніе, вытекающее изъ дипломатическаго конфликта, созданнаго въ Европѣ ультиматумомъ, посланнымъ Австро-Венгріей Сербіи изъ-за убійства эрцгерцога, наслѣдника престола. «Разъ стрѣла была пущена,—какъ выразился германскій посолъ во время одного изъ своихъ разговоровъ въ мини-

стерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ («Оранжевая книга», № 19),—Германія была вполнѣ убѣждена, что если бы Австро-Венгрія приняла воинственную позицію по отношенію къ Сербіи, это могло бы вызвать вмѣшательство Россіи и вслѣдствіе германскихъ союзныхъ обязательствъ привести Германію къ участію въ войнѣ». («Бѣлая книга», изданіе ф. Массова, стр. 12). Имѣя въ виду не допустить, «чтобы положеніе германской расы ухудшилось до нестерпимой степени въ Европѣ, Германія дала carte blanche Австріи». (Тамъ же, стр. 13.) Отнынѣ она стала на ту точку зрѣнія, что конфликтъ не долженъ никого касаться, кромѣ Австріи и Сербіи. Но своимъ воинственнымъ вмѣшательствомъ Россія перенесла споръ на другую почву: слѣдовательно, чтобы избѣжать войны, нужно было дѣйствовать въ Петербургѣ. («Оранжевая книга», стр. 40 и 53.)

Этому тезису Россія непреклонно противопоставляла свой и заявляла, что не можетъ остаться равнодушной къ конфликту, грозившему уничтожить суверенитетъ Сербіи. (Ср. «Синяя книга», № 17.) Разъ угроза шла изъ Австріи, для того, чтобы избѣжать войны, нужно было дѣйствовать въ Вѣнѣ. Франція поддерживала Россію.

Въ виду такого различія точекъ зрѣнія, никакое посредничество не имѣло шансовъ на успѣхъ; споръ шелъ не столько о возможности и предѣлахъ посредничества, сколько о самомъ основномъ вопросѣ,—къ кому съ нимъ обращаться.

Посредницей же пробовала выступить Англія.

Она устояла противъ дѣлавшихся съ разныхъ сторонъ попытокъ убѣдить ее встать на сторону Россіи или прямо или косвенно, солидаризуясь съ Франціей. «Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ полагаетъ, что если Англія рѣшительно встанетъ на сторону Франціи и Россіи, войны не будетъ», телеграфировалъ 25 іюля англійскій посолъ въ Россіи сэру Эдуарду Грею. («Синяя книга», № 17 и см. такъ же № 6.) Сэръ Эдуардъ Грей отвѣтилъ, ссылаясь главнымъ образомъ на общественное мнѣніе, вниманіе къ которому всегда оказывало въ Англіи вліяніе на дипломатическія рѣшенія: «Я не могу обѣщать ничего подобнаго,—сказалъ онъ,—и я не думаю, чтобы здѣшнее общественное мнѣніе допустило Англію начать войну изъ-за сербской распри». («Синяя книга», № 24.)

27 іюля англійскій посолъ вернулся еще разъ къ отказу Англіи присоединиться къ Франціи и Россіи. Онъ сказалъ въ Пе-

тербургѣ, что согласіе на это совсѣмъ не способствовало бы упроченію мира, такъ какъ неправильно думать, будто если бы Германія узнала, что Англія солидарна съ Франціей и Россіей, она приняла бы болѣе примирительную позицію; вышло бы наоборотъ. («Синяя книга», № 44, см. также № 47.)

28 іюля подобное же сообщеніе было сдѣлано въ Парижѣ. (Тамъ же, № 59.) И чтобы подчеркнуть свое отношеніе, сэръ Эд. Грей даетъ на слѣдующій день очень категорическія объясненія французскому послу въ Лондонѣ. «Дружескій тонъ ихъ переговоровъ не долженъ вызывать недоразумѣній и позволять Франціи думать, что Англія встанетъ рядомъ съ Франціей, если ея усилія въ пользу мира не увѣнчаются успѣхомъ. Англійское общественное мнѣніе смотритъ на настоящій конфликтъ совсѣмъ иначе, чѣмъ смотрѣло когда-то на конфликтъ относительно Марокко. Даже вопросъ о томъ, должно ли главенство на Балканахъ принадлежать тевтону или славянину, не измѣнитъ нашей пассивной позиціи. Если бы Германія и Франція вступили въ войну, Англіи пришлось бы обсудить, что ей дѣлать. Но она свободна отъ всякихъ обязательствъ и будетъ заботиться о своихъ собственныхъ интересахъ». («Синяя книга», № 87.)

30 іюля президентъ французской республики еще разъ настаиваетъ передъ англійскимъ посломъ въ Парижѣ: «Миръ въ рукахъ Англіи,—говоритъ онъ;—если она захочетъ заявить, что поможетъ Франціи въ случаѣ войны съ Германіей, Германія немедленно измѣнитъ свою позицію». (Тамъ же, № 99.) Посолъ не уступаетъ: англійскому правительству было бы очень трудно сдѣлать подобное заявленіе. (Тамъ же.)

Къ настояніямъ Россіи и Франціи внезапно присоединяются настойчивыя просьбы Германіи.

«Пожаръ грозитъ вспыхнуть,—говоритъ 29 іюля имперскій канцлеръ англійскому послу въ Берлинѣ. (Тамъ же, № 85.)—Франція будетъ вовлечена въ войну своими обязательствами по отношенію къ Россіи. Германія знаетъ, что Англія никогда не потерпитъ униженія Франціи; но этого униженія Германія совсѣмъ не добивается: она готова дать Англіи всякія увѣренія въ томъ, что оставшись побѣдительницей въ войнѣ, она не присоединитъ ни частицы французской территоріи; но она можетъ дать эти увѣренія лишь въ обмѣнъ на обѣщаніе нейтралитета со стороны Англіи».

— Какая участь постигла бы французскія колоніи?—спраши-

ваетъ посолъ. Канцлеръ отвѣчаетъ, что не можетъ дать тѣхъ же обѣщаній.

— А что касается Голландіи?

— Германія будетъ уважать ея цѣлость и ея нейтралитетъ до тѣхъ поръ, пока враги Германіи сами будутъ уважать ихъ.

— *А что касается Бельгіи?*

— *Отъ дьйствій Франціи будетъ зависьть, какія операціи Германія будетъ принуждена предпринять въ Бельгіи, но послѣ войны Бельгія сохранитъ всѣ свои владѣнія, если она не пойдетъ противъ Германіи.*

Англійскій посланникъ ограничивается отвѣтомъ, что онъ не думаетъ, чтобы при настоящемъ положеніи вещей его правительство пожелало бы связать себя какимъ-либо обязательствомъ.

Тутъ въ первый разъ по поводу австро-сербскаго конфликта произнесено имя Бельгіи, и этотъ моментъ слѣдуетъ отмѣтить: 29 іюля Германія признается, что отнынѣ судьба маленькой страны, которой она обѣщала свою защиту, зависитъ отъ военныхъ операцій; впрочемъ, она не сообщаетъ ей объ этомъ и старается не нарушать ея довѣрчиваго спокойствія, которое она сама поддерживала цѣлымъ рядомъ успокоительныхъ заявленій.

Приблизительно въ тотъ самый моментъ, когда этотъ разговоръ происходитъ въ Берлинѣ, сэръ Эдуардъ Грей въ Лондонѣ видится съ германскимъ посломъ и дѣлаетъ ему заявленіе, весьма близкое къ тому, которое онъ только что сдѣлалъ французскому послу: «Германія не должна заблуждаться относительно значенія дружественнаго тона переговоровъ; положеніе очень серьезно; Англіи, быть можетъ, придется вступиться, чтобы защищать свои интересы; она заявляетъ это очень откровенно, чтобы впослѣдствіи Германія не могла говорить, что если бы она это знала, ходъ событій могъ бы быть инымъ». («Синяя книга», № 89.)

Затѣмъ 30 іюля сэръ Эдуардъ Грей спѣшитъ отвѣтить на намеки Германіи относительно возможныхъ условій нейтралитета Англіи во время предстоящаго конфликта. Это «non possumus», но отвѣтъ открываетъ возможность дальнѣйшихъ соглашеній. Текстъ этой телеграммы настолько важенъ для опредѣленія позиціи Англіи, главнымъ образомъ по отношенію къ Бельгіи, что я считаю умѣстнымъ привести полный ея переводъ («Синяя книга», № 101):

«Правительство Его Величества ни на минуту не можетъ принять предложеніе канцлера принять на себя обязательство сохра-

нить нейтралитетъ при такихъ условіяхъ. Дѣйствительно, онъ проситъ насъ принять на себя обязательство остаться въ сторонѣ въ случаѣ, если будутъ захвачены французскія колоніи и Франція будетъ разбита, лишь бы только Германія, кромѣ колоній, не захватывала другой части французской территоріи.

«Съ матеріальной точки зрѣнія такое предложеніе непріемлемо, ибо если бы даже у Франціи и не было отнято территоріи въ Европѣ, она могла бы быть разбита до такой степени, что потеряла бы свое положеніе великой державы и подчинилась бы политически Германіи. Но помимо этого заключить подобную сдѣлку съ Германіей за счетъ Франціи было бы позоромъ для насъ,— такимъ позоромъ, что страна никогда не смогла бы возстановить свое доброе имя.

«*Фактически канцлеръ предлагаетъ намъ также сдѣлать предметомъ торга всѣ обязательства или всѣ выгоды, которыя могли бы быть связаны для насъ съ нейтралитетомъ Бельгіи. И на эту сдѣлку мы тоже ни въ какомъ случаѣ пойти не можемъ.*

«Послѣ всего, что было сказано, нѣтъ надобности разсматривать, представила ли бы перспектива общаго договора между Англіей и Германіей относительно нейтралитета въ будущемъ достаточныя положительныя выгоды, могущія вознаградить насъ за то, что теперь мы связали себѣ руки. Мы должны сохранить полную свободу дѣйствовать, какъ, по нашему мнѣнію, того потребуютъ обстоятельства въ случаѣ, если бы, согласно высказанному канцлеромъ ожиданію, кризисъ, къ сожалѣнію, получилъ неблагопріятное разрѣшеніе.

«Я прошу васъ поговорить съ канцлеромъ въ выше указанномъ смыслѣ и очень серьезно замѣтить, что единственный способъ сохранить добрыя отношенія между Англіей и Германіей, это— сдѣлать такъ, чтобы онѣ совмѣстно продолжали способствовать сохраненію мира въ Европѣ. Если намъ это удастся, я увѣренъ, что взаимныя отношенія Германіи и Англіи улучшатся и упрочатся ipso facto. Правительство Его Величества будетъ съ полнымъ усердіемъ и искренностью работать въ этомъ направленіи.

«И я прибавлю слѣдующее: если удастся сохранить миръ въ Европѣ и благополучно пережить настоящій кризисъ, мои личныя усилія будутъ направлены къ тому, чтобы вызвать инициативу соглашенія, подъ которымъ Германіи можно будетъ подписаться и которое гарантируетъ ей, что ни Франція, ни Рос-

сія, ни мы сами, ни вмѣстѣ, ни порознь, не будемъ вести никакой агрессивной или враждебной политики противъ нея или ея союзниковъ. Я этого желалъ и по мѣрѣ возможности работалъ въ этомъ направленіи во время послѣдняго балканскаго кризиса, и такъ какъ Германія преслѣдовала подобную же цѣль, наши отношенія значительно улучшились. Эта идея до сихъ поръ была слишкомъ утопична для того, чтобы стать предметомъ конкретныхъ предложеній, но если настоящій кризисъ, гораздо болѣе острый, чѣмъ всѣ тѣ, которые Европа переживала въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, разрѣшится благополучно, я надѣюсь, что облегченіе и реакція, которыя за нимъ послѣдуютъ, сдѣлаютъ возможнымъ установленіе между державами болѣе опредѣленнаго сближенія, чѣмъ это было возможно до сихъ поръ».

На другой день, 31 іюля, въ то время какъ сэръ Эдуардъ Грей все еще дѣлаетъ попытку за попыткой осуществить свой проектъ посредничества, онъ получаетъ одно за другимъ, изъ Берлина и изъ Петербурга, сообщенія о приготовленіяхъ къ мобилизаціи.

Тѣмъ не менѣе онъ обращается къ французскому послу въ Лондонѣ въ слѣдующихъ энергичныхъ выраженіяхъ. Англійскій кабинетъ, говоритъ онъ, рѣшилъ, что въ настоящій моментъ онъ не можетъ взять на себя никакого обязательства; и правительство, и общественное мнѣніе считаютъ, что до сихъ поръ вопросъ еще не коснулся трактатовъ и обязательствъ, связывающихъ Англію. Потомъ будетъ видно. Защита бельгійскаго нейтралитета могла бы быть важнымъ, но не рѣшающимъ факторомъ при опредѣленіи нашей позиціи. Во всякомъ случаѣ, парламентъ долженъ быть поставленъ въ курсъ вопроса о бельгійскомъ нейтралитетѣ. Несмотря на повторныя настоянія французскаго посла, сэръ Эдуардъ Грей отказывается принять обязательство по отношенію къ Франціи. («Синяя книга», № 119.)

Въ это время, хотя сэръ Эдуардъ Грей не считаетъ еще положеніе «безнадежнымъ», онъ обращается къ Германіи и Франціи съ запросомъ относительно соблюденія ими бельгійскаго нейтралитета и къ Бельгіи съ запросомъ относительно защиты ея нейтралитета. Въ тотъ же вечеръ Франція отвѣчаетъ слѣдующее (тамъ же, № 125):

«Французское правительство рѣшило соблюдать нейтралитетъ Бельгіи, и лишь въ томъ случаѣ, если бы другая держава нарушила этотъ нейтралитетъ, Франція могла бы оказаться въ необходимости поступить иначе для обезпеченія своей собственной

защиты. Это увѣреніе давалось неоднократно. Президентъ республики говорилъ о немъ бельгійскому королю, а французскій посланникъ въ Брюсселѣ какъ разъ сегодня, по собственной иниціативѣ, повторилъ его бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ».

Изъ Берлина приходитъ слѣдующая телеграмма (тамъ же, № 122):

«Я видѣлъ статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, который увѣдомляетъ меня, что не можетъ отвѣтить, пока не посовѣтуется съ императоромъ и канцлеромъ. Изъ того, что онъ говорилъ, я понялъ, что по его мнѣнію всякій отвѣтъ съ ихъ стороны раскрылъ бы часть ихъ плана кампаніи въ случаѣ войны, и что поэтому ему казалась сомнительной возможность какого бы то ни было отвѣта. Однако, Его Превосходительство принялъ вашу просьбу къ свѣдѣнію.

«Судя по его словамъ, германское правительство считаетъ какъ будто, что Бельгіей уже были совершены враждебные акты. Въ видѣ примѣра онъ указалъ мнѣ, что уже былъ задержанъ хлѣбный грузъ, предназначенный для Германіи.

«Я надѣюсь завтра увидать Его Превосходительство для продолженія разговора, но совершенно не разсчитываю получить окончательный отвѣтъ.

«Бесѣдуя со мной сегодня, канцлеръ указалъ мнѣ, что германское правительство во всякомъ случаѣ желаетъ знать отвѣтъ, данный вамъ французскимъ правительствомъ».

Я пока не буду останавливаться на сдѣланномъ статсъ-секретаремъ намекѣ на инцидентъ относительно груза хлѣба: я буду имѣть случай потомъ доказать съ документами въ рукахъ, что въ этомъ совершенно не имѣющемъ никакого значенія дѣлѣ Бельгія поспѣшила, напротивъ, принять всѣ мѣры для удовлетворенія Германіи. Къ тому же, какъ мы увидимъ, въ Брюсселѣ германскій посланникъ обратился съ просьбой дать ему свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ въ очень любезномъ тонѣ, между тѣмъ какъ въ переговорахъ съ Англіей этому ничтожному инциденту придавали размѣры «нѣсколькихъ враждебныхъ актовъ».

Тотчасъ по полученіи телеграммы изъ Берлина, которая пришла 1 августа утромъ, сэръ Эдуардъ Грей спѣшитъ переговорить («Синяя книга», № 123) съ германскимъ посломъ и сообщаетъ резюме этого свиданія англійскому послу въ Берлинѣ. Обращаю вниманіе читателя на настойчивость, съ которой министръ го-

воритъ объ общественномъ мнѣніи: англійской дипломатіи приходится болѣе, чѣмъ какой-либо другой, слѣдить за его направленіемъ.

«Я сказалъ сегодня германскому послу, что отвѣтъ германскаго правительства относительно нейтралитета Бельгіи очень прискорбенъ, ибо вопросъ объ этомъ нейтралитетѣ волнуетъ англійское общественное мнѣніе. Если бы Германія могла дать тѣ же увѣренія, что и Франція, это значительно способствовало бы уменьшенію здѣсь безпокойства и всеобщаго напряженія. Съ другой стороны, было бы очень трудно сдержать чувства англійскаго общества, если бы одна изъ воюющихъ сторонъ нарушила нейтралитетъ Бельгіи въ то время, какъ другая его бы не нарушала. Я сказалъ, что мы обсуждали этотъ вопросъ въ засѣданіи совѣта министровъ, и такъ какъ я получилъ полномочіе сдѣлать это заявленіе, то вручаю ему ноту въ этомъ смыслѣ.

«Онъ спросилъ меня, приняли ли бы мы на себя обязательство оставаться нейтральными, если бы Германія обѣщала не нарушать бельгійскаго нейтралитета.

«Я отвѣтилъ, что не могу давать обѣщаній, что руки у насъ пока не связаны и что мы еще заняты обсужденіемъ, какова будетъ наша позиція. Все, что я могу сказать, это—что наша позиція будетъ въ значительной мѣрѣ продиктована англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ, для котораго бельгійскій нейтралитетъ имѣетъ большое значеніе. Я не думаю, что могъ бы обѣщать нейтралитетъ подъ однимъ этимъ условіемъ.

«Посолъ настаивалъ, чтобы я формулировалъ условія, на которыхъ мы сохранимъ нейтралитетъ. Онъ даже намекнулъ, что Германія могла бы гарантировать территоріальную неприкосновенность Франціи и ея колоній.

«Я отвѣтилъ, что долженъ окончательно отказаться отъ всякаго обѣщанія нейтралитета при такихъ условіяхъ и могу лишь повторить, что мы должны имѣть свободу дѣйствій».

Нужно замѣтить, что это резюме, заимствованное изъ англійской «Синей книги», совершенно соотвѣтствуетъ нѣмецкой версіи того же разговора, сообщенной въ Берлинъ посломъ: текстъ ея можно найти въ официозной статьѣ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» отъ 6 сентября. Германскій посолъ даетъ даже больше подробностей относительно Бельгіи:

«Сэръ Эдуардъ Грей,—говоритъ онъ,—возвращался все время къ бельгійскому нейтралитету и считалъ, что этотъ вопросъ

будетъ играть большую роль». («Бѣлая книга», изд. ф. Массовъ, стр. 88.)

Одну часть протокола лондонскаго разговора слѣдуетъ отмѣтить. Германскій посолъ спрашиваетъ, обязалась ли бы Англія оставаться нейтральной въ томъ случаѣ, если бы Германія обѣщала не нарушать бельгійскаго нейтралитета. Министръ отвѣчаетъ, что онъ ничего обѣщать не можетъ. Многіе полемисты искали въ этомъ отвѣтѣ матеріала для споровъ относительно побужденій, руководящихъ англійской политикой (напримѣръ, «Kölnische Zeitung», №№ 886, 5 августа и 996, 6 сентября; см. также рѣчь голландскаго профессора d'Aulnis de Bourrouil въ «Kölnische Zeitung», № 1205, 3 ноября).

Я ничуть не занимаюсь здѣсь разборомъ политики Англіи; я стараюсь прослѣдить намѣренія Германіи по отношенію къ Бельгіи, дабы освѣтить развернувшіяся затѣмъ событія. Предложеніе Германіи показываетъ, что въ готовящемся конфликтѣ нейтралитетъ Бельгіи для нея—не священная обязанность, а залогъ, изъ-за котораго она намѣрена торговаться. Англія—опасный соперникъ; она заинтересована въ независимости Бельгіи. Поэтому для Германіи вопросъ заключается въ слѣдующемъ: цѣною какихъ комбинацій, за которыя будетъ расплачиваться Бельгія, можно купить бездѣйствіе Англіи и сдѣлать ее своей сообщницей?

Въ теченіе цѣлаго дня 1 августа между различными канцеляріями происходитъ обмѣнъ самыми спѣшными телеграммами съ цѣлью найти почву для соглашенія по вопросу о посредничествѣ въ австро-сербскомъ конфликтѣ. Но о Бельгіи больше не говорятъ: относительно нея ждутъ отвѣта Германіи.

2 августа сэръ Эдуардъ Грей видится утромъ съ французскимъ посломъ; онъ слѣдующимъ образомъ передаетъ происходившій между ними разговоръ, во время котораго затронуто было положеніе Бельгіи («Синяя книга», № 148):

«Послѣ происходившаго сегодня утромъ засѣданія совѣта министровъ я передалъ г. Камбону слѣдующую ноту:

«Я уполномоченъ дать увѣреніе въ томъ, что если германскій флотъ проникнетъ въ Па-де-Калэ или въ Сѣверное море съ цѣлью нападенія на французскіе берега или на французскій флотъ, англійскій флотъ по мѣрѣ возможности окажетъ поддержку Франціи.

«Разумѣется, это обѣщаніе будетъ представлено на одобреніе парламента, и не слѣдуетъ считать, что оно обязываетъ прави-

тельство Его Величества вступиться прежде, чѣмъ произойдетъ подобное выступленіе германскаго флота».

«Я замѣтилъ, что намъ нужно разсмотрѣть крайне важные и щекотливые вопросы и что правительство не можетъ обязаться объявить войну Германіи, если завтра разразится война между нею и Франціей, но что для французскаго правительства, флотъ котораго давно сосредоточенъ въ Средиземномъ морѣ, существенно знать, какія ему принимать мѣры въ виду того, что сѣверное побережье совершенно не защищено. Поэтому намъ показалось нужнымъ дать ему это завѣреніе. Это не обязываетъ насъ объявлять войну Германіи, если германскій флотъ не начнетъ дѣйствовать такъ, какъ это указано выше, но дастъ Франціи гарантію, которая позволитъ ей распорядиться своимъ флотомъ Средиземнаго моря.

«Г. Камбонъ спросилъ меня относительно нарушенія нейтралитета Люксембурга. Я сообщилъ ему точку зрѣнія, установленную на это въ 1867 году лордомъ Дерби и лордомъ Кларендономъ. Онъ спросилъ меня, что бы мы сказали въ случаѣ нарушенія бельгійскаго нейтралитета. Я отвѣтилъ, что это гораздо серьезнѣе, что мы обсуждаемъ, какое заявленіе мы сдѣлаемъ завтра на этотъ счетъ парламенту, т.-е. заявимъ ли мы, что нарушеніе бельгійскаго нейтралитета—casus belli. Я ему передалъ то, что было сказано по этому поводу германскому послу».

3 августа, днемъ, сэръ Эдуардъ Грей узнаетъ, что Германія вручила Бельгіи ноту, но бельгійская миссія не передаетъ еще ему ея текста. Почти сейчасъ же послѣ этого англійскій король получаетъ отъ бельгійскаго короля телеграмму слѣдующаго содержанія («Сѣрая книга», № 25):

«Памятуя какъ многочисленныя проявленія дружбы Вашего Величества и его предшественниковъ, такъ и дружественное отношеніе Англіи въ 1870 году и доказательство симпатіи, которое она еще разъ только что дала намъ, я, какъ къ послѣднему прибѣжищу, обращаюсь къ вамъ съ просьбой о дипломатическомъ вмѣшательствѣ правительства Вашего Величества для сохраненія нейтралитета Бельгіи».

Это обращеніе in extremis имѣло полное оправданіе: за три дня до того, 31 іюля бельгійскій король точно такъ же послалъ письмо лично германскому императору; а въ тотъ самый день англійскій посланникъ въ Брюсселѣ сообщилъ королевскому правительству о двойномъ запросѣ, который Англія сдѣлала Гер-

маніи и Франціи, повторяя такимъ образомъ въ 1914 году доказательство симпатіи, данное ею Бельгіи въ 1870 году.

Все того же 3 августа сэръ Эдуардъ Грей, получившій лишь суммарныя свѣдѣнія, отправляется на засѣданіе палаты общинъ. Здѣсь онъ произноситъ рѣчь,—нѣчто въ родѣ публичнаго сведенія счетовъ со своей совѣстью,—и дѣлится съ депутатами, въ которыхъ онъ чувствуетъ, конечно, извѣстныя колебанія, неотступно осаждающими его мыслями. Какъ замѣчаютъ въ недавно изданной брошюрѣ оксфордскіе историки, не нужно забывать, что Англія имѣетъ у себя отвѣтственный кабинетъ и отвѣтственный парламентъ: прежде чѣмъ англійскій министръ получитъ возможность предпринять что-нибудь по вопросу, имѣющему національное значеніе, онъ долженъ убѣдить своихъ коллегъ точно такъ же, какъ и эти послѣдніе должны убѣдить демократію, которая по существу своему миролюбива, осторожна и тяжела на подъемъ. Изъ рѣчи сэра Эдуарда Грея я воспроизведу здѣсь лишь нѣкоторые, касающіеся Бельгіи отрывки по тексту, вышедшему въ приложеніи къ «Синей книгѣ» англійскаго изданія, на стр. 93—96. Въ нихъ мы найдемъ тотъ же двойной лейтмотивъ, который звучалъ и въ рѣчахъ лорда Гранвиля и Гладстона въ 1870 году: интересы Англіи, ея честь.

Сэръ Эдуардъ Грей начинаетъ съ напоминанія о томъ, что произошло въ 1870 году, и отмѣчаетъ, что тогда Германія, представителемъ которой являлся князь Бисмаркъ, вполнѣ признала неприкосновенность трактатовъ 1839 года и вновь санкціонировала постоянный нейтралитетъ Бельгіи.

Затѣмъ, переходя къ просьбѣ, съ которой бельгійскій король только что обратился къ королю англійскому, онъ говоритъ: «Бельгійскій король проситъ нашего дипломатическаго вмѣшательства, какъ послѣдняго средства. Но мы уже вели дипломатическіе переговоры на прошлой недѣлѣ. Какихъ новыхъ результатовъ можно было бы достигнуть вмѣшательствомъ теперь? Наши жизненные интересы настоятельно требуютъ сохраненія независимости Бельгіи, — независимости, лишь малую часть которой составляетъ территоріальная ея неприкосновенность. Германія на прошлой недѣлѣ пыталась узнать, удовлетворились ли бы мы завѣреніями, что послѣ войны Бельгія сохранитъ въ неприкосновенности свои владѣнія. Мы отвѣтили, что не согласимся ни на какой торгъ по этому поводу. Дѣйствительно, если Бельгія будетъ вынуждена согласиться на

нарушеніе своего нейтралитета, положеніе получится вполнѣ опредѣленное, ибо если она когда-нибудь уступитъ, то лишь подъ давленіемъ болѣе сильнаго. Но единственное, чего желаютъ маленькія государства Европы, единственное, что они боятся потерять, это—не столько неприкосновенность владѣній, сколько независимость. Они хотятъ быть самостоятельными и независимыми. Если во время угрожающей Европѣ войны нейтралитетъ одного изъ этихъ маленькихъ государствъ будетъ нарушенъ одной изъ воюющихъ сторонъ и если нарушеніе произойдетъ, не вызвавъ ниоткуда себѣ помѣхи, то послѣ войны, несмотря на сохраненіе владѣній, независимость будетъ потеряна.

«Нѣтъ, господа,—восклицаетъ сэръ Эдуардъ Грей,—если вѣрно, что Бельгіи былъ предъявленъ какой бы то ни было ультиматумъ съ требованіемъ, чтобы она допустила нарушеніе своего нейтралитета, чтобы она его даромъ отдала или продала, то какую бы цѣну ей за это ни предложили, независимость ея будетъ потеряна. Если ея независимость падетъ, за нею послѣдуетъ независимость Голландіи, и тогда,—я прошу палату подумать о томъ положеніи, которое явится результатомъ всего этого. Вотъ Франція, быть можетъ, разбитая, теряющая свое положеніе великой державы, подчиненная другой державѣ, болѣе сильной, чѣмъ она сама; вотъ Бельгія, порабощенная той же самой державой; вотъ Голландія, а затѣмъ и Данія. Не оправдались ли бы тогда слова Гладстона, и не встала ли бы передъ нами настоятельная для всѣхъ насъ необходимость помѣшать чрезмѣрному расширенію одной державы?»

Такимъ образомъ сэръ Эдуардъ Грей далъ дѣйствительно правильную постановку вопроса, ибо если отвлечься отъ непосредственныхъ заботъ и подумать о дѣйствительности завтрашняго дня, то дѣло просто сведется къ слѣдующему: установится ли гегемонія германской имперіи надъ центральною Европой, и удастся ли маленькимъ націямъ спастись отъ завоеванія иначе, какъ цѣной перехода въ вассальную зависимость. Нѣмцы,—за исключеніемъ, быть можетъ, моего коллеги профессора Вернера Зомбарта, считающаго, напримѣръ, Бельгію политическимъ уродомъ («eine Missgeburt der Politik»), а бельгійскую національность милой забавной шуткой («Berliner Tageblatt», 2 ноября, № 557),—нѣмцы, говорю я, конечно, первые понимаютъ, что, вполнѣ признавая все величіе достиженій Германіи, другіе народы дорожатъ своей автономіей и напрягаютъ всю волю къ созданію

будущаго на основѣ собственныхъ традицій и наслѣдія предковъ. Но разъ одна лишь военная сила будетъ управлять отношеніями между государствами, то для кого же не ясно, что господство государства, наиболѣе сильнаго съ военной точки зрѣнія, будетъ обезпечено, такъ какъ, даже соединившись вмѣстѣ, маленькія націи не могли бы быть противовѣсомъ его могуществу?

Переводя затѣмъ обсужденіе на болѣе возвышенную точку зрѣнія, сэръ Эдуардъ Грей продолжалъ:

«Гладстонъ сказалъ еще и другое. Есть обстоятельства и выше тѣхъ, которыя вытекаютъ изъ уваженія къ буквѣ трактата. Возможно ли, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ такая вліятельная и могущественная страна, какъ Англія, оставалась равнодушной передъ совершеніемъ чудовищнѣйшаго изъ преступленій, не дѣлаясь тѣмъ самымъ сообщницей въ немъ?

«И пусть не говорятъ, что мы могли бы остаться равнодушными во время войны и потомъ, послѣ ея окончанія, возстановить желательное намъ положеніе вещей. Если во время кризиса, подобнаго нынѣшнему, мы не выполнимъ своего долга чести и обязательствъ, которыя обусловливаются нашими интересами, то каково бы ни было въ концѣ-концовъ наше матеріальное могущество, оно будетъ имѣть очень мало значенія въ сравненіи съ утраченнымъ нами правомъ на уваженіе другихъ; мы пожертвуемъ въ одно и то же время и своей репутаціей и своими самыми важными и серьезными экономическими интересами».

Тѣмъ не менѣе сэръ Эдуардъ Грей откладываетъ еще всякое рѣшеніе до полученія точныхъ свѣдѣній относительно характера просьбы о пропускѣ, предъявленной Бельгіи Германіей, и кончаетъ указаніемъ, что онъ хотѣлъ лишь объяснить палатѣ, какъ думаетъ правительство, и ознакомить ее со всѣми сторонами вопроса.

Но позже, въ тотъ же самый день, онъ снова береть слово, чтобы заявить, что онъ только что получилъ изъ бельгійской миссіи точный текстъ ноты, переданной утромъ по телеграфу бельгійскимъ правительствомъ, и кончаетъ словами:

«Я ограничиваюсь заявленіемъ, что правительство готово отнестись къ этой нотѣ очень серьезно. Мнѣ больше нечего сказать». («Синяя книга», англійское изданіе, стр. 97.)

Черезъ нѣсколько минутъ собирается совѣтъ министровъ и затѣмъ, по окончаніи засѣданія, сэръ Эдуардъ Грей увѣдомляетъ бельгійскаго посланника въ Лондонѣ, что «если бельгійскій

нейтралитетъ будетъ нарушенъ, Германіи будетъ объявлена война» («Сѣрая книга», № 26).

На другой же день, 4 августа утромъ, сэръ Эдуардъ Грей посылаетъ въ Берлинъ слѣдующую телеграмму, являющуюся результатомъ обсужденій, происходившихъ наканунѣ («Синяя книга», № 153):

«Бельгійскій король обратился къ Его Величеству королю съ просьбой о дипломатическомъ вмѣшательствѣ въ пользу Бельгіи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Памятуя какъ многочисленныя проявленія дружбы Вашего Величества и его предшественниковъ, такъ и дружественное отношеніе Англіи въ 1870 году и доказательство симпатіи, которое она еще разъ только что дала намъ, я, какъ къ послѣднему прибѣжищу, обращаюсь къ вамъ съ просьбой о дипломатическомъ вмѣшательствѣ правительства Вашего Величества для сохраненія нейтралитета Бельгіи».

«Правительство Его Величества получило также увѣдомленіе о томъ, что германское правительство вручило бельгійскому правительству ноту съ предложеніемъ дружественнаго нейтралитета, позволяющаго свободное прохожденіе черезъ бельгійскую территорію, и заключающую въ себѣ обязательство сохранить при заключеніи мира территоріальныя владѣнія и независимость королевства; въ противномъ случаѣ съ Бельгіей будетъ поступлено, какъ съ непріятелемъ. Отвѣтъ требовался не позже, какъ черезъ двѣнадцать часовъ.

«Мы узнаемъ также, что Бельгія отвѣтила категорическимъ отказомъ на предложеніе, которое она считаетъ явнымъ нарушеніемъ международнаго права.

«Правительство Его Величества вынуждено протестовать противъ этого нарушенія договора, подписаннаго Германіей точно такъ же, какъ и нами; ему нужно обѣщаніе, что требованіе, обращенное къ Бельгіи, не будетъ имѣть послѣдствій и что Германія не нарушитъ бельгійскаго нейтралитета. Вы попросите немедленнаго отвѣта».

Вскорѣ послѣ этого изъ Брюсселя, отъ англійскаго посланника, приходитъ телеграмма съ извѣщеніемъ о врученіи второй германской ноты, объявляющей о скоромъ проходѣ войскъ, несмотря на отказъ Бельгіи. Тотчасъ же сэръ Эдуардъ Грей телеграфируетъ слѣдующую ноту посланникамъ въ Бельгіи, въ Голландіи и въ Норвегіи («Сѣрая книга», № 37):

«Дайте знать, что Англія ожидаетъ, что эти три королевства окажутъ сопротивленіе давленію Германіи и сохранятъ нейтралитетъ. Въ этомъ сопротивленіи ихъ поддержитъ Англія, которая въ такомъ случаѣ,—если того пожелаютъ эти три правительства,—готова дѣйствовать совмѣстно съ Франціей и Россіей, заключивъ съ тремя названными правительствами союзъ для отраженія насильственныхъ противъ нихъ мѣръ со стороны Германіи и гарантировавъ въ будущемъ независимость и территоріальную неприкосновенность трехъ королевствъ».

Что касается Бельгіи, какъ сэръ Эдуардъ Грей объяснилъ бельгійскому посланнику въ Лондонѣ, это предложеніе было сдѣлано на тотъ случай, если бы нейтралитетъ страны былъ нарушенъ. (Тамъ же.) Впрочемъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, это предложеніе вскорѣ было аннулировано.

Дѣйствительно, не успѣли его отправить, какъ одна за другой пришли телеграмма изъ Берлина и телеграмма изъ Брюсселя: послѣдняя сообщаетъ о переходѣ германскихъ войскъ черезъ границу у Геммениха («Синяя книга», № 158); телеграмма изъ Берлина, посланная канцлеромъ германскому послу, касается исключительно Бельгіи; она имѣетъ величайшее значеніе для хода событій, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь (тамъ же, № 157):

«Прошу разсѣять всякія подозрѣнія, которыя могли бы оставаться у британскаго правительства относительно нашихъ намѣреній. Повторите формальныя завѣренія, что даже въ случаѣ вооруженнаго конфликта съ Бельгіей Германія ни подъ какимъ предлогомъ не присоединитъ ни малѣйшей части бельгійской территоріи. Искренность этого заявленія доказывается принятымъ нами по отношенію къ Голландіи торжественнымъ обязательствомъ строго соблюдать ея нейтралитетъ. Очевидно, что мы не могли бы съ выгодой для себя аннексировать часть бельгійской территоріи, не увеличивая въ то же время свою территорію за счетъ Голландіи. Внушите сэру Эдуарду Грею, что германская армія не можетъ подвергнуть себя опасности французской атаки черезъ Бельгію,—атаки, которая имѣлась въ виду, какъ намъ извѣстно изъ абсолютно достовѣрныхъ источниковъ. Германія, такимъ образомъ, вынуждена не считаться съ бельгійскимъ нейтралитетомъ: для нея вопросъ жизни и смерти предупредить движеніе впередъ французской арміи».

Обращаю вниманіе читателя на ту фразу, въ которой Германія удостовѣряетъ, что въ случаѣ вооруженнаго сопротивленія Бель-

гіи она не присоединитъ никакой части бельгійской территоріи, т.-е. что она не нарушитъ ея территоріальной сохранности. Она не беретъ на себя никакого обязательства относительно ея *независимости*, ни политической, ни экономической.

Но немного позже, въ тотъ же самый день, 4 августа, въ своемъ офиціальномъ заявленіи рейхстагу имперскій канцлеръ идетъ еще дальше:

«Мы,—сказалъ онъ,—дали Англіи обѣщаніе, что до тѣхъ поръ, пока она останется нейтральной, мы не нарушимъ территоріальной цѣлости и независимости Бельгіи. Это заявленіе я повторяю здѣсь публично, передъ лицомъ всего міра».

Это обѣщаніе, какъ и то, которое было сообщено по телеграфу, является безусловнымъ: будетъ ли Бельгія сопротивляться или нѣтъ, ей во всякомъ случаѣ будетъ обезпечена не только ея территоріальная неприкосновенность, но и независимость.

Я настаиваю на этомъ пунктѣ, ибо здѣсь вполнѣ рельефно открывается истинный взглядъ Германіи, которая, какъ я говорилъ выше, видитъ въ бельгійскомъ нейтралитетѣ не что-либо неприкосновенное, обезпеченное торжественными гарантіями, а залогъ, который можно сдѣлать предметомъ торга.

Сопоставимъ прежде всего это заявленіе 4 августа съ предложеніемъ, сдѣланнымъ имперскимъ канцлеромъ 29 іюля: тамъ Бельгія должна была *сохранить свои владѣнія, если она не пойдетъ противъ Германіи.* Затѣмъ припомнимъ выраженія «совершенно конфиденціальной ноты» 2 августа: Германія гарантировала *неприкосновенность владѣній и независимость страны въ полномъ объемѣ въ томъ случаѣ, если Бельгія дружелюбно встрѣтитъ двигающіяся на Францію германскія войска: она не гарантировала ничего, если Бельгія вздумаетъ имъ сопротивляться.* Мы видѣли, насколько за пять дней измѣнились условія торга, который Германія навязывала Бельгіи: условія, предложенныя in extremis 4 августа послѣ полудня, когда обрисовалась твердость поведенія Англіи, болѣе благопріятны, чѣмъ условія, предложенныя 4 августа утромъ; а тѣ были уже благопріятнѣе условій 2 августа, которыя въ свою очередь были благопріятнѣе условій 29 іюля.

Надбавка не остановилась на предложеніяхъ 4 августа. Забѣгая впередъ, я скажу теперь же, что 9 августа Бельгіи были переданы новыя предложенія. На этотъ разъ бельгійская армія,—

таковы собственныя слова этой новой германской ноты,—«только что блестяще отстояла честь своего оружія геройскимъ сопротивленіемъ далеко превосходнымъ силамъ» («Сѣрая книга», № 62): Льежъ только что былъ занятъ. Германія обратилась тогда къ Бельгіи и заявила ей, притомъ въ гораздо болѣе почтительномъ тонѣ, чѣмъ въ «совершенно конфиденціальной нотѣ» отъ 2 августа, слѣдующее:

«Германское правительство глубоко сожалѣетъ, что по винѣ позиціи, занятой бельгійскимъ правительствомъ относительно Германіи, дѣло дошло до кровавыхъ столкновеній. Германія вступаетъ въ Бельгію не какъ врагъ. Лишь подъ давленіемъ обстоятельствъ, въ виду военныхъ приготовленій Франціи, Германія должна была принять отвѣтственное рѣшеніе проникнуть въ Бельгію и занять Льежъ, какъ точку опоры для своихъ дальнѣйшихъ военныхъ операцій... Германское правительство проситъ Его Величество короля и бельгійское правительство въ дальнѣйшемъ избавить Бельгію отъ ужасовъ войны. *Германское правительство готово на всякое соглашеніе съ Бельгіей, лишь бы оно не шло въ разрѣзъ съ интересами Германіи при ея конфликтѣ съ Франціей.* Германія еще разъ торжественно завѣряетъ, что она не руководилась желаніемъ аннектировать бельгійскую территорію и *что подобное намѣреніе ей совершенно чуждо.* Германія и теперь еще готова очистить Бельгію, лишь только ей это позволитъ ходъ войны».

На этотъ разъ мы достигли послѣдней надбавки.

Отмѣтимъ пройденные этапы. Бельгіи представлялись двѣ альтернативы: она могла или пропустить германскія войска, или оказать имъ вооруженное сопротивленіе. Она выбрала вторую альтернативу. За это ей показаны были такія перспективы:

29 іюля—потеря территоріи и никакой гарантіи относительно независимости;

2 августа—рѣшеніе ея участи силою оружія;

4 августа, утромъ,—сохраненіе владѣній безъ гарантіи относительно независимости;

4 августа, послѣ полудня,—сохраненіе владѣній и независимости.

9 августа эта, уже занятая ею въ дѣйствительности позиція ей открываетъ перспективу всякихъ гарантій, какихъ она только пожелаетъ, лишь бы онѣ были совмѣстимы съ франко-германскимъ конфликтомъ.

Не ясно ли теперь, что сдѣлала Германія?

Она не только нарушила, вопреки подписаннымъ ею трактатамъ, нейтралитетъ Бельгіи; она замыслила посягательство на самое ея существованіе; она хладнокровно подготовила покушеніе на жизнь этой маленькой націи, ибо пройти черезъ неприкосновенную территорію, это—одно, а отнять у нея въ чемъ не повинной страны ея владѣнія и независимость—другое!

Какъ! Швейцаріи Германія заявляетъ *4 августа*, что она вполнѣ разсчитываетъ, что «Конфередація, благодаря своей сильной арміи и непоколебимой волѣ всего швейцарскаго народа, отразитъ всякое нарушеніе своего нейтралитета», а Бельгіи, нейтральной, какъ и Швейцарія, она заявляетъ *2 августа*, что если та осмѣлится защищаться противъ германскихъ войскъ, рѣшеніе ея участи будетъ предоставлено силѣ оружія!

На эту угрозу Бельгія съ достоинствомъ отвѣчаетъ отказомъ вѣрить, что ея независимость можетъ быть сохранена лишь цѣною нарушенія нейтралитета. Что сказала бы она, если бы знала, какой заговоръ подготовлялся противъ нея въ послѣдніе пять дней.

Почему у Германіи съ перваго же дня, какъ она вмѣшала Бельгію въ европейскій конфликтъ, не хватило корректности, чтобы обратиться къ ней откровенно и сказать, что никогда, ни въ какомъ случаѣ, будетъ ли она сопротивляться или нѣтъ, Германія не посягнетъ ни на ея независимость, ни на неприкосновенность ея владѣній, ни на какую бы то ни было изъ ея интернаціональныхъ прерогативъ? Вмѣсто того, чтобы высказаться честно, она уже 29 іюля осторожно намекаетъ Англіи, бездѣйствіе которой она хочетъ купить и сообщничество которой желаетъ себѣ обезпечить, что Бельгія останется тѣмъ, чѣмъ была, лишь въ томъ случаѣ, если не будетъ сопротивляться; безъ вѣдома Бельгіи, за пять дней до обращенія къ ней, она дѣлаетъ ее такимъ образомъ предметомъ торга, въ то время какъ въ Брюсселѣ она еще разсыпается въ увѣреніяхъ относительно своего довѣрія и симпатіи!

Что все это значитъ? Хочетъ ли Германія аннексировать всю Бельгію или часть ея? Хочетъ ли она имѣть Антверпенъ? Хочетъ ли она получить побережье? Хочетъ ли она ограничить независимость страны? Какъ? До какой степени? 4 августа она заявляетъ, что для того, чтобы аннексія части бельгійской территоріи была ей «выгодна», она должна была бы тронуть Гол-

ландію, чего совершенно не желаетъ; слѣдовательно, Бельгія уже не что иное, какъ предметъ вожделѣній? Значитъ, проходъ черезъ Бельгію для обезпеченія безопасности имперіи обратился въ войну завоевательную? Значитъ, правъ Максиміліанъ Гарденъ, когда онъ восклицаетъ:

«Нужно, чтобы благородный Германизмъ завоевалъ себѣ здѣсь новыя провинціи... Антверпенъ не противъ Гамбурга и Бремена, а съ ними; Льежъ на ряду съ крупнѣйшими фабриками Гессена, Берлина, Швабіи; Коккериль въ союзѣ съ Круппомъ; германское и бельгійское желѣзо, уголь, ткани въ общемъ управленіи... Отъ Калэ до Антверпена, Фландрія, Лимбургъ и Брабантъ, территорія, переходящая за линію укрѣпленій Мааса,—все подъ прусскимъ владычествомъ» («Zukunft», 17 октября).

Значитъ, объ этомъ-то и сообщили Англіи безъ всякихъ околичностей 29 іюля въ тиши канцелярій? Не руководилъ ли Германіей нѣкотораго рода утонченный расчетъ, когда она для того, чтобы создать предлогъ для захвата, толкала Бельгію на сопротивленіе,—неизбѣжное, какъ ей было извѣстно, такъ какъ она хвалила Швейцарію за организацію точно такого же сопротивленія? Такой дипломатическій ходъ, во всякомъ случаѣ, былъ ловокъ. Этотъ маневръ преслѣдовалъ три цѣли: такъ или иначе устрашить Англію; покорить Бельгію, если она будетъ сопротивляться; если же, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, она рѣшила бы не сопротивляться, имѣть свободный путь къ Франціи.

Такимъ образомъ, съ первой же минуты, какъ Германія произнесла имя Бельгіи въ конфликтѣ, не касавшемся этой маленькой націи, она ясно установила свой планъ: «Поставить Бельгію въ необходимость защищаться и, въ наказаніе за исполненіе ею своей обязанности, захватить ее».

Дѣйствительно, передъ такими очевидными фактами нарушеніе бельгійскаго нейтралитета отходитъ на второй планъ и обнаруживается безжалостный *заговоръ противъ Бельгіи.*

Ни имперскій канцлеръ, ни германская «Бѣлая книга» ни словомъ, однако, не обмолвились про эти махинаціи, и когда пришлось оправдываться публично, когда канцлеру пришлось два раза признаться въ рейхстагѣ, что Германія совершила правонарушеніе, «ein Unrecht», онъ ограничился тѣмъ, что сослался на изреченіе «Not kennt kein Gebot»—необходимость не знаетъ закона!

Оправданіе необходимостью! Выше я указалъ, какимъ чистѣйшимъ политическимъ софизмомъ при нарушеніи бельгійскаго

нейтралитета является такая ссылка на необходимость. Но здѣсь дѣло не въ томъ. Важно то, что при случившемся дипломатическомъ конфликтѣ Германія начала торговаться, сдѣлавъ Бельгію предметомъ торга. Стратегическая необходимость могла заставить Германію только пройти черезъ Бельгію—и больше ничего. И если нарушеніе бельгійскаго нейтралитета дѣйствительно вызывалось лишь заботой о безопасности имперіи, то съ какой стати Германія воспользовалась обстоятельствомъ, яко бы имѣющимъ характеръ force majeure или законной самообороны, для того, чтобы клочокъ за клочкомъ вырвать у Бельгіи ея суверенитетъ или же оставить его за нею цѣной низкой услужливости и горькаго страданья?

Не испытываютъ ли передъ этими фактами лучшіе друзья Германіи и даже сами нѣмцы, сумѣвшіе въ тревожные дни, переживаемые ихъ страной, сохранить чувство мѣры, невыразимую неловкость и даже мучительныя угрызенія совѣсти? Не преклоняются ли они передъ негодованіемъ, овладѣвшимъ бельгійцами въ моментъ нападенія и заставляющимъ ихъ еще и теперь, когда они на занятой врагомъ родной землѣ отдѣлены отъ остальнаго міра, трепетать отъ сдержаннаго гнѣва?

* * *

По полученіи 4 августа телеграммы изъ Германіи сэръ Эдуардъ Грей по телеграфу отмѣняетъ свое сообщеніе Бельгіи, Голландіи и Норвегіи («Сѣрая книга», № 43) и отвѣчаетъ въ Берлинъ, настаивая на своемъ требованіи формальнаго обязательства не нарушать бельгійскаго нейтралитета («Синяя книга», № 159):

«Мы узнаемъ, что Германія предъявила бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ ноту съ заявленіемъ, что германское правительство будетъ вынуждено привести въ исполненіе необходимыя, по его мнѣнію, мѣры, если понадобится, силою оружія.

«Мы получили также сообщеніе, что германскія войска вступили на бельгійскую территорію у Гемменіха.

«При такихъ условіяхъ и въ виду того, что Германія отказалась дать намъ по поводу Бельгіи завѣренія, подобныя тѣмъ, которыя мы на прошлой недѣлѣ получили отъ Франціи въ отвѣтъ на запросъ, сдѣланный нами одновременно въ Берлинѣ и Парижѣ, мы вынуждены повторить этотъ запросъ и потребовать удовлетворительнаго отвѣта какъ на него, такъ и на телеграмму, которая послана мною сегодня утромъ и должна быть уже получена, се-

годня вечеромъ до полуночи. Въ противномъ случаѣ вы потребуете свои паспорта и заявите, что правительство Его Величества вынуждено принять всѣ зависящія отъ него мѣры для поддержанія нейтралитета Бельгіи и уваженія къ трактату, который Германія подписала такъ же, какъ и мы».

Согласно этимъ инструкціямъ англійскій посолъ послѣ полудня отправляется къ статсъ-секретарю по иностраннымъ дѣламъ и спрашиваетъ, будетъ ли его правительство соблюдать нейтралитетъ Бельгіи.

«Къ сожалѣнію, я долженъ сказать: нѣтъ!—отвѣчаетъ статсъ-секретарь.—Къ тому же нейтралитетъ уже нарушенъ: германскія войска перешли черезъ границу».

Тутъ-то и были изложены стратегическія основанія для этого прохода въ выраженіяхъ, которыя я воспроизвелъ выше. Здѣсь не зачѣмъ къ нимъ больше возвращаться; но стоитъ привести нѣкоторыя фразы изъ разговора, который произошелъ въ тотъ же вечеръ между англійскимъ посломъ и имперскимъ канцлеромъ. Въ нихъ съ поразительной ясностью отражается противоположность точекъ зрѣнія Германіи и Англіи. Я извлекаю ихъ изъ доклада, посланнаго сэру Эдуарду Грею англійскимъ посломъ въ Берлинѣ («Синяя книга», № 160):

«Я нашелъ канцлера очень взволнованнымъ. Его Превосходительство тотчасъ же началъ рѣчь, которая длилась около двадцати минутъ. Онъ сказалъ, что мѣра, принятая правительствомъ Его Британскаго Величества, ужасна до послѣдней степени; изъза одного слова «нейтралитетъ», съ которымъ такъ часто совершенно не считались во время войны, изъ-за простого клочка бумаги Великобританія будетъ воевать съ націей ей родственной и ничего такъ не желавшей, какъ быть съ ней въ дружбѣ. Всѣ его усилія въ этомъ направленіи, продолжалъ онъ, свелись на нѣтъ вслѣдствіе этой послѣдней и ужасной мѣры; политика, которую, какъ мнѣ извѣстно, онъ проводилъ съ тѣхъ поръ, какъ всталъ у власти, разсыпалась, какъ карточный домикъ. Онъ воскликнулъ, что то, что мы сдѣлали, непостижимо; это все равно, что нанести человѣку ударъ въ спину въ тотъ моментъ, когда онъ защищаетъ свою жизнь противъ двоихъ нападающихъ на него враговъ. Онъ считаетъ Великобританію отвѣтственной за всѣ могущія произойти ужасныя событія.

«Я энергично протестовалъ противъ этого заявленія и сказалъ, что точно такъ же, какъ онъ и статсъ-секретарь хотѣли внушить

мнѣ, что по стратегическимъ соображеніямъ для Германіи вопросъ жизни или смерти пройти черезъ Бельгію и нарушить ея нейтралитетъ, я желалъ бы внушить ему, что,—если можно такъ выразиться,—для чести Великобританіи «вопросъ жизни или смерти»—выполнить принятое на себя торжественное обязательство до послѣдней возможности защищать нейтралитетъ Бельгіи, если на нее нападутъ. Совершенно необходимо, настаивалъ я, исполнить этотъ торжественный договоръ: иначе, какое довѣріе можно было бы имѣть въ будущемъ къ обязательствамъ, принятымъ на себя Великобританіей?

«Канцлеръ снова началъ: «Но какою цѣною будетъ исполненъ этотъ договоръ? Подумало ли объ этомъ британское правительство?».

«Я, насколько могъ прозрачно, намекнулъ Его Превосходительству, что опасеніе послѣдствій никакъ не можетъ считаться оправданіемъ неисполненія торжественныхъ обязательствъ; но Его Превосходительство былъ въ состояніи такого возбужденія, такъ очевидно ошеломленъ извѣстіемъ о нашемъ вмѣшательствѣ и такъ мало склоненъ считаться съ аргументами, что я воздержался отъ дальнѣйшихъ разговоровъ, дабы не подливать масла въ огонь.

«Когда я прощался съ нимъ, онъ сказалъ, что ударъ, который Великобританія наноситъ Германіи, тѣмъ болѣе жестокъ, что почти до самой послѣдней минуты онъ и его правительство работали съ нами и поддерживали наши старанія сохранить миръ между Австріей и Россіей.

«Я отвѣтилъ, что это поистинѣ трагично, какъ вообще трагедіей является то, что наши двѣ націи собираются сражаться именно въ тотъ моментъ, когда ихъ отношенія стали дружественнѣе и сердечнѣе, чѣмъ когда-либо за многіе годы. Я прибавилъ, что, несмотря на наши усилія поддержать миръ между Россіей и Австріей, война разразилась и поставила насъ лицомъ къ лицу съ положеніемъ, котораго мы не можемъ обойти, если желаемъ исполнить свои обязательства, и которое, къ несчастью, заставляетъ насъ разойтись со своими прежними сотрудниками. Въ заключеніе я сказалъ, что ему, конечно, легко понять, что никто больше меня не жалѣетъ объ этомъ».

Какимъ мрачнымъ величіемъ вѣетъ отъ этого краткаго описанія! Какъ чувствуется здѣсь столкновеніе двухъ откровенно высказанныхъ мнѣній! Нѣтъ ничего условнаго, никакихъ ужи-

мокъ при этой встрѣчѣ двоихъ людей, трепещущихъ передъ ужасной отвѣтственностью, которую они на себя принимаютъ. Въ эти минуты ими руководятъ лишь истинные ихъ глубокіе настроенія и мотивы. Свиданіе было довольно тяжело, «somewhat painful», сдержанно говоритъ посолъ въ своемъ докладѣ, и чувствуется, сколько подавленнаго волненія заключается для него въ этомъ словѣ.

Это свиданіе, надо замѣтить, бросаетъ яркій свѣтъ на позицію Германіи, Англіи и Бельгіи не только во время, когда конфликтъ готовъ уже былъ разразиться, но и во весь предыдущій періодъ Мнѣ хотѣлось бы охарактеризовать эту позицію въ ея главныхъ чертахъ.

Какъ мы видѣли, Англія отклонила ходатайства Россіи и Франціи, которыя настаивали на томъ, чтобы она встала на ихъ сторону. Такъ же опредѣленно она отвѣтила отказомъ и Германіи на ея предложеніе удовлетвориться нѣкоторыми гарантіями относительно будущаго положенія Бельгіи и дать обязательство оставаться въ сторонѣ отъ борьбы даже въ томъ случаѣ, если бы,—какъ это было весьма вѣроятно,—германскія войска вступили на бельгійскую территорію.

Германія надѣялась, что разъ она дастъ Англіи такія обѣщанія, эта послѣдняя найдетъ, что рискъ войны съ Германіей—слишкомъ дорогая цѣна за охрану бельгійскаго нейтралитета. Поэтому, послѣ сдѣланной 29 іюля попытки узнать настроеніе Англіи, Германія со дня на день откладывала отвѣтъ на запросъ сэра Эдуарда Грея, приглашавшаго ее дать формальное обязательство уважать трактаты. Тѣмъ временемъ она повышала предложенную ею цѣну и постепенно свела свои претензіи до того, что 4 августа гарантировала неприкосновенность владѣній и независимость Бельгіи даже въ томъ случаѣ, если та окажетъ сопротивленіе проходу германскихъ войскъ. Такимъ образомъ, Германія обнаружила свое твердое намѣреніе захватить въ Бельгіи все, что позволитъ Англія, и показала, что на самомъ дѣлѣ бельгійскій нейтралитетъ былъ для нея лишь продажной вещью.

Что касается Бельгіи, то,—какъ я показалъ это на предыдущихъ страницахъ,—она до послѣдней крайности не обращалась ни за чьей помощью. Она знала,—какъ бы ни была тяжела такая увѣренность для націи, чувствовавшей, что она заслуживала то мѣсто, которое ей было отведено ея старшими сестрами,—она знала, что ея нейтралитетъ—созданіе другихъ, что онъ въ рукахъ

другихъ, что всѣ ея мысли, всѣ ея богатства—все это въ концѣ-концовъ не имѣло ни малѣйшаго значенія въ этотъ рѣшительный моментъ; и она не искала поддержки изъ опасенія обидѣть кого-нибудь или потерять свободу дѣйствій. Когда угроза Германіи дошла до нея, она приняла рѣшеніе одна, не совѣтуясь ни съ кѣмъ, не давая никому никакихъ объясненій, не представляя оправданій, такъ какъ она не была связана ни съ кѣмъ или, вѣрнѣе, потому, что одинаковое уваженіе ко всѣмъ своимъ обязательствамъ въ равной мѣрѣ связывало ее со всѣми. Въ эту трагическую минуту она еще хотѣла обратиться къ чувству справедливости своихъ поручителей, всѣхъ своихъ поручителей: она ограничилась тѣмъ, что сообщила имъ, какая неожиданная опасность угрожаетъ ей и имъ вмѣстѣ съ ней. Она отказалась отъ вооруженной помощи, которую предлагала ей Франція. Ея король, помня, какъ при аналогичныхъ обстоятельствахъ Англія поступила по своей собственной инціативѣ, обратился къ ней съ просьбой—о чемъ? о присылкѣ войска для отраженія нападающаго врага? о гарантіяхъ, необходимыхъ ему прежде, чѣмъ подвергнуть свою маленькую страну ужаснѣйшимъ бѣдствіямъ? Нѣтъ, о дипломатическомъ вмѣшательствѣ для спасенія нейтралитета, который былъ гарантированъ торжественнымъ совмѣстнымъ обязательствомъ державъ. И Бельгія ждала «военнаго удара», чтобы, лишь 4 августа, обратиться къ своимъ поручителямъ съ просьбой общимъ и согласованнымъ выступленіемъ помочь ей въ защитѣ территоріи.

Я не позволяю себѣ здѣсь судить европейскую политику той или другой изъ великихъ державъ. Но позволительно утверждать одно, по полной очевидности этого для всякаго добросовѣстнаго человѣка: не можетъ быть никакого спора о томъ, что Бельгія была вполнѣ лояльна въ теченіе всѣхъ переговоровъ, ознаменовавшихъ начало войны.

IV.

Обвиненія Бельгіи въ нелояльности.

4 августа, казалось, было ясно одно, а именно—утвержденіе Германіи, что только необходимость заставляла ее нарушить нейтралитетъ Бельгіи. Что это была за необходимость,—необходимость ли пойти навстрѣчу предполагаемымъ намѣреніямъ Франціи или необходимость обезпечить успѣхъ военныхъ операцій, исходъ которыхъ былъ бы сомнителенъ при движеніи всякимъ другимъ путемъ,—все равно: фактъ тотъ, что ни на одну минуту Германія ни въ чемъ не обвиняла Бельгію. Въ «совершенно конфиденціальной нотѣ» высказывалась похвала «прекрасному отношенію» Бельгіи и германскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ заявилъ бельгійскому посланнику: «Ваша страна держалась со строжайшей корректностью; Германія ни въ чемъ не можетъ ее упрекнуть».

Но съ первыхъ же дней военныхъ дѣйствій въ Германіи стало проявляться странное настроеніе.

Съ одной стороны, публику оставляли въ невѣдѣніи фактовъ, которые должны были показать политику Бельгіи въ настоящемъ свѣтѣ. Такъ, въ «Kölnische Zeitung» никогда не было напечатано ни текста отвѣта Бельгіи на «совершенно конфиденціальную ноту», ни текста рѣчи короля Альберта въ парламентѣ; точно такъ же во всей германской «Бѣлой книгѣ» ни разу не упоминается о Бельгіи; въ ней нѣтъ, напримѣръ, ни малѣйшаго упоминанія о происходившихъ въ Берлинѣ 29 и 30 іюля столь характерныхъ разговорахъ. Еще того больше: во «Frank-

furter Zeitung» текстъ «совершенно конфиденціальной ноты» 2 августа сообщается лишь 8 августа въ телеграммѣ «Агентства Вольфа», и,—я прошу читателя обратить на этотъ фактъ особое вниманіе,—за этимъ текстомъ слѣдуетъ такая фраза: «На эту ноту не послѣдовало отвѣта. Auf diese Note erfolgte keine Antwort» («Urkunden, Depeschen und Berichte» der «Frankf. Ztg.», стр. 87.) О всемъ томъ, что Бельгія говорила, что она дѣлала,—ни слова, если не считать явной неправды.

Въ то самое время, какъ, по приказу свыше, скрывали, такимъ образомъ, лояльность Бельгіи, со всѣхъ сторонъ поднимались неожиданныя обвиненія; всячески старались опорочить доброе имя маленькой страны, въ которую вторгнулись войска; преувеличивались самые невинные инциденты; заподозривались самыя прямодушныя намѣренія. Казалось, Германія постепенно открывала, что совершонный ею поступокъ находитъ себѣ совсѣмъ иное оправданіе, чѣмъ то, на которое она ссылалась. Въ концѣ-концовъ Бельгія оказалась виновной, въ то время какъ раньше ее считали невинной. Что это поднялись за толки о нарушеніи бельгійскаго нейтралитета? Бельгійскій нейтралитетъ? Онъ исчезъ, погубленный самой Бельгіей. Измѣняя всѣмъ своимъ обязанностямъ, эта надоѣдная нація еще до войны отказалась отъ своей свободы въ пользу враговъ Германіи; забывая, что ея положеніе нейтральной страны обязываетъ ее держаться въ сторонѣ отъ осложненій международной политики, она, безъ вѣдома, надо замѣтить, нѣкоторыхъ своихъ поручителей, пошла на недопустимыя соглашенія. Поэтому постигшая Бельгію участь—лишь справедливое возмездіе; ея судьба не заслуживаетъ ни участія, ни симпатіи. Она даже,—и этотъ тезисъ нашелъ, въ нейтральныхъ странахъ, напримѣръ, гораздо болѣе широкое распространеніе, чѣмъ по здравому смыслу можно было ожидать,—она даже подвергла опасности Германію. «Слѣдовало ли,—пишетъ голландскимъ друзьямъ одинъ корреспондентъ «Kölnische Zeitung» (№ 1188, 30 октября),—ждать, пока Бельгія и ея союзники, которымъ она уже давно добровольно отдалась, предадутъ огню Аахенъ? Или слѣдовало прямо двинуться на Бельгію?»

По правдѣ сказать, если даже предположить, что доказана основательность всѣхъ этихъ обвиненій, на которыя между 2 и 4 августа никто,—ни германское правительство, ни имперскій канцлеръ, ни статсъ-секретарь,—и не думалъ ссылаться, это ни на іоту не уменьшило бы нравственной отвѣтственности Герма-

ціи, которая готова была продать самое существованіе Бельгіи, чтобы купить себѣ политическихъ сообщниковъ. Все, что было сказано и сдѣлано, остается.

Но Бельгія не можетъ допустить, чтобы ее обвиняли, и не защищать себя съ твердой рѣшимостью заставить признать истину.

Теперь, слѣдовательно, нужно терпѣливо опровергнуть всѣ обвиненія, которыя взводились или на бельгійское правительство, или на жителей Бельгіи. Я ихъ разобью на три категоріи:

Враждебные акты до войны.
Угодничество передъ Франціей.
Угодничество передъ Англіей.

Сначала мнѣ придется, однако, опровергнуть два обвиненія, не находящіяся въ связи съ событіями настоящей войны и направленныя къ тому, чтобы разрушить довѣріе, которое можно питать къ политической позиціи Бельгіи.

Бельгія уже не сумѣла выполнить своихъ международныхъ обязательствъ, говорилось въ «Kölnische Zeitung» (№1028, 15 ноября), когда надо было провести постановленія Берлинскаго Акта относительно свободы торговли и уничтоженія рабства въ Конго.

Отвѣтить на это нетрудно.

Можно различно смотрѣть на политику прежняго Независимаго Государства Конго; но несомнѣнно то, что она была политикой этого государства, а совсѣмъ не Бельгіи. Когда Бельгія пріобрѣла суверенитетъ надъ Конго, она немедленно и совершенно измѣнила его экономическій режимъ: присоединеніе относится къ 1908 году, а декреты относительно реформъ—къ 1910 г., и новый режимъ настолько соотвѣтствовалъ постановленіямъ Берлинскаго Акта, и довѣріе державъ къ тому, какъ Бельгія соблюдаетъ трактаты, было такъ велико, что всѣ онѣ — и первая Германія— признали аннексію Конго.

Слѣдовательно, обвиненіе не имѣетъ никакого основанія. Впрочемъ, въ немъ отражается мнѣніе, которое распространялось въ нѣкоторыхъ кругахъ Германіи и нашло откликъ у Бернгарди, напримѣръ, въ названной уже мной книгѣ «Deutschland und der nächste Krieg» (6-ое изданіе, стр. 123): Бельгія будто бы кореннымъ образомъ измѣнила характеръ нейтралитета, гарантированнаго ей трактатами 1839 года, такъ какъ послѣ этого она аннексировала Конго. Тѣ, кто такъ думаетъ, упускаютъ изъ

виду одинъ только фактъ, но фактъ первостепенной важности: державы-поручительницы признали аннексію безъ всякихъ оговорокъ; онѣ показали этимъ, что не считаютъ, чтобы осуществленное трактатами 1839 года равновѣсіе интересовъ и взятыя ими на себя гарантіи были затронуты обращеніемъ Конго въ бельгійскую колонію.

По словамъ нѣкоторыхъ, вторымъ доказательствомъ неспособности Бельгіи исполнять свои международныя обязанности служитъ недостаточность ея военной организаціи (см., напримѣръ, ф. Блуме, «Die Belgische Neutralität und Wir» въ «Das Grössere Deutschland», 1914 годъ, № 34, стр. 1401 и слѣд.).

Совершенно ошибочно было бы думать, что даже до недавней реорганизаціи арміи Бельгія относилась небрежно къ обязанностямъ защиты; у нея была, напротивъ, вполнѣ опредѣленная система стратегической охраны. Антверпенская крѣпость, представлявшая собой первоклассный укрѣпленный лагерь, укрѣпленія Льежа и Намюра, служившія задерживающими пунктами, предмостными укрѣпленіями и опорными пунктами, полевая армія, дополнявшая крѣпости,—эти три элемента составляли оборонительную систему, способную задержать войска нападающаго государства до прихода войскъ другихъ государствъ поручителей.

На возведеніе укрѣпленій были истрачены значительныя суммы. Еще въ 1906 году парламентомъ былъ принятъ экстраординарный кредитъ въ 63 милліона франковъ на постройку вокругъ Антверпена на обоихъ берегахъ Шельды тринадцати новыхъ фортовъ и двѣнадцати новыхъ редутовъ передовой линіи въ дополненіе къ существующимъ двѣнадцати фортамъ второй линіи, и на возведеніе двухъ новыхъ фортовъ для защиты нижняго теченія Шельды. Вскорѣ кредитъ былъ увеличенъ еще на четыре новыхъ милліона. Форты на Маасѣ были приведены въ полную боевую готовность.

Что касается состава арміи, то до реформы 1909—1913 годовъ онъ достигалъ 180 тысячъ человѣкъ, т.-е. по мнѣнію самыхъ компетентныхъ военныхъ авторитетовъ, онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ той роли, которую армія должна была играть во всей системѣ защиты страны. Но съ тѣхъ поръ какъ были измѣнены стратегическія мѣропріятія сосѣднихъ странъ, этого, очевидно, стало недостаточно. Развѣ бельгійцы колебались отвѣтить на призывъ своего государя? Никоимъ образомъ: обще-

ственное мнѣніе было подготовлено пропагандой, и страна безъ протеста приняла увеличеніе военныхъ расходовъ; такимъ образомъ численность перволинейныхъ войскъ, не считая резервовъ, должна была удвоиться.

Ординарный бюджетъ арміи съ 69 милліоновъ,—средняя цифра за первыя десять лѣтъ настоящаго столѣтія,—поднялся въ 1913 году до 87,5 милліоновъ, т.-е. былъ увеличенъ на 30%, въ значительной степени вслѣдствіе реформы, которой сначала, въ 1909 году, была введена обязательная военная служба для одного сына въ каждой семьѣ, а въ 1913 г.—всеобщая воинская повинность. Въ то же самое время была значительно измѣнена и организація высшаго командованія арміей.

Впрочемъ, опытъ настоящей войны достаточно хорошо показалъ, на что была способна бельгійская армія.

Прежде всего она была сконцентрирована и готова къ выступленію въ такой короткій срокъ и въ такомъ образцовомъ порядкѣ, что германскій военный атташе принесъ свои поздравленія директору кабинета военнаго министра; всѣ части арміи были организованы менѣе чѣмъ въ пять дней послѣ объявленія мобилизаціи, такъ что, какъ ни было внезапно нападеніе германскихъ войскъ—нота 2 августа лишь на 36 часовъ предшествовала переходу черезъ границу,—они не могли помѣшать организаціи защиты и наткнулись на совершенно готовую армію; сооруженія, которыя могли бы быть полезны врагу, были разрушены; всѣ сообщенія въ тылу были обезпечены.

Что касается активной роли арміи, то она съ самаго начала военныхъ дѣйствій вызвала восхищеніе самихъ нѣмцевъ. Въ секторахъ фортовъ, какъ и въ траншеяхъ въ открытомъ полѣ и передъ главными путями сообщенія, рѣками, каналами и желѣзнодорожными путями, переходъ черезъ которые нужно было преградить, бельгійскіе солдаты вели неравную борьбу съ храбростью и выносливостью, заслуживающими всяческихъ похвалъ. Право, смѣшно говорить о военной слабости страны, «геройское сопротивленіе которой превосходнымъ силамъ» Германіи пришлось 9 августа признать официально.

Но никто не могъ предвидѣть, что подъ ударами тяжелыхъ крупповскихъ пушекъ бетонныя укрѣпленія окажутся менѣе прочнымъ убѣжищемъ, чѣмъ земляныя траншеи, и когда въ наиболѣе освѣдомленныхъ кругахъ говорили о «неприступномъ городѣ Антверпенѣ», это были не пустыя слова.

Нужно, значитъ, рѣшительно отвергнуть легенду о Бельгіи, забывшей свои военныя обязанности.

Но въ обвиненіяхъ ф. Блуме есть одна особенно комичная сторона: выходитъ, что для наказанія Бельгіи Германія выбрала какъ разъ тотъ годъ, въ теченіе котораго должна была завершиться реформа ея арміи, уже значительно усиленной съ 1909 года! Германія никогда не дѣлала Бельгіи предостереженій на этотъ счетъ; въ 1912 году, принимая въ Аахенѣ присланнаго привѣтствовать его отъ имени короля бельгійскаго генерала, императоръ германскій казался даже скорѣе удивленнымъ принятыми бельгійскимъ правительствомъ мѣрами защиты. Въ самомъ дѣлѣ, Германія знала, что Бельгія рѣшилась на значительные расходы для постройки укрѣпленій и организаціи арміи, и ей было небезызвѣстно, какое значеніе имѣли эти кредиты. Въ этомъ отношеніи глава кабинета, де-Броквиль, далъ вполнѣ опредѣленную характеристику постоянныхъ усилій Бельгіи въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ имъ въ засѣданіи парламента 30 ноября 1911 года:

«Наши форты и наша армія являются выраженіемъ нашей непреклонной воли оставаться народомъ свободнымъ и независимымъ; они какъ бы свидѣтельствуютъ о нашей національной гордости и представляютъ собой залогъ участія Бельгіи въ защитѣ какъ неприкосновенности территоріи, такъ и національной независимости и безопасности. Мы не могли бы согласиться ни на какую двусмысленную комбинацію. Мы, бельгійцы, останемся бельгійцами, а это значитъ, что мы всегда будемъ лояльны, честны и патріотичны».

Но теперь я спѣшу перейти къ взводимымъ на Бельгію отдѣльнымъ обвиненіямъ.

Враждебныя дѣйствія до войны.

До начала военныхъ дѣйствій непосредственно Бельгіи не было сдѣлано ни одного упрека.

Однако 31 іюля въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ въ Берлинѣ германскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ намекалъ, что еще до этого дня со стороны Бельгіи были допущены враждебныя дѣйствія:

«Напримѣръ, — говорилъ онъ, — былъ наложенъ арестъ на хлѣбный грузъ, предназначавшійся для Германіи». Но, кромѣ

этого «примѣра», и не было приведено рѣшительно ни одного факта.

Въ тотъ самый день, когда въ Берлинѣ говорилось о допущенномъ Бельгіей враждебномъ актѣ, въ Брюсселѣ германскій посланникъ обращался къ министру иностранныхъ дѣлъ со слѣдующимъ вѣжливымъ представленіемъ («Сѣрая книга», № 79, 1-ое приложеніе):

«Меня увѣдомили изъ Антверпена, что таможня задержала суда съ зерномъ для Германіи.

«Въ виду того, что въ подобныхъ случаяхъ дѣло идетъ не о вывозѣ зерна, а о транзитѣ, такъ какъ въ Антверпенѣ товаръ былъ лишь перегруженъ съ одного судна на другое, я имѣю честь просить вашего благосклоннаго посредничества, чтобы получить разрѣшеніе для отправки этихъ судовъ въ Германію.

«Въ то же время я прошу Ваше Превосходительство дать мнѣ знать, закрытъ ли антверпенскій портъ для транзита товаровъ, перечисленныхъ въ сегодняшнемъ номерѣ «Вѣстника».

«Ожидая отвѣта Вашего Превосходительства въ возможно скоромъ времени, я пользуюсь этимъ случаемъ», и т. д.

На другой день, 1 августа, бельгійскій министръ отвѣчалъ:

«Въ отвѣтъ на письмо Вашего Превосходительства отъ 31 іюля я имѣю честь сообщить вамъ, что бельгійскій указъ отъ 30 іюля относится только къ вывозу, а не къ транзиту перечисленныхъ продуктовъ.

«Я передалъ ваше сообщеніе моему коллегѣ, министру финансовъ, съ просьбой дать таможеннымъ конторамъ точныя инструкціи для предупрежденія всякихъ ошибокъ при примѣненіи вышеуказаннаго постановленія».

И желаніе не дѣлать ничего, что могло бы свидѣтельствовать о недружелюбномъ отношеніи, было такъ велико, что въ тотъ же день было дано разрѣшеніе отправить хлѣбный грузъ. Задержка была вызвана простымъ недоразумѣніемъ, и, кромѣ того, какъ министръ объяснилъ въ новомъ письмѣ къ германскому посланнику (тамъ же, 2 приложеніе), дѣло шло исключительно о таможенныхъ формальностяхъ: транзиту товаровъ ни въ коемъ случаѣ не должны были дѣлать затрудненій. Мѣры, принятыя въ этотъ моментъ бельгійскимъ правительствомъ, являлись лишь мѣрами предосторожности, которыя всякое государство имѣетъ право и должно принимать при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ.

Слѣдовательно «враждебное дѣйствіе» сводилось буквально къ «благосклонному посредничеству», выражаясь словами самого германскаго посланника.

Это, однако, ничуть не помѣшало «Kölnische Zeitung», большой нѣмецкой газетѣ, корреспонденты которой всегда встрѣчали въ Брюсселѣ самый радушный пріемъ, напечатать 10 августа (№ 901), подъ заглавіемъ «Das Neutrale Belgien», статью, изъ которой я извлекаю слѣдующіе отрывки:

«Наши враги утверждаютъ, что мы проникли въ Бельгію, нарушая такъ называемый бельгійскій нейтралитетъ. Чѣмъ въ дѣйствительности былъ этотъ такъ называемый нейтралитетъ, видно изъ ряда фактовъ, изъ которыхъ мы приводимъ для примѣра одинъ. (Слѣдуетъ явно тенденціозное изложеніе инцидента, а послѣ него такое заключеніе.) Это правонарушеніе произошло въ пятницу 31 іюля, за два дня передъ тѣмъ, какъ Германія вручила Бельгіи свой ультиматумъ. Слѣдовательно, первый незаконный и крайне враждебный актъ былъ совершенъ не Германіей, а Бельгіей».

Почти излишне указывать, насколько фантастично и другое утвержденіе, принадлежащее извѣстному германскому депутату Эрцбергеру (см. перепечатку изъ «Tag» въ «Berliner Tageblatt» отъ 7 октября):

«2 августа утромъ ландштурмъ былъ призванъ къ оружію въ Аахенѣ; войска цѣлый день и цѣлую ночь сражались съ французскими и бельгійскими солдатами; эти послѣдніе уже въ воскресенье проникли въ наши лѣса до дороги, именуемой «дорогой пруссаковъ».

Если, помимо тысячи другихъ фактовъ, вспомнить, что въ ночь со 2 на 3 августа германскій посланникъ въ Брюсселѣ могъ дать генеральному секретарю департамента иностранныхъ дѣлъ лишь очень неопредѣленныя указанія относительно нарушенія германской границы, совершеннаго будто бы французскими войсками, если вспомнить, что первое военное дѣйствіе произошло у Геммениха въ Бельгіи утромъ 4 августа, не знаешь, чему надо больше удивляться — силѣ ли воображенія г-на Эрцбергера, упорству ли «Berliner Tageblatt», который еще приводитъ это мнѣніе 7 октября, черезъ два мѣсяца послѣ начала военныхъ дѣйствій.

Говорили также, что различныя мѣры, принятыя прежде, чѣмъ со стороны Германіи послѣдовали какія-либо угрозы, обнаруживали воинственныя намѣренія Бельгіи.

Вотъ что «Kölnische Zeitung» отъ 28 августа (№ 967) называетъ доказательствомъ, «ein Beweis»:

„Доказательство Бельгійской нейтральности".

«Унтеръ-офицеръ, сопровождавшій въ Мюнстеръ транспортъ бельгійскихъ плѣнныхъ, показалъ намъ полученную имъ отъ одного плѣннаго таблицу въ краскахъ. На этой таблицѣ въ братскомъ единеніи изображены въ раскрашенныхъ мундирахъ представители всѣхъ родовъ оружія бельгійской, французской и англійской армій, разбитые на три секціи. Плѣнный бельгіецъ увѣрялъ автора разсказа (который ручался намъ за его достовѣрность), что эти таблицы были розданы всѣмъ бельгійскимъ солдатамъ за три дня до офиціальной мобилизаціи съ совѣтомъ тщательно ихъ изучить, такъ какъ французскіе и англійскіе солдаты, съ внѣшнимъ видомъ которыхъ они должны были познакомиться по этимъ картинкамъ, будутъ ихъ союзниками въ будущей войнѣ».

Какъ мнѣ ни жаль того, кто «ручался» за достовѣрность этого разсказа, я долженъ удостовѣрить на основаніи офиціальныхъ свѣдѣній, что первые экземпляры таблицы, о которой идетъ рѣчь, были пущены въ обращеніе въ теченіе второй недѣли августа мѣсяца. Я сообщу ему, кромѣ того, что въ то же самое время были розданы и расклеены по стѣнамъ рисунки, позволяющіе различать разные типы аэроплановъ.

Затѣмъ есть и еще одинъ маленькій эпизодъ; разсказъ о немъ былъ посланъ 9 сентября въ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» человѣкомъ серьезнымъ, котораго я никогда не счелъ бы способнымъ посвящать такому занятію минуты, которыя онъ болѣе достойнымъ образомъ употреблялъ прежде, когда, окруженный всеобщей симпатіей, стоялъ во главѣ нѣмецкой школы въ Антверпенѣ.

«Отъ госпожи Фр., жены старшаго учителя, носящаго ту же фамилію, покинувшей Антверпенъ лишь въ началѣ этого мѣсяца, я узнаю, что всѣ комнаты нѣмецкой школы, включая и квартиру директора, служатъ казармами для бельгійской арміи. Это даетъ мнѣ случай сообщить вамъ одинъ фактъ, который, быть можетъ, не лишенъ важности съ политической точки зрѣнія. Около половины іюня этого года для осмотра помѣщенія школы явился полицейскій чиновникъ, а въ началѣ іюля—бельгійскій

офицеръ (оба раза въ отсутствіе директора). На нашъ вопросъ оба раза отвѣтили, что нужно опредѣлить, сколько солдатъ можно было бы помѣстить въ школѣ. Во второй разъ было объявлено, что въ школѣ могъ бы помѣститься одинъ батальонъ и штабъ полка. Въ теченіе двѣнадцати съ половиной лѣтъ моей службы въ Антверпенѣ подобнаго факта въ школѣ никогда не было. Странное совпаденіе: этотъ осмотръ происходилъ въ первый разъ за шесть, во второй за четыре недѣли до начала войны; это позволяетъ сдѣлать заключеніе, что въ Бельгіи уже разсчитывали на войну и на занятіе школы для нуждъ арміи».

Авторъ этого важнаго разоблаченія, можетъ быть, не зналъ, что перепись помѣщеній, которыми, въ случаѣ войны, армія можетъ располагать, происходитъ періодически; если, по крайней мѣрѣ, насколько ему извѣстно, его школа раньше не была включена въ списокъ, это обусловливалось тѣмъ, что вслѣдствіе военной реформы и значительнаго увеличенія контингента въ 1913 году понадобилось располагать болѣе обширными помѣщеніями, и нужно было сдѣлать новую общую ихъ перепись.

Другой корреспондентъ «Kölnische Zeitung» открылъ (№ 1046, 20 сентября), что въ теченіе іюня мѣсяца въ Антверпенѣ по приказанію властей было произведено обслѣдованіе относительно того, какія помѣщенія могуть быть употреблены подъ канцеляріи министерствъ въ случаѣ, если туда придется перенести правительственныя учрежденія. Это совершенно вѣрно: эта работа, именуемая «гражданской мобилизаціей», подготовлялась исподволь, и результаты ея хранились въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ видѣ очень полнаго досье, на основаніи котораго мало-по-малу принимались практическія мѣры.

Читателямъ этой большой прирейнской газеты будетъ также интересно узнать, что задолго до австро-сербскаго конфликта, по приказанію бельгійскаго генеральнаго штаба, было сдѣлано изслѣдованіе относительно того, какимъ образомъ можно было бы снабжать Антверпенъ съѣстными припасами въ случаѣ, если бы во время войны онъ сталъ мѣстопребываніемъ правительства.

Сколько еще другихъ обслѣдованій было произведено уже давно, чтобы въ мирное время подготовить антверпенскій укрѣпленный лагерь къ выполненію роли, отведенной ему въ планѣ защиты страны. Всѣ эти работы не имѣли никакого отношенія къ войнѣ, разразившейся въ теченіе этого года; они просто являются

мѣрами предосторожности, которыя должно принимать всякое правительство, желающее предохранить національную территорію отъ неожиданностей, связанныхъ съ конфликтомъ, и, кромѣ того, служатъ новымъ доказательствомъ несправедливости взводимаго теперь на Бельгію обвиненія въ томъ, что она не достаточно приготовилась къ защитѣ своего нейтралитета.

Просто невѣроятно, чтобы можно было подобныя мѣры ставить въ вину странѣ, которая въ концѣ-концовъ не состоитъ подъ опекой и въ правѣ распоряжаться у себя по своему усмотрѣнію.

Угодничество передъ Франціей.

Въ прокламаціи, съ которой главнокомандующій маасской германской арміи, генералъ фонъ Эммихъ, обратился къ бельгійцамъ 4 августа, когда его войска переходили черезъ границу, заключается совершенно новое оправданіе нарушенія неприкосновенности бельгійской территоріи. Читатели помнятъ, что «совершенно конфиденціальная нота» 2 августа ссылалась на концентрацію по направленію къ Живе французскихъ войскъ, движеніе которыхъ впередъ Германія должна была предупредить. Они не забыли, съ другой стороны, и категорическаго объясненія, даннаго статсъ-секретаремъ въ Берлинѣ: такъ какъ Германіи одновременно угрожали и Франція, и Россія, она, чтобы выиграть время, должна была выбирать самый удобный путь, и путь этотъ шелъ черезъ Бельгію.

А прокламація говоритъ другое:

«Къ моему величайшему сожалѣнію, германскія войска должны были перейти черезъ границу. Они дѣлаютъ это подъ давленіемъ крайней необходимости, потому что бельгійскій нейтралитетъ былъ нарушенъ французскими офицерами, которые, переодѣтые, проникли на автомобилѣ на бельгійскую территорію, чтобы проѣхать въ Германію».

9 августа генералъ фонъ Бюловъ, командующій второй германской арміей, далъ варіантъ этого заявленія (я привожу подлинный текстъ):

«Мы должны были вступить на бельгійскую территорію въ интересахъ національной обороны.

«Мы сражаемся съ бельгійской арміей единственно для того, чтобы добиться прохода во Францію, въ которомъ ваше правительство совершенно несправедливо намъ отказало, хотя оно

и допускало военныя развѣдки французовъ, что было утаено отъ васъ вашими газетами».

Здѣсь нѣтъ никакихъ точныхъ указаній—одни лишь утвержденія.

Такъ же голословны и утвержденія въ офиціальномъ сообщеніи генералъ-квартирмейстера фонъ Штейна отъ 18 августа (см. напримѣръ, «Leipziger Neueste Nachrichten», Sonder-Ausgabe):

«Намъ сообщили, что до войны французскіе офицеры, а, можетъ быть, и нѣкоторыя войсковыя части, были посланы въ Льежъ, чтобы обучать бельгійскую армію крѣпостной службѣ. До открытія военныхъ дѣйствій противъ этого ничего нельзя было возразить, но лишь только война началась, это уже являлось нарушеніемъ бельгійскаго нейтралитета со стороны Франціи. Поэтому мы должны были дѣйствовать быстро».

Легкомысленность этого обвиненія очевидна для всякаго: въ Бельгіи такъ давно есть укрѣпленія, построенныя согласно требованіямъ современной техники, и военные инженеры, извѣстные по всей Европѣ, что ей не зачѣмъ было прибѣгать къ иностраннымъ инструкторамъ. Но пока это лишь утвержденія, не подлежащія никакой провѣркѣ.

И только позднѣе, когда бельгійская территорія была почти совершенно захвачена нѣмцами, «Kölnische Zeitung» отъ 26 августа (№ 959) выступаетъ съ опредѣленными обвиненіями. Я привожу ихъ дословно:

„Нейтралитетъ Бельгіи".

«Мы получили слѣдующее письмо отъ одной кёльнской фирмы. «Нашъ представитель въ Шарлеруа (Бельгія), выѣхавшій безъ помѣхъ черезъ голландскую границу въ первую недѣлю мобилизаціи обращаетъ наше вниманіе, между прочимъ, на слѣдующій фактъ: «Я могу сообщить вамъ одинъ фактъ, показывающій, какъ странно бельгійцы вообще понимаютъ свой нейтралитетъ; ихъ формула гласитъ: «Наши симпатіи влекутъ насъ къ Франціи»—это выраженіе я много разъ слышалъ въ концѣ іюля отъ товарищей по дѣламъ. Въ воскресенье вечеромъ, 2 числа этого мѣсяца, около 8 или 9 часовъ, послѣ того, какъ въ Бельгіи уже нѣсколько дней была объявлена мобилизація, я встрѣтилъ около вокзала въ Шарлеруа г. Д., представителя фирмы А. Ш., и онъ разсказалъ мнѣ по секрету, что только что видѣлъ на вокзалѣ пріѣхавшій

изъ Намюра военный автомобиль съ пятью или шестью французскими офицерами въ формѣ; у нихъ были очень разстроенныя лица и они сѣли въ девятичасовой поѣздъ, отправлявшійся во Францію. На мое замѣчаніе, что этихъ офицеровъ должны были бы арестовать, такъ какъ въ Бельгіи объявлена мобилизація, мнѣ не могли отвѣтить ничего опредѣленнаго, но признались въ нѣсколько неясныхъ выраженіяхъ, что если бы эти офицеры были нѣмецкіе, съ ними живо бы расправились».

«Мы обращаемъ ваше особое вниманіе на то, что тотъ, о комъ идетъ рѣчь, человѣкъ очень добросовѣстный, и мы можемъ поручиться за правдивость его словъ. Мы не привели именъ полностью; если вы желаете, они къ вашимъ услугамъ».

Это—свѣдѣніе изъ вторыхъ рукъ, но «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» напечатала семь показаній, данныхъ свидѣтелями передъ нѣмецкими судьями и воспроизведенныхъ въ ноябрьскомъ номерѣ «Военнаго Журнала» (стр. 16—17). Эти семь показаній сходятся въ одномъ: въ Бельгіи до войны—и даже начиная съ 1911 года—находились французскіе офицеры и солдаты, но расходятся относительно мѣста и обстоятельствъ ихъ нахожденія и указываютъ то Шарлеруа, то Еркелинъ, то дорогу въ Угрэ, то Брюссель, то Кіеврэнъ. Я не хочу утверждать, что свидѣтели, показанія которыхъ здѣсь приводятъ, сознательно говорили неправду: на основаніи различныхъ извѣстныхъ мнѣ фактовъ я думаю скорѣе, что они были жертвой недоразумѣнія; такъ, въ Гентѣ, въ первыхъ числахъ августа одному бельгійскому адвокату показалось, что онъ видѣлъ французскихъ офицеровъ на автомобилѣ: это были офицеры полка «Мари-Анріетъ», брюссельской конной гражданской милиціи. Другой гентскій житель, котораго я знаю лично, принялъ двухъ бельгійскихъ офицеровъ-саперовъ за французскихъ офицеровъ: дѣйствительно, публикѣ мало знакома форма частей, находящихся въ мѣстахъ спеціальной службы. Въ Брюсселѣ 3 августа, т.-е. послѣ полученія ноты Германіи, толпа устроила на Анспахскомъ бульварѣ тріумфальное шествіе французскому солдату, находившемуся въ отпуску и призванному вслѣдствіе мобилизаціи; онъ, надо замѣтить, былъ безъ оружія. Также въ Брюсселѣ французскій военный атташе продолжалъ расхаживать въ формѣ. Наконецъ, бельгійскіе солдаты полковъ гидовъ носятъ красныя панталоны и извѣстны лишь брюссельскому населенію. Возможны были и многія другія ошибки.

Болѣе серьезный видъ имѣетъ официальное сообщеніе, «Amtli-

che Mitteilung», которое 3 августа было передано изъ Берлина нѣмецкой печати. (См., напримѣръ, «Kölnische Zeitung», № 882, 4 августа.) Въ немъ заключалась слѣдующая фраза, въ которой дѣлается попытка дать еще новое оправданіе нарушенію Германіей неприкосновенности бельгійской территоріи:

«Со вчерашняго (воскресенье 2 августа) вечера бросавшіе бомбы французскіе аэропланы нарушили бельгійскій нейтралитетъ и летали надъ Бельгіей, чтобы пробраться въ прирейнскія провинціи и разрушить наши желѣзнодорожные пути».

Это сообщеніе обошло всю прессу, такъ что теперь въ брошюрѣ «Die Wahrheit über den Krieg» (Правда о войнѣ), изданной группой очень видныхъ лицъ, можно прочесть (2 изданіе, стр. 28), что массы французскихъ аэроплановъ летали надъ Бельгіей.

Хотя приводимое ниже обвиненіе «Kölnische Zeitung» и не получило офиціальной санкціи (№ 901, 10 августа), его тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отмѣтить:

«Намъ сообщилъ одинъ очевидецъ, что, до предъявленія ультиматума, французскій аэропланъ спустился въ Антверпенѣ и не былъ захваченъ бельгійцами».

Фактъ, о которомъ говорится въ этомъ сообщеніи, настолько важенъ, что слѣдовало бы привести относительно него точныя и опредѣленныя подробности съ обозначеніемъ мѣстности, часа, свидѣтелей и обстоятельствъ, при которыхъ было обнаружено присутствіе авіаторовъ, доказательства ихъ французской національности и т. д. Впрочемъ, этотъ, столь туманный текстъ полезно сопоставить со страннымъ заявленіемъ, сдѣланнымъ германскимъ посланникомъ въ Брюсселѣ въ ночь со 2 на 3 августа генеральному секретарю департамента иностранныхъ дѣлъ.

Правительство Французской республики въ сдѣланной имъ 4 августа въ палатѣ депутатовъ офиціальной деклараціи категорически опровергло германское сообщеніе: «никогда ни одинъ французскій авіаторъ не проникалъ въ Бельгію». (Декларація, прочитанная предсѣдателемъ совѣта министровъ.) Достовѣрность этого подтверждается тѣмъ, что, когда французскій посланникъ въ Брюсселѣ, уже получившій увѣдомленіе о нарушеніи бельгійской границы германскими войсками, пришелъ 4 августа въ министерство иностранныхъ дѣлъ просить для французскихъ военныхъ авіаторовъ разрѣшенія пролетѣть надъ Бельгіей, ему былъ данъ слѣдующій отвѣтъ: «Въ настоящую минуту это раз-

рѣшеніе не можетъ быть дано. Въ совѣтѣ министровъ происходитъ совѣщаніе относительно того, слѣдуетъ ли обратиться къ державамъ поручительницамъ». Въ это время, однако, нарушеніе границы было уже свершившимся фактомъ.

А вотъ и еще серія обвиненій.

Они направлены къ тому (что совершенно не относится къ дѣлу), чтобы найти оправданіе поступку Германіи въ фактахъ, которые яко бы произошли до открытія военныхъ дѣйствій, но не были извѣстны германскимъ властямъ въ тотъ моментъ, когда была предъявлена «совершенно конфиденціальная нота» 2 августа. Эти факты совершенно не относятся къ дѣлу, и я останавливаюсь здѣсь на нихъ лишь для того, чтобы показать, какія старанія органы—выразители германскаго общественнаго мнѣнія прилагали къ тому, чтобы доказать законность нарушенія бельгійскаго нейтралитета. Къ тому же есть одна дата, которая показываетъ неосновательность всѣхъ этихъ оправданій: имперскій канцлеръ 29 іюля первый въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ въ Берлинѣ заявилъ, что во время конфликта съ Франціей Германія оставитъ Бельгіи ея территоріальную неприкосновенность лишь въ томъ случаѣ, если эта послѣдняя безъ сопротивленія пропуститъ германскія войска черезъ свои предѣлы. Тогда не было разговора о репрессаліяхъ по отношенію къ Бельгіи, какъ не упоминалось о нихъ и въ категорическихъ объясненіяхъ, данныхъ въ Берлинѣ статсъ-секретаремъ бельгійскому посланнику въ тотъ день, когда были прерваны дипломатическія отношенія.

«Berliner Tageblatt», изъ котораго «Kölnische Zeitung» (№ 793, 8 сентября) сдѣлала перепечатку, утверждаетъ, будто въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ есть доказательство того, что планы французской мобилизаціи предусматривали соглашеніе между Франціей и Бельгіей, въ силу котораго эта послѣдняя разрѣшала свободное прохожденіе французскихъ войскъ для того, чтобы они могли проникнуть въ сердце Германіи.

И въ доказательство этого голословнаго утвержденія берлинская газета приводитъ слѣдующія сплетни:

„Франція и бельгійскій нейтралитетъ“.

«Нѣмецъ, живущій въ Парижѣ пятнадцать лѣтъ и очень хорошо знакомый съ формой всѣхъ французскихъ военныхъ частей, ру-

чался мнѣ за достовѣрность слѣдующаго факта, который онъ готовъ подтвердить, когда угодно: утромъ 3 августа, т.-е. за день до истеченія срока, даннаго Бельгіи германскимъ ультиматумомъ, его знакомые разсказывали ему, что видѣли рано утромъ французскія войска около Южнаго вокзала въ Брюсселѣ. Такъ какъ это показалось невѣроятнымъ автору приводимаго разсказа, ручавшемуся мнѣ за его достовѣрность, онъ въ три часа пополудни самъ отправился на указанное мѣсто и дѣйствительно увидалъ два французскихъ пѣхотныхъ полка, расположившихся лагеремъ на площади.

«То же самое было констатировано въ тотъ же день въ другой части Бельгіи молодой гувернанткой нѣмкой, жившей въ бельгійской семьѣ въ имѣніи, находящемся на линіи желѣзной дороги между Буйономъ и Пализёлемъ, слѣдовательно, близъ французской границы, въ окрестностяхъ Седана. Эта молодая гувернантка, такъ же, какъ и сопровождавшая ее съ дѣтьми бонна нѣмка, видѣли въ то же утро, 3 августа, около 9 часовъ, французскаго кавалериста, разспрашивавшаго жителей относительно ближайшей деревни. Черезъ 2 часа пришедшая изъ деревни въ имѣніе молодая молочница уже сообщила, что деревня занята французскими войсками. Я могу, когда угодно, указать, съ согласія этихъ свидѣтелей, ихъ имя и адресъ. Эти два показанія ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что со стороны Бельгіи нейтралитетъ былъ нарушенъ даже до истеченія срока, назначеннаго нашимъ ультиматумомъ.

«Такъ накопляются доказательства незаконныхъ дѣйствій, совершонныхъ Бельгіей и ея сообщниками».

Черезъ два дня «Kölnische Volkszeitung» дѣлаетъ новую вылазку (№ 799, 10 сентября):

„Бельгійскій нейтралитетъ“.

«Мы получили слѣдующее письмо:

«У меня теперь часто бывали случаи разспрашивать бѣженцевъ о ихъ судьбѣ и о положеніи въ бельгійскихъ городахъ. При этомъ одна дама лучшаго общества разсказала мнѣ между прочимъ, что уже 2 августа, послѣ полудня, въ Брюсселѣ было много французскихъ офицеровъ. На мое возраженіе, что она могла ошибиться и принять бельгійскихъ офицеровъ за французскихъ, эта дама рѣшительно заявила, что это совершенно

невозможно: какъ вслѣдствіе своего многолѣтняго пребыванія въ Бельгіи и въ особенности въ Брюсселѣ, такъ и вслѣдствіе своего общественнаго положенія она была достаточно хорошо освѣдомлена въ этомъ отношеніи, чтобы не смѣшать ихъ. Кромѣ того, присутствіе офицеровъ произвело сенсацію въ населеніи, и это исключало всякую возможность ошибки съ ея стороны. Къ несчастью, за множествомъ дѣлъ я забылъ имя этой дамы; если теперь эти строки дойдутъ до ея свѣдѣнія, она окажетъ большую услугу родинѣ, передавъ лично, кому слѣдуетъ, вышеупомянутые факты».

Читатели, внимательно прослѣдившіе факты, послѣдовательная смѣна которыхъ лишь 4 августа закончилась обращеніемъ къ державамъ-поручительницамъ съ просьбой о вмѣшательствѣ, уже оцѣнили по достоинству обвиненія, придуманныя корреспондентами двухъ нѣмецкихъ газетъ. Они помнятъ, напримѣръ, отрицательный отвѣтъ Бельгіи на предложеніе помощи военной силой, сдѣланное Франціей 3 августа, что было, кстати сказать, не наканунѣ, какъ говоритъ корреспондентъ, а въ самый день истеченія срока, назначеннаго германскимъ ультиматумомъ. Въ этотъ день германскій посланникъ и германскій военный атташе были еще въ Брюсселѣ; мнѣ нѣтъ надобности взывать къ ихъ честности для того, чтобы они засвидѣтельствовали полную невѣрность всякаго утвержденія относительно присутствія французскихъ офицеровъ и солдатъ на Южномъ ли вокзалѣ или въ другомъ мѣстѣ.

«Kölnische Zeitung» не сообщаетъ своимъ читателямъ приведенныхъ фактовъ, и 12 сентября она еще ограничивается категорическимъ утвержденіемъ, что Бельгія съ давнихъ уже поръ открыла свои крѣпости французскимъ солдатамъ и свои границы генеральному штабу республики (№ 1019).

Мнѣ нѣсколько неловко воспроизводить такой ребяческій документъ, какъ нижеслѣдующій («Kölnische Zeitung», № 972, 30 августа):

„Интересное сообщеніе“.

«Намъ пишутъ:

«Передъ тѣмъ, какъ разразилась война, я въ теченіе трехъ съ половиной мѣсяцевъ находился въ Бельгіи въ качествѣ практиканта въ конторѣ одного бочарнаго завода въ Турнэ, городѣ, лежащемъ около французской границы, недалеко отъ Лилля.

Около середины іюня учитель фехтованія гарнизона этого города (около трехъ тысячъ солдатъ) пришелъ на заводъ и выразилъ желаніе поговорить наединѣ съ нашимъ шефомъ. Потомъ этотъ послѣдній, смѣясь, разсказывалъ въ конторѣ, что этотъ учитель фехтованія спрашивалъ его, согласился ли бы онъ отточить сабли гарнизона на своей машинѣ для точенія пилъ, можно ли было бы это сдѣлать скоро, сколько штукъ можно было бы отточить въ день и по какой цѣнѣ. Шефъ отказалъ. Въ конторѣ думали также, что это могло быть предзнаменованіемъ неизбѣжности войны; вообще съ этой минуты часто говорили о возможности войны».

«Еще одно доказательство того, что война стала неизбѣжной не вслѣдствіе «остервенѣнія нѣмцевъ», а исподволь подготовлялась нашими врагами».

Какъ авторитетный органъ могъ повторять подобный вздоръ— это прямо ставитъ втупикъ. Я не хочу удлинять перечень этихъ поразительныхъ сообщеній, повторяя помѣщенный въ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» отъ 17 ноября разсказъ о засѣданіи муниципальнаго совѣта въ Онэнѣ, близъ Валансьена.

Пусть будетъ разъ навсегда установлено для добросовѣстныхъ людей, что до вечера 4 августа бельгійскія власти ни прямо, ни косвенно, ни словомъ, ни дѣломъ и не думали допускать французскихъ офицеровъ или солдатъ на бельгійскую территорію. Лишь 5 августа директоръ кабинета военнаго министра попросилъ французскаго военнаго атташе немедленно подготовить совмѣстное выступленіе и контактъ между французскими и бельгійскими войсками, и только тогда военнымъ губернаторамъ провинцій былъ отданъ приказъ не смотрѣть на движенія французскихъ военныхъ силъ на бельгійской территоріи, какъ на акты, нарушающіе нейтралитетъ. («Синяя книга», англійское изданіе, стр. 98.)

Но утверждаютъ, что задолго до настоящей войны Бельгія вошла съ Франціей въ соглашеніе, имѣющее въ виду военныя операціи противъ Германіи («sich schon seit Jahren zum Nachteil Deutschlands mit Frankreich ins Einvernehmen gesetzt hatte», «Kölnische Zeitung», № 1260, 19 ноября); доказательство этого видятъ, напримѣръ, въ одной фразѣ, произнесенной бельгійскимъ военнымъ министромъ де-Броквилемъ во время секретнаго засѣданія парламента, о которомъ я говорилъ выше. Указавъ на угрожавшую Бельгіи опасность, министръ сказалъ:

«Поэтому-то мы и должны опасаться Германіи... Я не боюсь нарушенія бельгійскаго нейтралитета со стороны Франціи; но эта послѣдняя должна принять мѣры, чтобы предупредить возможность прохожденія нѣмцевъ черезъ Бельгію».

Вотъ, восклицаетъ «Kölnische Zeitung», еще одно звено въ цѣпи указаній; но нѣмецкая газета не считаетъ нужнымъ отмѣтить фразу, которая непосредственно слѣдовала за предыдущей и которая окончательно опредѣляетъ мысль министра:

«Мы должны считаться со всѣми возможностями и приготовиться къ своевременному отпору на обѣ стороны».

Однако, обвиненіямъ, направленнымъ къ тому, чтобы показать, что между Бельгіей и Франціей существовалъ военный договоръ до настоящей войны, можно противопоставить одинъ характерный фактъ. Почему германская пресса никогда не обнародовала, что въ Бельгіи всѣ запасы пушекъ и артиллерійскихъ снарядовъ, такъ же какъ и большая часть боевого матеріала, нѣмецкаго происхожденія? Самое большее, если фирма Круппа разрѣшала нѣсколькимъ бельгійскимъ фабрикамъ участвовать въ производствѣ извѣстныхъ снарядовъ и извѣстныхъ орудій. Въ тотъ моментъ, когда разразилась война, не была выполнена значительная часть слѣдующихъ заказовъ, сдѣланныхъ фирмѣ Круппа при участіи бельгійскихъ фирмъ:

30.000 7,5 сантиметровыхъ универсальныхъ снарядовъ;

18.000 ударныхъ трубокъ съ детонаторомъ;

70.000 ударныхъ трубокъ двойного дѣйствія;

4 скрывающихся 28-мисантиметровыхъ орудія;

4 28-мисантиметровыхъ орудія, назначенныхъ для амбразуры.

Кромѣ того разные заказы были даны другимъ нѣмецкимъ фирмамъ—Вернеру, Сименсу и Гальске, Сименсу и Шукерту, Эрардту и т. д....

Если бы Бельгія думала о военномъ выступленіи совмѣстно съ Франціей, развѣ она не передала бы свои заказы французскимъ фабрикамъ? Болѣе того: во время самой войны бельгійская армія очутилась изъ-за этого въ очень критическомъ положеніи: такъ какъ она не получила изъ Германіи всего того, что ожидала, и, съ другой стороны, должна была перенести во Францію свою операціонную базу со всѣми своими средствами производства, ей пришлось имѣть дѣло съ орудіями и снарядами совершенно иного типа, чѣмъ ея собственные; и лишь послѣ большой работы, произведенной бельгійскими и французскими инженерами, уда-

лось разрѣшить сложную задачу, состоявшую въ томъ, чтобы снабжать снарядами нѣсколько измѣненнаго французскаго типа бельгійскую армію, вооруженную нѣмецкими орудіями.

Подобное же затрудненіе представилось и при снабженіи ружьями: въ виду того, что Бельгія была захвачена войной въ періодъ полной военной реорганизаціи, у нея въ моментъ открытія военныхъ дѣйствій не было достаточнаго количества ружей. Этотъ недостатокъ заставилъ ее, послѣ того, какъ война уже началась, попросить у Франціи 10.000 лебелевскихъ ружей съ тысячью патроновъ на ружье. Эти ружья были распредѣлены между солдатами антверпенскаго укрѣпленнаго лагеря. Этимъ обстоятельствомъ очень просто объясняется одинъ фактъ, который былъ поставленъ въ вину Бельгіи газетою «Tägliche Rundschau» отъ 15 октября: нѣмцы нашли французское ружье въ рукахъ бельгійскаго солдата; кромѣ того, утверждали, что находившіеся у солдата «бельгійскіе патроны» соотвѣтствовали калибру «французскаго ружья», и изъ всего этого заключали, что между Бельгіей и Франціей еще до войны существовало соглашеніе. Бельгійское правительство въ ноябрѣ категорически опровергло это въ сообщеніи, сдѣланномъ его посланникомъ въ Гаагѣ: всѣ патроны, которыми бельгійскія войска были снабжены при началѣ войны, были бельгійскаго производства, и ни одинъ изъ нихъ не соотвѣтствовалъ калибру французскаго лебелевскаго ружья, къ которому они совершенно не подходятъ.

Быть можетъ, не безполезно напомнить здѣсь одинъ фактъ: два года тому назадъ темой для маневровъ гентской гражданской милиціи было предполагаемое наступленіе на городъ французской арміи, форсировавшей бельгійскую границу. И многіе другіе планы операцій, разсмотрѣнные генеральными штабами арміи и гражданской милиціи, исходили изъ подобной возможности.

Съ того дня, когда разразился франко-германскій конфликтъ, бельгійскія власти приняли, впрочемъ, рядъ мѣръ, показывающихъ полную независимость Бельгіи, какъ по отношенію къ Франціи, такъ и по отношенію къ Германіи.

Въ воскресенье 2 августа, прежде чѣмъ стала извѣстна «совершенно конфиденціальная нота», правительство конфисковало брюссельскую газету «Le Petit Bleu», напечатавшую статью подъ заглавіемъ: «Да здравствуетъ Франція! Долой германское варварство!» Впрочемъ, даже брюссельскій корреспондентъ «Köl-

nische Zeitung» сообщилъ своей газетѣ объ этомъ фактѣ (№ 879).

Въ тотъ же самый день, послѣ полудня, нѣсколько человѣкъ ходило по улицамъ столицы, потрясая французскимъ флагомъ и распѣвая «Марсельезу»; они тотчасъ же были разсѣяны полиціей.

Кромѣ того, уже 1 августа, наканунѣ интересующихъ насъ событій, послѣ собранія генеральныхъ секретарей различныхъ министерскихъ департаментовъ, губернаторамъ провинцій былъ сообщенъ по телеграфу слѣдующій циркуляръ:

«Среди готовящихся событій Бельгія рѣшила защищать свой нейтралитетъ; онъ долженъ быть уважаемъ, но нація обязана принять для этой цѣли всѣ мѣры которыхъ требуетъ положеніе. Поэтому нужно, чтобы населеніе присоединило свои усилія къ усиліямъ правительства, избѣгая манифестацій, которыя могли бы создать для страны затрудненія по отношенію къ тому или другому изъ сосѣднихъ государствъ; въ виду этого надлежитъ, чтобы бургомистры немедленно издали постановленія, запрещающія всякія сборища, которыя могли бы имѣть цѣлью проявленіе симпатій или антипатій по отношенію къ той или другой странѣ. Нужно также, чтобы путемъ примѣненія 97 статьи коммунальнаго закона коллегія бургомистровъ и эшевеновъ запретила всякія кинематографическія представленія сценъ изъ военной жизни, могущихъ возбудить страсти и вызвать опасныя для общественнаго порядка народныя волненія. Вы будете добры, г. губернаторъ, немедленно принять мѣры для безотлагательнаго исполненія этихъ инструкцій».

Бельгія и Франція были связаны, оказывается, не только въ военномъ отношеніи: «Kölnische Zeitung» отъ 23 октября обнаруживаетъ *соглашеніе экономическое:*

«Съ весны 1913 года французскіе агенты вывозили изъ Бельгіи всѣ металлическія деньги; они предлагали въ обмѣнъ, на очень выгодныхъ условіяхъ, кредитные билеты. Вслѣдствіе этихъ маневровъ бельгійское правительство оказалось въ необходимости выпустить кредитные билеты пятифранковаго достоинства—видѣли одинъ экземпляръ билета, датированный 1 іюля 1914 года.

«Значитъ, бельгійское правительство ничего не сдѣлало для того, чтобы помѣшать вывозу серебряныхъ денегъ, и облегчило такимъ образомъ съ финансовой стороны военныя приготовленія Франціи».

Это сообщеніе основано на сопоставленіи ряда истинъ—и тѣмъ не менѣе оно ложно.

Вѣрно, что въ періодъ, предшествовавшій войнѣ, вывозъ пятифранковыхъ монетъ изъ Бельгіи во Францію производился въ широкихъ размѣрахъ.

Вѣрно также, что вывезенныя такимъ образомъ монеты были замѣнены въ денежномъ обращеніи кредитными билетами.

Вѣрно, наконецъ, что первые пятифранковые кредитные билеты, выпущенные Національнымъ банкомъ съ разрѣшенія бельгійскаго правительства, были датированы 1 іюля 1914 года.

Но...

Если пятифранковыя монеты эмигрируютъ изъ Бельгіи во Францію, то происходитъ это просто вслѣдствіе разницы курса въ этихъ двухъ странахъ. Этотъ любопытный видъ торговли хорошо извѣстенъ всѣмъ, кто въ курсѣ финансовыхъ и денежныхъ вопросовъ, и существуетъ уже давно, какъ онъ, надо замѣтить, существовалъ въ Швейцаріи около 1900 года. Торговля эта вполнѣ естественно усиливается, когда курсъ поднимается въ ущербъ Бельгіи. Для возвращенія серебряныхъ монетъ на родину Національному банку приходится тратить суммы, доходящія до нѣсколькихъ милліоновъ въ годъ; поэтому постоянной политикой правительства было ставить всевозможныя препятствія торговлѣ пятифранковыми монетами. И если періодъ, предшествовавшій войнѣ, чѣмъ-нибудь и отличался отъ другихъ, то именно чрезвычайнымъ усиленіемъ запретительныхъ мѣръ: на основаніи постановленія 1822 года королевскимъ указомъ отъ 27 февраля 1914 года былъ запрещенъ вывозъ серебряной монеты инымъ путемъ, какъ по желѣзной дорогѣ; при вывозѣ взимался провѣрочный налогъ въ 5%, который поглощалъ прибыль отъ торговли; придумывали множество мелкихъ придирокъ, которыми надѣялись наскучить торговцамъ; это состязаніе въ изобрѣтательности между государствомъ и торговцами монетой занимало всю прессу и не могло ускользнуть отъ вниманія брюссельскихъ корреспондентовъ большихъ нѣмецкихъ газетъ.

Вотъ первый фактъ, возстановленный въ его настоящемъ видѣ. Перейдемъ ко второму.

Пятифранковыя монеты обмѣнивались отнюдь не на кредитные билеты той же цѣнности, такъ какъ послѣднихъ въ обращеніи не было, а на бельгійскіе кредитные билеты любой цѣнности, въ 20 франковъ и болѣе, которые торговцы-бельгійцы представляли

въ кассы Національнаго банка, чтобы получить предметъ своего вожделѣнія—звонкую монету.

Что касается третьяго факта, то ни для кого не было тайной, что директора Національнаго банка уже много лѣтъ изучали послѣдствія, которыя европейская война можетъ имѣть для бельгійскаго денежнаго обращенія. Съ 1870 года произошелъ важный фактъ: была упразднена свободная чеканка монеты и заключена латинская конвенція. Это положеніе требовало новыхъ мѣръ предосторожности, о которыхъ не нужно было думать въ 1870—71 годахъ. Во время мароккскаго кризиса 1906 года было приступлено къ изученію вопроса о выпускѣ пятифранковыхъ билетовъ, но правительственнаго разрѣшенія еще не было дано. Въ общественномъ мнѣніи по этому вопросу проявлялось два теченія, не связанныхъ со спеціальными соображеніями, тревожившими директоровъ Національнаго банка: съ одной стороны, именно вслѣдствіе постояннаго уменьшенія количества звонкой монеты, а также и неудобства этой послѣдней, публика желала, чтобы въ обращеніи появились пятифранковые билеты. Съ другой стороны, спеціалисты по финансовымъ и денежнымъ вопросамъ оказывали этому желанію противодѣйствіе, основанное на неоспоримо серьезныхъ соображеніяхъ. Подъ давленіемъ этихъ различныхъ тенденцій было рѣшено въ концѣ перваго семестра 1914 года подготовить выпускъ пятифранковыхъ билетовъ. Первымъ королевскимъ указомъ было разрѣшено отпечатать билеты съ оговоркой, что будетъ нуженъ новый указъ, когда банкъ найдетъ необходимымъ пустить билеты въ обращеніе. Событія 2 и 3 августа сдѣлали необходимымъ неожиданно-быстрое рѣшеніе, и новый указъ съ разрѣшеніемъ выпуска билетовъ въ обращеніе былъ изданъ тотчасъ же. Отпечатанные билеты не были датированы, такъ какъ первый указъ носилъ условный характеръ; постановили датировать билеты 1 іюля, приблизительно принимая въ соображеніе средній срокъ, нужный для отпечатанія билетовъ. Совершенно то же произошло въ Швейцаріи, гдѣ пятифранковые билеты, датированные 1 августа 1913 года, были выпущены въ обращеніе въ началѣ войны.

Слѣдовательно, между фактами, указанными нѣмецкой газетой, существуетъ совсѣмъ не то взаимное отношеніе, какое она изображаетъ, и въ дѣйствительности въ нихъ нельзя найти ни малѣйшаго повода къ критикѣ или заподозрѣванію бельгійскаго правительства.

Къ тому же тѣмъ, кто знакомъ съ экономической исторіей послѣднихъ лѣтъ, будетъ совсѣмъ нетрудно установить, что какъ разъ въ то время, когда, по словамъ обвинителей Бельгіи, она дѣйствовала заодно съ Франціей, бельгійцы, напротивъ, были недовольны своими сосѣдями за принятыя ими нѣкоторыя неблагопріятныя для Бельгіи мѣры. Дѣйствительно, 29 марта 1910 года французское правительство издало законъ, измѣнявшій таможенный тарифъ и значительно увеличивавшій ввозныя пошлины на многіе мануфактурные товары. Эти покровительственныя мѣры наносили прямой ущербъ многимъ бельгійскимъ производствамъ; поэтому онѣ сильно подѣйствовали на общественное мнѣніе страны и вызвали большое неудовольствіе. Пресса занялась этимъ вопросомъ, и началась кампанія, имѣвшая цѣлью заставить правительство принять репрессивныя мѣры: подавали, напримѣръ, мысль ввести высокія пошлины на французскія вина, книги и газеты, находившія въ Бельгіи большой сбытъ. Утверждали даже, что соотвѣтственный законопроектъ разрабатывался и скоро долженъ былъ быть представленъ въ парламентъ. Хотя этотъ проектъ и не появился на свѣтъ, тѣмъ не менѣе волненіе въ промышленныхъ кругахъ продолжалось еще нѣкоторое время и улеглось лишь постепенно.

Но, по правдѣ сказать, стоитъ ли стараться опровергать всѣ эти утвержденія, къ которымъ не знаешь, съ какого конца приступиться?

Угодничество передъ Англіей.

Въ полемикѣ, которую ведетъ германская пресса, она постоянно отдѣляетъ бельгійскую націю отъ ея правительства. Правительство будто бы уступило внушеніямъ Англіи и обмануло общественное мнѣніе, чтобы стать сообщникомъ «зачинщицы коалиціи».

21 августа генералъ-квартирмейстеръ фонъ-Штейнъ въ оффиціальномъ сообщеніи говорилъ, что, предложивъ Бельгіи послѣ льежской битвы вступить съ ней въ соглашеніе, Германія сдѣлала этимъ новую попытку «вывести изъ заблужденія бельгійское общественное мнѣніе». Въ тотъ же день берлинскій «Lokal Anzeiger» говорилъ:

«Бельгійское правительство теперь наказано за свое упрямство; оно послушалось приказаній Англіи и дружескому соглашенію

съ Германіей предпочло ужасное кровопролитіе между тѣмъ, какъ Англія тщательно держалась въ сторонѣ. Бельгія получила по заслугамъ,—Джонъ Буль скоро получитъ».

Въ томъ же тонѣ высказывался въ числѣ другихъ и профессоръ Гарнакъ въ письмѣ, воспроизведенномъ газетой «Süddeutsche Nachrichtenstelle für die Neutralen», и вѣнскій профессоръ А. Лёффлеръ въ нѣсколькихъ своихъ статьяхъ (см. напримѣръ, «Neue Freie Presse» отъ 19 октября, «Volksrecht» отъ 17 ноября, «Neues Wiener Tageblatt» отъ 29 ноября), а также и «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» (№ 250, 13 октября), и, 20 октября, корреспондентъ «Berliner Tageblatt», который, описавъ печальное положеніе жителей одного опустошеннаго войной района, прибавляетъ: «Бѣдные люди, для которыхъ родина была мачехой!»

Не трудно было бы просто противопоставить такому изображенію вещей полное единодушіе, проявленное обществомъ въ дѣлѣ національной обороны. У насъ самихъ никто раньше не повѣрилъ бы въ возможность такого непосредственнаго и, прибавимъ черезъ пять мѣсяцевъ послѣ начала войны, такого продолжительнаго единенія всѣхъ направленій общественнаго мнѣнія. Не было ничего вынужденнаго или искусственнаго въ этомъ охватившемъ всѣхъ проявленіи народнаго чувства: движеніе зародилось въ самомъ сердцѣ націи.

Но разберемъ этотъ упрекъ подробнѣе.

Англію считаютъ отвѣтственной за сопротивленіе Бельгіи, и въ особенности за твердость позиціи, занятой королемъ Альбертомъ. Желая придать этому обвиненію болѣе опредѣленный характеръ, называли даже посредника между англійскимъ правительствомъ и королемъ: лордъ Кэрзонъ. Но лордъ Кэрзонъ обратился къ королю Альберту лишь послѣ того, какъ цеппелинъ бросалъ бомбы на городъ Антверпенъ, въ окрестностяхъ королевскаго дворца: онъ написалъ тогда королю письмо, гдѣ предлагалъ королевской семьѣ одну изъ своихъ резиденцій, приложивъ ея видъ и описаніе, помѣщенное въ одномъ англійскомъ журналѣ. И только это любезное предложеніе лорда Кэрзона, о которомъ говорилось въ бельгійской прессѣ, подало поводъ нѣкоторымъ нѣмецкимъ газетамъ приписывать лорду Кэрзону политическую роль.

Всѣ эти гипотезы не выдерживаютъ безпристрастнаго разсмотрѣнія фактовъ, на которыхъ онѣ основаны.

Англія была настолько далека отъ того, чтобы стоять во главѣ заговора, однимъ изъ орудій котораго была бы Бельгія, она такъ мало толкала Бельгію на сопротивленіе, что 31 іюля англійскій посланникъ въ Брюсселѣ во время визита къ бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ выразилъ удивленіе по поводу поспѣшности, съ которой Бельгія объявила мобилизацію. Бельгійскій министръ такъ передаетъ этотъ инцидентъ («Сѣрая книга», № 11):

«Во время послѣдовавшаго затѣмъ разговора сэръ Фрэнсисъ Вильерсъ показался мнѣ удивленнымъ быстротой, съ которой мы рѣшили объявить мобилизацію нашей арміи. Я замѣтилъ, что Нидерланды приняли такое же рѣшеніе раньше насъ и что, съ другой стороны, намъ необходимо было принять спѣшныя и рѣшительныя мѣры вслѣдствіе того, что у насъ лишь недавно введенъ новый военный режимъ, вызвавшій рядъ переходныхъ мѣропріятій. Наши сосѣди и поручители должны видѣть въ этомъ рѣшеніи наше желаніе выразить свою твердую рѣшимость сохранить свой нейтралитетъ собственными силами.

«Мнѣ показалось, что мой отвѣтъ удовлетворилъ сэра Фрэнсиса Вильерса; онъ заявилъ мнѣ, что его правительство ждало этого отвѣта, чтобы продолжать переговоры съ Франціей и Германіей,—переговоры, исходъ которыхъ мнѣ будетъ сообщенъ».

Есть одинъ фактъ, еще болѣе характерный.

Какъ мы видѣли раньше, Англіи уже 29 іюля были извѣстны не особенно благопріятныя для Бельгіи намѣренія Германіи. Она не увѣдомила Бельгію объ этомъ. Какъ только что было сказано, она заявила ей, что продолжаетъ переговоры съ Франціей и Германіей и не преминетъ сообщить ей ихъ «исходъ». Развѣ она дѣйствовала бы съ такой сдержанностью, если бы между обѣими странами существовала какая-нибудь конвенція, договоръ, соглашеніе?

Надо обратить особое вниманіе на то, что Англія даетъ слѣдующій отвѣтъ («Сѣрая книга», № 48) лишь 5 августа, послѣ того, какъ Бельгія обратилась къ ней, какъ къ державѣ-поручительницѣ, съ просьбой о вмѣшательствѣ:

«Англія считаетъ, что совмѣстное выступленіе въ цѣляхъ сопротивленія Германіи осуществилось и что оно оправдывается трактатомъ 1839 года».

Позже, 10 августа, послѣ занятія Льежа, когда Германія обратилась къ Бельгіи съ предложеніемъ соглашенія, о которомъ

я уже имѣлъ случай говорить, никто не подсказывалъ Бельгіи даннаго ею отрицательнаго отвѣта. Придерживаясь строго и исключительно точки зрѣнія вѣрности своимъ международнымъ обязательствамъ, она отказалась разсматривать сдѣланное ей предложеніе; вступить въ переговоры съ державой, нарушительницей ея нейтралитета, съ тѣмъ, чтобы благопріятствовать интересамъ этой послѣдней въ ущербъ интересамъ державъ, этотъ нейтралитетъ соблюдающихъ, было бы очевиднымъ противорѣчіемъ основному принципу постояннаго нейтралитета; согласиться вступить въ переговоры съ державой, которая ради удовлетворенія своихъ политическихъ вожделѣній ставила ни во что самую жизнь націи, значило бы вызвать взрывъ негодованія общественной совѣсти. Занявъ такимъ образомъ, вполнѣ самостоятельно, позицію, которую подсказывало ему сознаніе своихъ обязанностей и чувство собственнаго достоинства, бельгійское правительство, изъ уваженія къ державамъ, отвѣтившимъ на его призывъ, нашло нужнымъ сообщить имъ о своихъ намѣреніяхъ. Въ тотъ же день, 10 августа, министръ иностранныхъ дѣлъ въ Брюсселѣ сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе англійскому, французскому и русскому посланникамъ («Сѣрая книга», № 65):

«Имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству, что, по просьбѣ нидерландскаго министра иностранныхъ дѣлъ, королевскій посланникъ въ Гаагѣ передалъ намъ слѣдующее предложеніе германскаго правительства...

«Вотъ текстъ отвѣта, который королевское правительство намѣрено дать на это сообщеніе:

«Въ предложеніи, которое намъ дѣлаетъ германское правительство, повторяется предложеніе, заключавшееся въ ультиматумѣ 2 августа. Вѣрная своимъ международнымъ обязанностямъ, Бельгія можетъ лишь повторить свой отвѣтъ на этотъ ультиматумъ, тѣмъ болѣе, что съ 3 августа ея нейтралитетъ былъ нарушенъ, что война была перенесена на ея территорію и что поручители за ея нейтралитетъ честно и немедленно отвѣтили на ея призывъ».

«Королевское правительство считаетъ нужнымъ довести эти документы до свѣдѣнія державъ, поручительницъ за нейтралитетъ Бельгіи».

На другой день, 11 августа, англійскій посланникъ передалъ въ Брюсселѣ слѣдующую ноту, которая выражала одобреніе его правительства дѣйствіямъ Бельгіи:

«Я по телеграфу сообщилъ сэру Эдуарду Грею нѣмецкое предложеніе и проектъ отвѣта на него.

«Я получилъ распоряженіе выразить Вашему Превосходительству полное одобреніе правительства Его Британскаго Величества. Это послѣднее можетъ лишь заявить, что оно согласно съ содержаніемъ отвѣта, который бельгійское правительство намѣрено дать попыткѣ вызвать раздѣленіе между странами, объединенными теперь для защиты трактатовъ, нарушенныхъ Германіей».

Простое хронологическое изложеніе событій позволяетъ такимъ образомъ установить, насколько несновательно сужденіе гаагскаго «Nieuwe Courant», воспроизведенное въ «Kölnische Zeitung» отъ 23 октября:

«За три дня до начала войны сэръ Эдурдъ Грей далъ знать бельгійскому правительству, что онъ надѣется, что Бельгія сдѣлаетъ все возможное, чтобы заставить уважать свой нейтралитетъ; онъ обѣщалъ поддержку Англіи и союзниковъ, лишь только Германія проникнетъ на бельгійскую территорію, съ условіемъ, чтобы Бельгія участвовала въ общемъ выступленіи, имѣющемъ цѣлью сопротивленіе нарушенію нейтралитета. Бельгія согласилась. Съ этого момента она принадлежала къ согласію: она уже не сражалась исключительно за себя».

Все это буквально противорѣчитъ фактамъ:

1) Сэръ Эдуардъ Грей увѣдомилъ Бельгію о намѣреніяхъ Англіи 4 августа, въ день перваго боевого столкновенія, а не «за три дня до начала войны» (см. стр. 65);

2) это предложеніе также было сдѣлано въ то же самое время и Голландіи, и Норвегіи (см. стр. 65);

3) Бельгіи оно было сдѣлано съ той оговоркой, что оно будетъ осуществлено лишь въ случаѣ нарушенія нейтралитета страны (см. стр. 65);

4) черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ оно было сдѣлано, это предложеніе было взято Англіей обратно, въ тотъ моментъ, когда ей стало извѣстно о нарушеніи бельгійскаго нейтралитета Германіей; поэтому Бельгіи нечего было ни отвергать, ни принимать (см. стр. 70);

5) Англія опредѣлила свою позицію по отношенію къ Бельгіи лишь послѣ того, какъ эта послѣдняя 4 августа вечеромъ обратилась съ просьбой о вмѣшательствѣ державъ, на которыхъ она еще могла разсчитывать (см. стр. 48);

6) развѣ съ этого момента Бельгія принадлежала къ согласію?

Ничуть: она никогда не переставала сражаться за свои собственныя нарушенныя права. Если теперь Бельгія сражается вмѣстѣ съ Англіей и Франціей, такъ это происходитъ оттого, что нападеніе, жертвой котораго она сдѣлалась, связало ихъ интересы съ ея собственными. Это вытекало изъ самой природы вещей, ибо, какъ это мѣтко опредѣлилъ Ривье, «договоръ о гарантіи фактически заключаетъ въ себѣ возможность союза». («Principes du droit des gens», томъ II, стр. 101; см. также Heffter, «Droit international public de l'Europe», traduction Bergson, § 145, и Westlake, «Notes sur la neutralité permanente» въ «Revue de Droit international» 1901 г., стр. 390, 395.)

Ту же мысль высказалъ и выбранный въ декабрѣ 1914 года новый президентъ Швейцарской конфедераціи, г. Мотта, когда въ недавно данномъ имъ интервью, воспроизведенномъ швейцарской прессой 27 декабря, онъ говорилъ:

«Съ какой бы стороны ни произошло нападеніе, если оно произойдетъ,—виновникъ его будетъ врагомъ для всѣхъ швейцарцевъ, и швейцарская армія немедленно встанетъ въ ряды тѣхъ, кто уже сражается съ державой, которая нападетъ на насъ».

Тезисъ голландской газеты имѣетъ такъ же мало основанія, какъ и тезисъ, воспроизведенный нѣмецкой газетой «Vossische Zeitung»: соотвѣтственно этому тезису участіе въ международномъ конфликтѣ противорѣчитъ положенію постояннаго нейтралитета.

Утверждать, что Бельгія участвуетъ теперь въ конфликтѣ международномъ, значило бы совершенно искажать событія. Бельгійская армія защищала и защищаетъ національную территорію; эта защита силою вещей приводитъ ее къ «координаціи своихъ дѣйствій» съ дѣйствіями армій, имѣющихъ цѣлью отразить нападеніе. Развѣ это не вполнѣ очевидно?

Кромѣ того, вмѣшательство Англіи въ европейскій конфликтъ и ея отношенія къ Бельгіи были предметомъ очень откровеннаго заявленія англійскаго премьеръ-министра Асквита во время засѣданія палаты общинъ 6 августа. Напомнивъ намѣренія Германіи по отношенію къ Бельгіи, какъ они были изложены 29 іюля имперскимъ канцлеромъ англійскому посланнику въ Берлинѣ, Асквитъ сказалъ («Синяя книга», англійское изданіе, стр. 100):

«Я прошу палату замѣтить разницу между этими двумя условіями. По отношенію къ Голландіи Германія обязалась уважать не только ея независимость и территоріальную неприкосновен-

ность, но и нейтралитетъ. По отношенію къ Бельгіи не говорилось ни слова о нейтралитетѣ и гарантировалась лишь территоріальная неприкосновенность. И канцлеръ надѣялся, что на такихъ основаніяхъ установится соглашеніе между Англіей и Германіей.

«Но, спрашиваю я палату, къ чему бы это повело? И я спрашиваю это не для того, чтобы разжигать страсти и, разумѣется, не для того, чтобы возбуждать общественное мнѣніе противъ Германіи: я спрашиваю это, чтобы оправдать и объяснить поведеніе англійскаго правительства. Къ чему бы это повело? Что это означало бы по отношенію къ Бельгіи? Какъ бы мы ей отвѣтили, если бы она обратилась къ намъ,—какъ она это сдѣлала теперь,—съ трогательнымъ призывомъ къ исполненію нашихъ торжественныхъ обязательствъ по отношенію къ ея нейтралитету? Какой отвѣтъ дали бы мы на этотъ призывъ Бельгіи? Мы должны были бы сказать, что безъ ея вѣдома продали свое обязательство защищать ее той самой державѣ, которая на нее нападала.

«Нѣсколько часовъ тому назадъ палата читала, читала и вся страна, патетическое воззваніе бельгійскаго короля, и я не позавидовалъ бы тому, кто могъ бы безъ волненія читать это воззваніе. Бельгійцы сражаются и умираютъ. Каково было бы предъ лицомъ этого зрѣлища положеніе Англіи, если бы она приняла позорное предложеніе Германіи?»

Какая ясная оцѣнка событій! Да, согласилась бы или отказалась Англія вмѣшаться, бельгійцы во всякомъ случаѣ оказали бы сопротивленіе нашествію нѣмцевъ! Обращеніе короля къ дипломатическому вмѣшательству англійскаго правительства было отправлено тогда, когда Германіи уже былъ сообщенъ отрицательный отвѣтъ на предложеніе 2 августа. Просьба правительства о военномъ содѣйствіи англійскихъ, французскихъ и русскихъ вооруженныхъ силъ была отправлена послѣ нарушенія неприкосновенности бельгійской территоріи, когда бельгійская армія уже сражалась. И я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ — даю въ этомъ честное слово,—что въ этотъ моментъ вопросъ о томъ, каковъ будетъ отвѣтъ изъ Лондона, вызывалъ въ бельгійскихъ правящихъ сферахъ величайшую тревогу... Отказываясь отъ почетныхъ титуловъ, данныхъ имъ англійскими университетами, пользующіеся большой научной извѣстностью германскіе профессора въ числѣ 31 заявили (письмо, напечатанное въ

«Kölnische Zeitung» 7 сентября), что если бы Бельгія не была увѣрена въ помощи Англіи, она не посмѣла бы сопротивляться Германіи: могу ихъ увѣрить, что они жестоко ошибаются.

Асквитъ продолжалъ:

«А что получили бы мы за измѣну друзьямъ и неисполненіе своихъ обязательствъ? Что бы мы получили? Обѣщаніе, не болѣе того, обѣщаніе Германіи поступить извѣстнымъ образомъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ; обѣщаніе, —мнѣ безконечно грустно говорить это, но это должно быть сказано,—данное державой, которая въ тотъ самый моментъ, какъ давала намъ это обѣщаніе, заявляла о своемъ намѣреніи нарушить свое собственное слово и просила насъ послѣдовать ея примѣру».

И премьеръ закончилъ эту часть своей рѣчи, напомнивъ еще разъ, какіе два мотива должны руководить англійской политикой въ этомъ вопросѣ:

«Я могу сказать лишь одно: если бы мы колебались или выжидали, мы, какъ правительство, покрыли бы себя позоромъ и предали интересы страны, которые должны охранять».

Затѣмъ, разсматривая общее положеніе вещей, онъ опредѣлилъ, изъ-за чего Англія ведетъ войну.

«Если меня спросятъ, изъ-за чего мы сражаемся, я отвѣчу двумя фразами:

«Мы сражаемся, во-первыхъ, для того, чтобы выполнить международное обязательство; если бы это обязательство было взято на себя частными людьми въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ, то оно считалось бы не только обязательствомъ юридическимъ, но и обязательствомъ чести, отъ исполненія котораго не могъ бы отказаться ни одинъ уважающій себя человѣкъ.

«Затѣмъ мы сражаемся ради торжества принципа: въ такое время, когда сила, матеріальная сила, часто оказываетъ, повидимому, господствующее вліяніе на развитіе человѣчества, мы хотимъ способствовать торжеству того принципа, что маленькія государства не могутъ быть уничтожены по произволу сильной и злоупотребляющей своей силой державы, бросающей вызовъ международной честности.

«Въ этомъ заключаются самыя основы міровой цивилизаціи».

Никакое обвиненіе не можетъ устоять противъ сжатаго изложенія всѣхъ этихъ фактовъ, характеризующихъ различныя стороны отношеній между Бельгіей и Англіей.

Въ Германіи чувствуютъ это и усердно ищутъ какихъ-нибудь компрометирующихъ Бельгію фактовъ.

Теперь тамъ какъ разъ вѣрятъ, будто напали на рядъ сенсаціонныхъ документовъ. Недавно «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» (13 октября) объявила, что въ Брюсселѣ, въ архивахъ военнаго департамента, нашли досье, изъ котораго видно, что между Бельгіей и Англіей существовали соглашенія. Та же газета 24 ноября вернулась къ этому открытію, напечатавъ факсимиле одного доклада. Бельгійское правительство уже опровергло неправильную интерпретацію этого документа со стороны «Norddeutsche», но въ виду упорства германской прессы представляется полезнымъ окончательно выяснить, какъ было дѣло.

Въ 1906 году между англійскимъ военнымъ атташе въ Брюсселѣ, подполковникомъ Бернардистономъ и генераломъ Дюкарномъ, начальникомъ генеральнаго штаба бельгійской арміи, происходилъ рядъ бесѣдъ, открывшійся предварительнымъ обсужденіемъ вопроса, общій смыслъ котораго сводится къ слѣдующему:

«Положеніе теперь критическое,—сказалъ военный атташе;—судя по тону газетъ, можно опасаться всего. Бельгія готова?

«Разумѣется,—отвѣтилъ генералъ,—всѣ мѣры нами приняты; наши укрѣпленія готовы; Антверпенъ глядитъ на Англію, Льежъ—на Германію, Намюръ—на Францію.

«Да, но теперь нужно главнымъ образомъ опасаться Германіи; если бы она рѣшилась нарушить вашъ нейтралитетъ, Англія пришла бы къ вамъ на помощь, и въ виду этой возможности было бы своевременно принять техническія мѣры военнаго характера.

«Съ военной точки зрѣнія,—возразилъ бельгійскій генералъ,—подобное вмѣшательство Англіи можетъ быть лишь благопріятно, но этотъ вопросъ имѣетъ такое политическое значеніе, что я долженъ буду сообщить о немъ военному министру».

Завязался разговоръ; за нимъ послѣдовали другіе; одна за другой были разсмотрѣны различныя техническія стороны вопроса. Генералъ составилъ докладъ для своего министра. Нашли оригиналъ этого документа: я разсмотрю здѣсь лишь нѣкоторыя, главнѣйшія, его части; въ приложеніи я привожу полный текстъ, съ которымъ пусть читатель и свѣритъ слѣдующія указанія.

Прежде всего, чѣмъ обусловливается шагъ, сдѣланный воен-

нымъ атташе? «Безпокойствомъ англійскаго генеральнаго штаба». Кто поставленъ въ курсъ переговоровъ? «Въ тайну посвящены лишь англійскій министръ и начальникъ англійскаго генеральнаго штаба»; атташе очень настаиваетъ на этомъ пунктѣ. О чемъ идетъ разговоръ? «О согласованныхъ операціяхъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ». Каковы эти обстоятельства? Вообще, «если бы на Бельгію напали», въ частности «въ случаѣ нападенія со стороны Германіи, имѣющаго цѣлью Антверпенъ», и «въ случаѣ прохожденія черезъ Бельгію съ цѣлью достигнуть французскихъ Арденнъ». Когда вмѣшались бы англійскія силы? «Вступленіе англичанъ въ Бельгію произошло бы лишь послѣ нарушенія бельгійскаго нейтралитета Германіей».

Одной послѣдней фразы было бы достаточно для того, чтобы положить предѣлъ дебатамъ, но въ текстѣ доклада она вставлена въ выноскѣ. По этой лишь причинѣ «Norddeutsche» ея не перевела и изображаетъ ее, какъ «добавленіе на поляхъ»: «Auf dem Schriftstück findet sich noch der folgende Randvermerk». Ошибка! фраза входитъ въ содержаніе доклада. Мысль, которую она выражаетъ, такъ владѣла вниманіемъ генерала, что сама собой вылилась изъ подъ его пера. Какъ видно изъ помѣщеннаго на слѣдующей страницѣ факсимиле, генералъ, составляя свой докладъ, зачеркивалъ въ немъ нѣкоторыя слова и дѣлалъ добавленія. «Norddeutsche» позволила себѣ, впрочемъ, и другую вольность перевода; въ столь важной фразѣ: «нашъ разговоръ носитъ конфиденціальный характеръ», слово «разговоръ» обратилось въ «Abkommen», что значитъ «договоръ». Какъ хорошо эти манипуляціи надъ текстомъ показываютъ, что даже въ глазахъ тѣхъ, кто его нашелъ, этотъ документъ не имѣлъ никакой собственной цѣнности и что эту цѣнность надо было создать искусственно!

Разъ установлена съ полной очевидностью гипотеза предварительнаго нарушенія нейтралитета, никто не можетъ счесть предосудительными происходившіе въ Брюсселѣ переговоры техническаго характера. Было ли форсированіе германскими войсками бельгійской границы одной изъ грозившихъ Бельгіи опасностей? Развѣ бельгійскій генеральный штабъ не былъ обязанъ относиться со вниманіемъ къ соображеніямъ, которыя военные атташе дѣлали ему относительно какъ этой, такъ и другихъ возможностей? Какой наивной германская пресса считаетъ Бельгію, предполагая, что она способна не знать писаній нѣмецкихъ ге-

Il continua dans ce sens : Le débarq.t des ~~nos~~ troupes (anglaises) se ferait sur la côte de France, vers Dunkerque et Calais, de façon à hâter le plus possible le mouvement.⊛ Le débarq.t par Anvers demanderait beaucoup plus de temps parce qu'il faudrait ~~[illegible]~~ des transports plus considérables et ~~que~~ d'autre part, la sécurité serait moins complète

Ceci admis, il resterait à régler divers autres points, savoir : les transports par Ch. de fer, la question des réquisitions auxquelles l'armée anglaise pourrait avoir recours, la question du commandement sup.r des forces alliées

Il s'informa si ~~durant la traversée et les transports~~, nos dispositions étaient ~~pour~~ suffisantes pour assurer la défense du pays durant la traversée et les transports des troupes anglaises, ~~que~~ temps qu'il évaluait à une dizaine de jours –

Je répondis que les places de Namur et de Liège étaient à l'abri d'un coup de main et qu'en 4 jours, notre armée de campagne, forte de 100.000 hommes, serait en état d'intervenir.
– ~~ce qui lui donnerait complet [illegible]~~

⊛ L'entrée des Anglais en Belgique ne se ferait qu'après la violation de notre neutralité par l'Allemagne.

нераловъ и секретныхъ стратегическихъ мѣръ Германіи, которыя—будемъ точны: съ 1895 года, въ особенности—всѣ предвидятъ возможность прохожденія германскихъ войскъ черезъ Бельгію.

Я не безъ удовольствія приведу здѣсь одинъ, навѣрное, мало извѣстный, фактъ. Вскорѣ послѣ предложеній, сдѣланныхъ англійскимъ военнымъ атташе, была организована одна изъ періодическихъ поѣздокъ бельгійскаго генеральнаго штаба: знаете, какова была ея задача? Объѣздить Фландрію для изученія тамъ мѣръ, которыя должны быть приняты противъ предполагаемой высадки англійскихъ силъ. Никому не пришло въ голову тогда и никто бы не подумалъ теперь утверждать, что эта тактическая тема являлась доказательствомъ существованія соглашенія противъ.. Англіи.

Но германская пресса возражаетъ: «у насъ есть другіе документы».

Сначала «Norddeutsche» напечатала, одновременно съ докладомъ Дюкарна, копію съ одного письма бельгійскаго посланника въ Берлинѣ, графа Грейндля, который въ 1911 году переслалъ въ Брюссель свое мнѣніе относительно плана обороны одной части Бельгіи. Замѣтимъ, что документъ, найденный въ Брюсселѣ въ одномъ бюро департамента иностранныхъ дѣлъ,—копія, а не оригиналъ письма, т.-е. что документъ, къ которому относилось это письмо, а также и документы, къ нему присоединенные, не были помѣщены вмѣстѣ съ найденной копіей; эта послѣдняя была изъята изъ дѣла для пополненія серіи, составленной въ другомъ административномъ отдѣлѣ. Слѣдовательно, «Norddeutsche» не знакома со всѣми обстоятельствами дѣла. Если теперь разсмотрѣть документы, которые заключаетъ въ себѣ настоящее досье, то что же въ нихъ оказывается? Отправная точка—работа, выполненная однимъ изъ высшихъ служащихъ и озаглавленная: «Что сдѣлала бы Бельгія въ случаѣ франко-германской войны?» Этотъ трудъ относится къ 1910—1911 годамъ. Вопросъ этотъ совершенно входилъ въ кругъ вѣдѣнія разработавшаго его чиновника, который былъ вполнѣ компетентенъ въ разсмотрѣніи вопросѣ. Эту работу министръ нашелъ желательнымъ дать на разсмотрѣніе графу Грейндлю, сужденію котораго придавался большой вѣсъ и которому часто препровождали документы, имѣющіе значеніе для международнаго положенія страны. Графъ Грейндль далъ очень опредѣленное заключеніе, которое

въ общемъ сводится къ слѣдующему: авторъ труда основывался на гипотезѣ, что бельгійскій нейтралитетъ будетъ нарушенъ Германіей; эта гипотеза допустима, но есть и другія, и слѣдовало бы предпринять аналогичныя изслѣдованія для ихъ разсмотрѣнія; страна должна принять мѣры предосторожности противъ всякой опасности, откуда бы она ни пришла. «Norddeutsche» думаетъ, что она въ правѣ представить это мнѣніе, какъ нѣкотораго рода критику графа Грейндля по отношенію къ его правительству: да будетъ же ей извѣстно, что мнѣніе графа Грейндля являлось, напротивъ, точнымъ отраженіемъ мнѣнія руководителей бельгійской политики и что уже въ 1906 году, напримѣръ, эта полная общность взглядовъ проявилась въ другой дипломатической перепискѣ.

Затѣмъ есть еще одинъ документъ, передающій новые переговоры, происходившіе въ 1912 году между другимъ англійскимъ военнымъ атташе, подполковникомъ Бриджесомъ, и начальникомъ бельгійскаго генеральнаго штаба, генераломъ Юнгблутомъ. На этотъ разъ, говоритъ германская пресса (напримѣръ, «Norddeutsche» отъ 24 ноября) было сказано, что Англія произвела бы высадку даже въ томъ случаѣ, если бы Бельгія объ этомъ не просила.

Что въ этомъ удивительнаго? Всякая держава-поручительница не только имѣетъ право, но и обязана защищать нарушенный нейтралитетъ, не только не дожидаясь приглашенія нейтральнаго государства, но даже и ex officio, и противъ воли этого государства: какъ мы видѣли выше, это обстоятельство вытекаетъ изъ самой сущности понятія о постоянномъ нейтралитетѣ. Тѣмъ не менѣе Бельгія, при своей щепетильности, всегда считала, что необходимо ея предварительное согласіе.

Поэтому генералъ Юнгблутъ отвѣтилъ англійскому военному атташе:

— «Но вы знаете, что разрѣшеніе Бельгіи необходимо.

— «Да,—отвѣтилъ его собесѣдникъ,—но вы не были бы въ состояніи остановить нѣмцевъ въ ихъ движеніи черезъ Бельгію (въ нѣмецкомъ переводѣ: «nicht im Stande seien, die Deutschen abzuhalten, durch Belgien zu marschieren»).

Развѣ въ этой фразѣ, которую германская пресса совсѣмъ не отмѣтила, не выступаетъ съ очевидностью гипотеза, не переставшая служить исходнымъ пунктомъ: предварительное нарушеніе бельгійскаго нейтралитета Германіей?

И еще: всѣмъ извѣстно, что военный атташе не уполномоченъ завязывать политическіе переговоры съ правительствомъ и что на правительство нельзя возлагать отвѣтственность за отношенія, которыя могутъ завязать военные атташе. Впрочемъ, это замѣчаніе было сдѣлано генераломъ Дюкарномъ послѣ перваго же разговора 1906 года. Слѣдовательно, совершенно неправильно изображать англійскаго военнаго атташе, какъ довѣреннаго, какъ уполномоченнаго, «ein Bevolmächtigte», какъ выразился вѣнскій профессоръ Бернацикъ въ своей замѣткѣ въ «Neues Wiener Tageblatt» (29 ноября). Это различіе первостепенной важности, и такъ какъ г. Бернацикъ его не установилъ, то ему приходится формулировать заключеніе такого рода:

«Если англійское правительство дѣйствительно не знало о переговорахъ, которые велъ его уполномоченный, оно должно было воспользоваться этимъ, какъ предлогомъ для того, чтобы нарушить заключенный съ Бельгіей договоръ (den Vertrag Belgien gegenüber zu annulieren) и выразить порицаніе своему уполномоченному за то, что онъ превзошелъ свои полномочія (seinen Bevollmächtigten wegens Mandatsüberschreitung zu bestrafen)».

«Norddeutsche Allgemeine Zeitung», слѣдовательно, еще разъ ссылается на досье, не имѣющее никакого значенія.

Вообще не нужно думать, что бельгійское правительство оставило свои политическіе и военные архивы непріятелю: они въ безопасномъ мѣстѣ, и лишь случайныя обстоятельства позволили нѣмцамъ захватить въ Брюсселѣ нѣкоторые отдѣльные документы.

Но я могу увѣрить «Norddeutsche», что въ этихъ архивахъ существуетъ много досье, которыя показываютъ съ очевидностью, насколько бельгійское правительство было щепетильно и насколько несокрушимо было его намѣреніе защищать нейтралитетъ страны, полный и безусловный, противъ всѣхъ державъ безъ различія въ духѣ самой абсолютной вѣрности трактатамъ.

Всѣ досье, о которыхъ я говорю, свидѣтельствуютъ скорѣй о преувеличенной щепетильности, чѣмъ о потворствѣ кому бы то ни было: какое бы ни случилось событіе, значеніе его тщательно взвѣшивали въ постоянной заботѣ о томъ, чтобы это не могло вызвать неудовольствія ни у одной изъ державъ, и высшія власти въ Бельгіи никогда не позволяли себѣ покрывать чьи-либо неосторожность или чрезмѣрное усердіе. Такъ, вслѣдствіе того, что распространились невѣрные слухи относительно

роли двоихъ англійскихъ военныхъ атташе, въ Бельгіи тотчасъ же возникли опасенія; они дошли до свѣдѣнія сэра Эдуарда Грея, и политика обѣихъ странъ была настолько лояльна, что онъ поспѣшилъ написать 7 апрѣля 1913 года англійскому посланнику въ Брюсселѣ письмо, копію съ котораго этотъ послѣдній передалъ бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ. Это письмо совершенно опровергаетъ интерпретацію германской прессы; оно могло бы быть напечатано, лишь только началась кампанія этой прессы; бельгійское правительство воздержалось отъ этого изъ щепетильности, которая всегда была отличительнымъ свойствомъ его политики. Лишь 7 декабря сэръ Эдуардъ Грей самъ передалъ текстъ этого письма «Morning Post»; вотъ онъ:

«Сегодня въ официальномъ разговорѣ съ бельгійскимъ посланникомъ, я сказалъ ему, что, какъ мнѣ извѣстно, въ Бельгіи опасаются, что мы первые можемъ нарушить бельгійскій нейтралитетъ. Я не думаю, сказалъ я, чтобы Англія могла подать поводъ къ такому опасенію.

«Бельгійскій посланникъ объяснилъ мнѣ, что въ Англіи въ одномъ кругу, который онъ не можетъ назвать, поднимался вопросъ о томъ, чтобы Англія высадила войска для предупрежденія возможной посылки германскихъ войскъ черезъ Бельгію во Францію.

«Я сказалъ, что увѣренъ въ томъ, что настоящее правительство никогда первое не нарушитъ бельгійскаго нейтралитета, и что я не думаю, чтобы это сдѣлало какое бы то ни было англійское правительство и чтобы это когда-нибудь было одобрено общественнымъ мнѣніемъ страны. Что мы должны были разсмотрѣть, прибавилъ я, это довольно затруднительный вопросъ о томъ, что намъ было бы желательно и нужно сдѣлать, какъ державѣ-поручительницѣ за бельгійскій нейтралитетъ, если бы этотъ нейтралитетъ былъ нарушенъ какой-нибудь державой. Первыми нарушить этотъ нейтралитетъ и послать войска въ Бельгію значило бы подать Германіи, напримѣръ, поводъ также послать войска въ Бельгію. Чего мы желаемъ по отношенію къ Бельгіи точно такъ же, какъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ нейтральнымъ странамъ, это, чтобы ихъ нейтралитетъ не былъ нарушенъ: до тѣхъ поръ, пока ихъ нейтралитетъ не нарушенъ какой-нибудь другой державой, мы сами, конечно, не пошлемъ войскъ на ихъ территорію».

Такъ пусть же не упрекаютъ Бельгію за то, что она не увѣдо-

мила Германію о несуществующихъ тайныхъ договорахъ и соглашеніяхъ.

Кромѣ того, Германіи, быть можетъ, это и не было неизвѣстно... Злые языки говорятъ, что переговоры англійскихъ военныхъ атташе дали пищу остроумію германскаго военнаго атташе въ Брюсселѣ, полковника генеральнаго штаба Реннера и даже германскаго посланника фонъ Флотова. Ихъ обоихъ, навѣрное, очень удивляетъ шумъ, поднятый теперь ихъ правительствомъ изъ-за разговоровъ, надъ которыми они потѣшались тогда...

Правда, есть еще документы подобнаго же рода, хотя менѣе интересные: я разумѣю англійское изданіе карты бельгійскаго генеральнаго штаба и серію англійскихъ военныхъ руководствъ, не говоря еще о формулярахъ для реквизиціи, найденныхъ у одного англійскаго агента въ Брюсселѣ («Norddeutsche Allgemeine Zeitung», 6 ноября).

Карта была нарисована и выгравирована въ Англіи по бельгійской картѣ, но увѣряютъ, что она могла быть составлена лишь при содѣйствіи Бельгіи, «такъ какъ англійское изданіе было также найдено и въ бельгійскомъ военномъ министерствѣ» (см., напримѣръ, нѣмецкую брошюру «Военный журналъ», октябрь 1914 года, изданный М. Бергомъ въ Берлинѣ). Признаться, я не вижу, какое значеніе имѣетъ это замѣчаніе... Быть можетъ, автору статьи неизвѣстно, что у германскихъ войскъ, которыя вступили въ Бельгію, были бельгійскія карты генеральнаго штаба, перепечатанныя въ Германіи и съ помѣтками на поляхъ на нѣмецкомъ языкѣ? Такъ, отрядъ въ сотню улановъ, проходившій въ половинѣ сентября въ Оостъ-Роозбеке, около Рулера, потерялъ у одной изгороди карту этого района.

Существованіе англійскихъ военныхъ руководствъ было обнаружено «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» (1 декабря), и нѣмецкія большія газеты тотчасъ же отозвались на это. Они даютъ подробное описаніе различныхъ округовъ Бельгіи съ тщательными указаніями относительно всего, что можетъ имѣть значеніе для военныхъ операцій; критикъ нѣмецкой газеты относится, впрочемъ, съ большой похвалой къ тщательности, съ которой составлены эти руководства. На нихъ стояла помѣтка: «Конфиденціально; принадлежитъ англійскому правительству». Эта ли помѣтка удивляетъ «Norddeutsche»? Затѣмъ, что въ сущности доказываютъ англійскія руководства? Что англійскій

генеральный штабъ готовился къ возможности вести войну въ Бельгіи, оказавшись при этомъ отлично освѣдомленнымъ,—опытъ это показалъ. Но виновата тутъ сама Германія, планы кампаніи которой заключали въ себѣ нападеніе на Францію черезъ Бельгію; Англіи были извѣстны эти планы; для нея было крайне важно, чтобы Бельгія осталась неприкосновенной; соотвѣтственно этому она принимала свои мѣры. За что же во всемъ этомъ можно винить Бельгію?

Но «Norddeutsche» по этому поводу торжествуетъ: такая работа, говоритъ она, была бы невозможна безъ содѣйствія бельгійскаго правительства и агентовъ военной администраціи; по ея мнѣнію, несомнѣнно, что были использованы официальныя свѣдѣнія. Выводъ: «Бельгія какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи была попросту вассаломъ Англіи». Вотъ выводъ, рѣшительно ни на чемъ не основанный: неужели германская пресса серьезно думаетъ, что для того, чтобы собрать точныя свѣдѣнія о странѣ, нужно обращаться къ официальнымъ властямъ? Неужели она думаетъ, будто это даже самый практичный способъ? И что сказала бы она, если бы могла повѣдать міру, что безконечное число англичанъ, устроившихся въ Бельгіи въ качествѣ электротехниковъ, химиковъ, инженеровъ, приказчиковъ, рабочихъ, конторскихъ служащихъ, даже торговцевъ косами или бритвами, покинули страну при началѣ военныхъ дѣйствій и вернулись туда въ военномъ мундирѣ, вполнѣ готовые доставлять своимъ начальникамъ свѣдѣнія всякаго рода, которыя они собрали въ то время, когда пользовались гостепріимствомъ Бельгіи? А это именно и было,—но только съ нѣмцами, а не съ англичанами.

Бельгія была излюбленной страной шпіоновъ всѣхъ національностей, и незадолго передъ войной правительство какъ разъ намѣревалось представить законопроектъ по этому поводу. Почему бы въ этой наивной странѣ не быть англійскимъ шпіонамъ, какъ были шпіоны нѣмецкіе и шпіоны французскіе? И почему эти тайные агенты, среди которыхъ были лица, дѣлившія, на видъ, свои досуги между рыбной ловлей и охотой, не могли бы доставлять Англіи документовъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, особеннаго значенія, какъ, напримѣръ, свѣдѣній относительно бельгійской мобилизаціи, циркуляровъ, адресованныхъ высшему командованію бельгійской арміи, указаній относительно одного засѣданія бельгійской комиссіи, которой была поручена организація продоволь-

ствія Антверпена, свѣдѣній, собранныхъ бельгійской жандармеріей о концентраціи французскихъ вагоновъ въ Мобёжѣ? «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» сообщаетъ въ тотъ моментъ, когда я пишу, что все это было обнаружено въ англійской миссіи въ Брюсселѣ, и серьезно заявляетъ, «что это новое открытіе приноситъ неопровержимое доказательство англо-бельгійскаго сообщничества».

Всякому человѣку, обладающему критическимъ смысломъ, это «разоблаченіе» доказываетъ только, что Англія—какъ и всѣ сосѣднія державы—содержала въ Бельгіи агентовъ тайной полиціи, бельгійское же правительство не только ихъ не освѣдомляло, открыто или тайно, но даже не знало о ихъ существованіи.

Ни болѣе, ни менѣе.

И списокъ «разоблаченій», разумѣется, еще будетъ удлиняться. Если бы я не боялся испортить внѣшній видъ этой книги, я оставилъ бы пустыя мѣста, которыя можно было бы заполнять по мѣрѣ того, какъ германская пресса, стараясь, такъ сказать, сама себя превзойти, будетъ обнаруживать новыя доказательства сообщничества Бельгіи и Англіи и изображать ихъ даже, слѣдуя примѣру «Kölnische Zeitung» отъ 24 декабря, какъ подтвержденія «указаній», находившихся въ рукахъ германскаго правительства еще до войны. Но мы можемъ совершенно спокойно смотрѣть на это. Ничто на свѣтѣ не можетъ затемнить простую истину: слѣдуя щепетильно-корректной политикѣ, Бельгія никогда ничего не просила у Англіи и не принимала отъ нея—ни вмѣшательства, ни содѣйствія.

Еще одно слово.

Моментъ, въ который, по мнѣнію «Norddeutsche», якобы заключено было англо-бельгійское соглашеніе, выбранъ очень неудачно. Всѣмъ извѣстно, что около 1906 года традиціонная симпатія въ отношеніяхъ между Англіей и Бельгіей охладѣла. Инциденты трансваальской войны, безсмысленное покушеніе, совершенное въ Брюсселѣ ребенкомъ на принца Уэльскаго, вскорѣ послѣ того ставшаго Эдуардомъ VII, кампанія Мореля противъ режима въ Конго—все это способствовало тому, что между двумя націями создалась нѣкоторая натянутость.

Всѣмъ извѣстно и то, что въ началѣ XX вѣка дѣятельность бельгійской дипломатіи вращалась вокругъ Независимаго Государ-

ства Конго. Если Германія захочетъ поразмыслить, то вспомнитъ, что въ эти критическіе годы, конечно, не германскіе интересы приносились въ бельгійскомъ Конго въ жертву интересамъ англійскимъ и что не въ Англіи искали покровительства законовъ общества, основанныя Леопольдомъ II.

Къ чему настаивать?

Долженъ ли я сказать, что 28 іюля, когда международное положеніе становилось все серьезнѣе, инструкціи, данныя бельгійской администраціи въ Конго, предусматривали мѣры предосторожности, которыя слѣдовало принять какъ противъ возможной блокады рѣчного пути Франціей совмѣстно съ Англіей, такъ и противъ перехода черезъ границу колоніи германскихъ войскъ? Лишь послѣ разрыва съ Германіей былъ отданъ приказъ сосредоточить всѣ усилія на одной сторонѣ.

Нужно ли единственно для того, чтобы увеличить число доказательствъ, отмѣтить еще и тотъ фактъ, что ко времени начала войны бельгійская королевская семья еще не сдѣлала визита англійскому королевскому дому, между тѣмъ, какъ она уже побывала въ Берлинѣ и Вѣнѣ?

Наконецъ, факты налицо, и эти факты не оставляютъ мѣста для спора. Въ августѣ 1914 года Германія нарушила бельгійскій нейтралитетъ изъ стратегическихъ соображеній, и движеніе ея войскъ вполнѣ соотвѣтствовало планамъ, которые были извѣстны раньше. Въ августѣ 1914 года Англія для заявленія о своемъ вмѣшательствѣ ждала, чтобы фактъ совершился, и ея войска вступили въ Бельгію лишь черезъ восемнадцать дней.

Сказаннаго довольно.

Бельгія не была связана съ Англіей никакимъ договоромъ, никакимъ соглашеніемъ, ни тайнымъ, ни явнымъ. По отношенію къ Англіи, какъ по отношенію къ Франціи, какъ по отношенію къ Германіи, она въ августѣ 1914 года была такой же, какой была въ теченіе 75 лѣтъ: свободной отъ обязательствъ, корректной и непоколебимо лояльной.

И,—говоря открыто,—нельзя назвать иначе, какъ низкой клеветой, параллель, проведенную недавно въ одномъ изъ сообщеній «Агентства Вольфа» («Neue Zürcher Zeitung» 4 ноября), гдѣ безпартійной политикѣ Швейцаріи противопоставляется политика Бельгіи, которая якобы сама наложила руки на свой нейтралитетъ, ставъ военной союзницей Франціи и Англіи.

* * *

Таковы мелкія, хрупкія, искусственно притягиваемыя данныя, на которыхъ зиждется возбуждаемый германскимъ общественнымъ мнѣніемъ процессъ противъ Бельгіи за ея преступныя намѣренія.

Кампанія, имѣющая цѣлью обезславить, послѣдовала за военной кампаніей: диффамація производится безпощадно. Чего Германіи при этомъ надо? Стремится ли она создать для своего преступленія смягчающія обстоятельства въ глазахъ судей, доказывая, что ея жертва не заслуживаетъ симпатіи? Или Германія готовитъ умы къ тому, чтобы они примирились съ фактомъ уничтоженія независимости такого недостойнаго государства?

Все равно. Фактъ остается фактомъ: «Совершивъ свое преступленіе, Каинъ, чтобы обѣлить себя, очернилъ Авеля... Какъ будто мало было убить? Еще безчестить... нѣтъ, это уже слишкомъ!»

Къ этимъ благороднымъ словамъ великаго поэта нѣмецкой Швейцаріи Карла Шпиттелера, я прибавлю одно: ничто не даетъ права на роль судьи, склоннаго къ милосердію, которую, повидимому, склонны разыгрывать сейчасъ нѣкоторые германскіе круги. «Вотъ,—писалъ 21 августа берлинскій «Lokal-Anzeiger»,—поверженная Бельгія пала на колѣни».

На колѣни!

Какое преступленіе искупаетъ эта бѣдная маленькая страна, вина которой вся въ томъ, что она осталась вѣрной долгу чести? И можно ли оскорбить ея достоинство болѣе жестоко, какъ такимъ предположеніемъ, будто она способна на колѣняхъ молить своего угнетателя?

V.

Германскія правила веденія войны и ихъ примѣненіе къ Бельгіи.

Въ предложеніи соглашенія, посланномъ Германіей Бельгіи послѣ льежской битвы, мы читаемъ слѣдующія строки:

«Германское правительство глубоко сожалѣетъ, что дѣло дошло до кровавыхъ столкновеній. Германія является въ Бельгію не какъ врагъ... Германское правительство проситъ Его Величество короля и бельгійское правительство избавить Бельгію въ дальнѣйшемъ отъ ужасовъ войны».

Эти слова какъ будто бы внушены искреннимъ соболѣзнованіемъ.

Вообще говоря, было бы понятно, если бы Германія, рѣшившись на войну со всѣми ея ужасами въ странѣ, къ которой она продолжала относиться съ симпатіей, предписала своимъ офицерамъ нѣкоторую умѣренность. Не нанося ущерба успѣху своихъ военныхъ операцій, она могла дать знать своимъ войскамъ, что она даже не объявляла войны Бельгіи, но что, по выраженію второй ноты («Сѣрая книга», № 27), «имперія принимаетъ лишь мѣры для обезпеченія своей безопасности, прибѣгая, если нужно, къ вооруженной силѣ». Не отступая отъ законовъ войны, германскія власти могли бы создать предрасположеніе къ справедливости у всѣхъ тѣхъ, на комъ лежала обязанность примѣнять эти законы. Можно даже сказать, что это была элементарная обязанность Германіи въ то время, когда она еще не нашла для своего поведенія иного извиненія, какъ необходимость. Согласно заявленіямъ, которыя она дѣлала предъ лицомъ всего міра,

ся войска проходили черезъ Бельгію только потому, что этого требовала стратегическая необходимость: она причиняла страданіе невинной, и это страданіе находило извиненіе лишь въ предѣлахъ необходимости; въ положеніи крайней необходимости, «Notstand», все, что не является абсолютно необходимымъ, преступно. Но, какъ мы видѣли, въ дѣйствительности было совсѣмъ не такъ: происходило завоеваніе Бельгіи, и съ самаго начала военныхъ дѣйствій событія показали, что война будетъ вестись въ Бельгіи съ примѣненіемъ самыхъ суровыхъ правилъ. Само германское правительство 14 августа увѣдомило дипломатическимъ путемъ бельгійское правительство, что война приметъ жестокій характеръ («einen grausamen Charakter»). Отвѣтственность за это, прибавляетъ оно, падаетъ на Бельгію («Belgien trägt die Schuld»). Дѣйствительно, нота утверждала:

1) что много штатскихъ принимало участіе въ сраженіяхъ вокругъ Льежа;

2) что гражданское населеніе жестоко обращалось съ ранеными;

3) что въ Антверпенѣ чернь разрушала дома нѣмцевъ и звѣрскимъ образомъ («in bestialischer Weise niedergemetzelt») убивала женщинъ и дѣтей.

Болѣе того,—самъ императоръ обратился къ президенту Соединенныхъ Штатовъ съ посланіемъ, въ которомъ говорилъ:

«Бельгійское правительство открыто поощряло участіе въ войнѣ бельгійскаго населенія и съ давнихъ поръ тщательно подготовляло это участіе. Жестокости, которыя въ этой партизанской войнѣ совершались даже женщинами и священниками надъ солдатами, врачами и сестрами милосердія, были таковы, что мои генералы должны были, въ концѣ-концовъ, прибѣгнуть къ самымъ суровымъ мѣрамъ, чтобы наказать виновныхъ и вселить ужасъ въ жаждущемъ крови населеніи, дабы помѣшать ему продолжать убійства и жестокости».

Однако теперь достовѣрно извѣстно, что дошедшія до нѣмецкаго правительства свѣдѣнія были невѣрны и тенденціозны, и безъ всякаго преувеличенія можно упрекнуть его въ томъ, что оно легкомысленно вѣрило коварнымъ баснямъ.

Сейчасъ еще слишкомъ рано открывать рѣшительныя пренія въ этомъ дѣлѣ, которое требуетъ суда безъ всякой страстности, тогда какъ въ настоящее время не отъ всѣхъ можно ждать въ немъ хотя бы простой добросовѣстности. Но тѣмъ не менѣе

на насъ лежитъ обязанность исключить изъ данныхъ, на которыя опирается общественное мнѣніе, извѣстное ихъ число на томъ основаніи, что въ дѣйствительности ихъ совершенно не существуетъ. Я съ этой точки зрѣнія кратко разберу три обвиненія, предъявляемыя къ жителямъ занятой врагомъ Бельгіи.

I. Участіе въ войнѣ гражданскаго населенія.

Императоръ, а за нимъ и вся пресса, дошли до того, что говорили, будто бельгійское правительство открыто или молчаливо поощряло сопротивленіе жителей. Нѣкоторыя газеты писали, напримѣръ, что правительство ничего не сдѣлало для того, чтобы ознакомить населеніе съ его обязанностями по отношенію къ непріятельскимъ войскамъ, а если и приняло мѣры, то слишкомъ поздно и вяло. Въ одномъ сообщеніи германскаго консульства въ Женевѣ говорится даже:

«Вообще возстаніе народа противъ непріятеля было организовано заблаговременно; были устроены склады оружія, гдѣ на каждомъ ружьѣ значилось имя горожанина, которому оно предназначалось».

Едва ли нужно опровергать это послѣднее утвержденіе; то, что нѣкоторые нѣмцы приняли за склады оружія, предоставленаго жителямъ правительствомъ, было не что иное, какъ помѣщенія, въ которыхъ коммунальныя власти велѣли изъ предосторожности сложить ружья какъ частныхъ лицъ, такъ и гражданскихъ милиціонеровъ. Извѣстно, что въ Бельгіи всякій гражданинъ отъ 20 до 40 лѣтъ обязанъ служить въ гражданской милиціи; допускается только два исключенія: въ случаѣ, если онъ уже отбылъ воинскую повинность, и въ случаѣ, если у него нѣтъ достаточно средствъ, чтобы пріобрѣсти экипировку. Всякій милиціонеръ держитъ у себя свое оружіе и мундиръ; въ центральномъ депо находится точный списокъ именъ и адресовъ милиціонеровъ съ указаніемъ номера ихъ оружія; въ этомъ депо или въ другомъ коммунальномъ зданіи было сложено оружіе въ тѣхъ коммунахъ, гдѣ была разоружена милиція второго призыва.

Бельгійскій корреспондентъ одной нѣмецкой газеты утверждалъ даже, что для того, чтобы быть въ состояніи раздать населенію такое большое количество оружія, бельгійское правительство должно было въ предвидѣніи войны сдѣлать большой его запасъ.

На самомъ дѣлѣ было совсѣмъ иначе. «Совершенно конфиденціальная нота» 2 августа застигло правительство въ началѣ реорганизаціи арміи и среди неустройства, которое влечетъ за собой полное преобразованіе. Увеличеніе численнаго состава и усиленіе вооруженія было разсчитано на пять лѣтъ. Слѣдовательно, реформа могла дать полные результаты лишь по истеченіи пятилѣтняго срока. Что касается въ частности оружія, то чувствовался настолько сильный недостатокъ въ ружьяхъ, что правительство не только не могло раздавать оружія гражданскому населенію, но даже было лишено возможности немедленно призвать наборы 1914 и 1915 годовъ.

И бельгійское правительство не только ни въ какой мѣрѣ не организовывало вооруженнаго сопротивленія, но съ самаго же начала, 4 августа, разослало административнымъ властямъ 2600 коммунъ страны циркуляръ, въ которомъ заключаются слѣдующіе пункты, относящіеся къ интересующему насъ вопросу; нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ буквально заимствованы изъ Гаагской Конвенціи (такъ, напримѣръ, третій параграфъ, въ которомъ воспроизведена 2-ая статья регламента, приложеннаго къ Конвенціи):

«*Враждебныя дѣйствія.*—По законамъ войны враждебныя дѣйствія, т.-е. вооруженное сопротивленіе и нападеніе, употребленіе оружія противъ отдѣльныхъ непріятельскихъ солдатъ, прямое участіе въ сраженіяхъ или стычкахъ никогда не дозволяются тѣмъ, кто не состоитъ ни въ арміи, ни въ гражданской милиціи, ни въ отрядахъ добровольцевъ, подчиненныхъ опредѣленному начальнику и носящихъ замѣтный отличительный знакъ.

«Тѣ, кому разрѣшаются враждебныя дѣйствія, именуются «воюющими»; когда ихъ берутъ въ плѣнъ или они слагаютъ оружіе, съ ними должны обращаться, какъ съ военнопленными.

«Если населеніе не занятой еще территоріи при приближеніи непріятеля по собственной иниціативѣ возьмется за оружіе, то, хотя бы оно и не успѣло организоваться по-военному, оно будетъ считаться воюющимъ, если будетъ носить оружіе открыто и сообразоваться съ законами войны.

«Отдѣльныя лица, которыя, не принадлежа ни къ одной изъ этихъ категорій, совершили бы какія-либо враждебныя дѣйствія, не могутъ признаваться за воюющихъ; если бы такія

лица попали въ руки непріятеля, то они должны ждать къ себѣ болѣе суроваго отношенія, чѣмъ къ военноплѣнимъ; ихъ даже можно предавать смерти.

«Населеніе страны тѣмъ болѣе должно воздерживаться отъ дѣйствій, которыя запрещаются даже солдатамъ; а именно: употреблять ядъ или отравленное оружіе, измѣнническимъ образомъ убивать или ранить тѣхъ, кто принадлежитъ къ непріятельской арміи или націи; убивать или ранить врага, который, сложивъ оружіе и не имѣя больше возможности защищаться, сдался безъ всякихъ условій».

Нужно замѣтить, съ одной стороны, что административная организація Бельгіи очень совершенна, а съ другой, что въ тотъ моментъ, когда циркуляръ разсылался кратчайшимъ путемъ, территорія, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстностей, была еще свободна; слѣдовательно, весь іерархическій механизмъ могъ прекрасно функціонировать и предписанія центральной власти почти моментально достигали всѣхъ уголковъ страны. Эти предписанія были расклеены во всѣхъ коммунахъ безъ исключенія и во многихъ мѣстахъ: такъ въ Бельгіи всегда поступаютъ съ офиціальными распоряженіями; я собственными глазами видѣлъ эту афишу въ городахъ и деревняхъ Фландріи, а мои друзья видѣли ее въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ страны. Расклейка была произведена чрезвычайно быстро: такъ, въ Льежѣ афиша уже была расклеена по стѣнамъ 5 августа—нѣмцы могли видѣть ее при вступленіи въ городъ. Точно такъ же и въ Арскотѣ, городкѣ, который постигла ужасная участь, при вступленіи нѣмцевъ имъ могли показать афиши бургомистра, приглашавшаго своихъ согражданъ въ случаѣ прихода непріятеля воздерживаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій. Констатируя, что совершенно такія же мѣры были приняты въ Реймсѣ, профессоръ С. Вегенеръ не можетъ не выразить своего восхищенія («Kölnische Zeitung», 15 сентября, № 1025). Почему въ германской прессѣ никогда не было отдано должной справедливости столь внимательной предусмотрительности бельгійской коммунальной магистратуры?

Министръ внутреннихъ дѣлъ не удовольствовался этой мѣрой: уже въ первыхъ числахъ августа мѣсяца онъ обратился къ важнѣйшимъ газетамъ съ просьбой воспроизводить каждый день или періодически слѣдующее заявленіе; газеты поспѣшили исполнить эту просьбу:

„Къ гражданскому населенію".

«Министръ внутреннихъ дѣлъ рекомендуетъ гражданскому населенію въ случаѣ, если непріятель покажется въ ихъ округѣ,

«Не сражаться;

«Не произносить ни ругательствъ, ни угрозъ;

«Оставаться въ домахъ и закрывать окна, чтобы нельзя было сказать, что была провокація съ ихъ стороны;

«Если солдаты, чтобы защищаться, займутъ домъ или деревушку, очистить ихъ, чтобы нельзя было сказать, что мирные обыватели стрѣляли.

«Насильственное дѣйствіе, совершонное хотя бы однимъ обывателемъ, являлось бы настоящимъ преступленіемъ, которое осуждается закономъ и наказывается тюремнымъ заключеніемъ, ибо оно могло бы послужить предлогомъ для кровавыхъ репрессій, грабежа и избіенія невиннаго населенія, женщинъ и дѣтей».

Коммунальныя власти совѣтовали даже жителямъ освободиться отъ своего оружія. Я самъ читалъ такія афиши во многихъ мелкихъ мѣстечкахъ и удовольствуюсь тѣмъ, что приведу здѣсь въ видѣ примѣра текстъ слѣдующаго распоряженія, расклеенаго въ Брюсселѣ и подписаннаго бургомистромъ:

«Въ виду того, что законы войны запрещаютъ гражданскому населенію принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и что всякія отступленія отъ этого правила могутъ повлечь за собой репрессіи, многіе изъ моихъ согражданъ выразили мнѣ свое желаніе освободиться отъ принадлежащаго имъ огнестрѣльнаго оружія.

«Это оружіе можетъ быть сдано въ полицейскіе комиссаріаты, гдѣ будетъ выдана расписка въ полученіи.

«Оно будетъ находиться на храненіи въ центральномъ антверпенскомъ арсеналѣ и возвращено владѣльцамъ по окончаніи войны».

Позднѣйшими инструкціями еще нѣсколько разъ напоминали о предписаніяхъ циркуляра 4 августа къ коммунальнымъ администраціямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ инструкцій были переданы администраціямъ съ нѣмецкимъ переводомъ «для того,—писалъ министръ,—чтобы администраціи, въ случаѣ надобности, могли показать германскимъ властямъ, какимъ инструкціямъ онѣ повинуются соотвѣтственно правиламъ, установленнымъ гаагской конвенціей, подписанной германской имперіей».

Въ виду всего этого, можно сказать, что бельгійское правительство добровольно подготовило пассивное отношеніе населенія, чтобы даже въ моментъ негодованія остаться вѣрнымъ международнымъ договорамъ. Что-же тогда нужно думать о слѣдующемъ заключеніи одной статьи, появившейся въ «Kölnische Zeitung» 28 августа, № 967:

«Поведеніе бельгійскаго населенія непонятно; но еще непонятнѣе поведеніе бельгійскаго правительства. На него должна быть возложена отвѣтственность за то, что въ Бельгіи пришлось сносить съ лица земли города и деревни... Во-первыхъ, правительство вызывало вооруженное сопротивленіе, распространяя грубую клевету на наши войска. Затѣмъ, оно произвело раздачу оружія и теперь, когда это сопротивленіе начинаетъ ослабѣвать, оно продолжаетъ возбуждать его вмѣсто того, чтобы положить ему предѣлъ энергичнымъ выступленіемъ».

Газетѣ, располагающей такими вѣрными освѣдомительными источниками, какъ «Kölnische Zeitung», было бы очень легко провѣрить столь важныя заявленія прежде, чѣмъ ихъ опубликовывать.

Но что обезоруживаетъ всякую критику, такъ это комментаріи, которыми газета сопровождаетъ эти заявленія:

«Вотъ неопровержимое доказательство, показывающее всему міру, что еще до войны разсчитывали на это сопротивленіе населенія и что его подготовляли: 19 октября 1913 года парижскій журналъ «Les Annales» отнесся съ большимъ одобреніемъ къ предложенію одного бельгійскаго офицера организовать по военному образцу населеніе люксембургской провинціи для того, чтобы встрѣтить партизанской войной возможное вторженіе непріятеля.

«Такимъ образомъ бельгіецъ даетъ идею, французъ ее одобряетъ и распространяетъ. Мы видимъ, что сообщники вполнѣ единодушно защищаютъ идею партизанской войны!»

Если «Kölnische Zeitung» возьметъ на себя трудъ перечесть газеты того времени, она легко обнаружитъ, что идея, высказанная тогда,—безъ всякаго, впрочемъ, успѣха,—главнымъ образомъ, двумя депутатами Люксембурга, состояла въ томъ, чтобы образовать въ Люксембургской провинціи отрядъ, подобный отряду альпійскихъ стрѣлковъ. Что касается остального, то аргументація газеты является, право, слишкомъ ребяческой, чтобы съ ней стоило считаться.

Но разъ ужъ я говорю о столь изумительныхъ вещахъ, прибавлю еще слѣдующія:

Во-первыхъ, слѣдующее сообщеніе «Hamburger Nachrichten», воспроизводимое въ брошюрѣ «Die Wahrheit über den Krieg», «Правда о войнѣ» (2 изданіе, стр. 60):

«Здѣсь (въ Лувенѣ) многіе фасады домовъ приспособлены для партизанской войны; въ нихъ есть отверстія, въ которыя можетъ пройти дуло ружья и которыя закрываются при помощи подвижныхъ металлическихъ пластинокъ. Это было сдѣлано техниками-спеціалистами на случай систематической организаціи войны».

Нѣтъ, господинъ корреспондентъ: это сдѣлано техниками-спеціалистами для того, чтобы вставлять туда балки, на которыхъ укрѣпляются лѣса, когда исполняютъ какія-нибудь работы на фасадѣ.

Затѣмъ—другая исторія, разсказанная «Leipziger Tageblatt», и приведенная на 38-й стр. брошюры «Die Belgischen Greueltaten», о которой я говорю дальше:

«Какъ сообщается въ открыткѣ, посланной однимъ солдатомъ его родителямъ въ Пёсснекъ, бельгійское правительство обѣщало гражданскому населенію награду въ 50 франковъ за каждаго убитаго нѣмецкаго солдата, что подтверждается, впрочемъ, въ сообщеніи, сдѣланномъ однимъ лейтенантомъ запаса его родителямъ въ Лёйтенбергѣ: онъ пишетъ, что на одномъ убитомъ вольномъ стрѣлкѣ нашли открытку, въ которой французское правительство принимаетъ его въ вольные стрѣлки и ассигнуетъ ему пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ жалованья».

Было бы напрасно что-нибудь прибавлять къ этому.

Мы встрѣтили выраженіе «вольный стрѣлокъ». Оно у нѣмцевъ въ чрезвычайномъ ходу. Названіе «вольный стрѣлокъ» прилагали и къ отрядамъ, составленнымъ изъ людей, одѣтыхъ или въ мундиры, или въ простыя блузы, и къ отдѣльнымъ личностямъ, которыя якобы стрѣляли въ германскія войска. Сначала я буду говорить только о первыхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нѣмцы встрѣтили сражающихся людей, экипировка которыхъ была не такая, какъ у бельгійскихъ войскъ. Это были солдаты гражданской милиціи, о которыхъ я говорилъ выше.

Гражданская милиція, какъ говоритъ профессоръ П. Эррера въ своемъ «Учебникѣ бельгійскаго публичнаго права», была по-

рождена желаніемъ Національнаго Конгресса 1830 года установить гармонію между вооруженной силой и самымъ принципомъ правительства. Примѣры показывали, какое большое вліяніе исполнительная власть имѣла на регулярную армію, находящуюся въ рукахъ этой власти; конгрессъ нашелъ нужнымъ установить рядомъ съ арміей другую военную силу, которая, главнымъ образомъ, по способу набора личнаго состава и назначенія офицеровъ, являлась бы болѣе совершенной представительницей всей націи и въ которой конституціонныя свободы нашли бы защитницу какъ противъ внѣшнихъ, такъ и противъ внутреннихъ опасностей.

«Нужно создать противовѣсъ въ пользу страны,—говорилъ въ 1831 году докладчикъ центральной секціи парламента,—нужно, слѣдовательно, организовать военную силу, которая въ случаѣ надобности могла бы стать арміей для защиты нашихъ учрежденій (Докладъ 24 января 1831 года: Huyttens, «Discussions du Congrés national», т. IV, стр. 108).

Этимъ-то духомъ и были проникнуты смѣнявшіе другъ друга законы о гражданской милиціи, онъ же отразился и въ законѣ 9 сентября 1897 года, дѣйствующемъ нынѣ.

Роль гражданской милиціи опредѣляетъ статья 1-ая этого закона:

«На гражданской милиціи лежитъ обязанность слѣдить за поддержаніемъ порядка и законовъ, за сохраненіемъ національной независимости и неприкосновенности территоріи».

Роль гражданской милиціи во время войны была съ точностью указана во время подготовительныхъ работъ къ закону 1897 года. Военнымъ министерствомъ было, напримѣръ, указано, что на гражданской милиціи лежитъ вспомогательная служба арміи: гарнизонная служба въ крѣпостяхъ, различныя службы въ тылу арміи, охрана сообщеній между крѣпостной и полевой арміей и т. д.

Въ этомъ отношеніи она очень похожа на нѣмецкій ландштурмъ, роль котораго опредѣлена закономъ 11 февраля 1888 года, § 23-ій.

Кадры гражданской милиціи тождественны съ кадрами арміи; фактически ею командуютъ начальники, большинство которыхъ—бывшіе офицеры арміи. Значитъ, какъ изъ происхожденія гражданской милиціи, такъ и изъ характера ея роли слѣдуетъ, что она—одинъ изъ элементовъ вооруженной силы стра-

ны. Это, впрочемъ, констатируютъ всѣ, кто изучалъ бельгійское право.

Гражданская милиція бываетъ «активна» или «не активна». Она активна,—если не послѣдуетъ иныхъ распоряженій правительства—въ мѣстностяхъ, имѣющихъ больше 10.000 жителей и въ мѣстностяхъ укрѣпленныхъ или находящихся близъ крѣпости. Она не активна въ другихъ мѣстностяхъ; тѣмъ не менѣе, она можетъ королевскимъ указомъ быть обращена въ активную, если объ этомъ попроситъ коммунальный совѣтъ или если этой мѣры потребуютъ интересы общественнаго порядка и безопасности въ данной мѣстности (статья 4-ая закона).

Именно по случаю войны правительство нашло нужнымъ призвать гражданскую милицію на дѣйствительную службу: призванные такимъ образомъ гражданскіе милиціонеры должны были имѣть форму: синюю блузу, трехцвѣтную кокарду и такую же перевязь на рукѣ; они должны были носить оружіе открыто и въ своихъ дѣйствіяхъ сообразоваться съ законами и обычаями войны. Правительство распространило эту мѣру на агентовъ и служащихъ двухъ большихъ административныхъ учрежденій, которые носятъ мундиръ при исполненіи своихъ обязанностей и въ нормальное время,—на таможенныхъ служащихъ и на лѣсничихъ.

Эти рѣшенія строго соотвѣтствовали предписаніямъ гаагской конференціи, и бельгійское правительство поспѣшило о нихъ довести 8 августа до свѣдѣнія германскаго правительства черезъ дипломатическое посредничество испанскаго посланника въ Брюсселѣ.

Впослѣдствіи, по причинамъ, совершенно лишеннымъ международнаго значенія, эти рѣшенія частью были отмѣнены другими циркулярами: тѣмъ не менѣе, тамъ, гдѣ германскія войска встрѣчали милиціонеровъ, одѣтыхъ въ одну изъ описанныхъ формъ или въ блузу, они ни въ коемъ случаѣ не могли считать ихъ за вольныхъ стрѣлковъ или обращаться съ ними, какъ съ таковыми, ибо они вполнѣ отвѣчали четыремъ условіямъ, стоящимъ во главѣ приложеннаго къ гаагской конвенціи регламента (ст. 1-ая):

1) быть подъ начальствомъ лица, отвѣтственнаго за своихъ подчиненныхъ;

2) имѣть отличительный признакъ, постоянный и замѣтный издали;

3) носить оружіе открыто;

4) сообразоваться въ своихъ операціяхъ съ законами и обычаями войны.

На гравюрѣ, помѣщенной въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ, съ подписью «Война вольныхъ стрѣлковъ», изображаются гражданскіе милиціонеры, одѣтые въ блузы. Въ многочисленныхъ статьяхъ германской печати публику увѣряютъ, что въ Бельгіи дѣло дѣйствительно шло объ участіи въ сраженіи добровольной милиціи, которая безпрестанно тревожила нѣмецкія колонны и вела партизанскую войну.

Никогда, ни въ какой моментъ нельзя было констатировать подобныхъ фактовъ.

Но крайне энергичная кампанія германской прессы имѣла въ виду, главнымъ образомъ, другіе факты.

На что жаловались нѣмцы? Когда войска проходили черезъ деревни, въ нихъ будто бы стрѣляли изъ нѣкоторыхъ домовъ; когда колонны слѣдовали по большимъ дорогамъ, онѣ будто бы подвергались обстрѣлу изъ сосѣднихъ зарослей; когда отряды занимали какую-нибудь мѣстность, противъ нихъ будто бы внезапно открывался огонь изъ погребовъ и оконъ.

Вмѣсто того, чтобы приводить опредѣленные факты, пресса немедленно обобщила дѣло и изобразила его такъ, будто все населеніе извѣстныхъ мѣстностей вело партизанскую войну. На основаніи этихъ увѣреній нѣкоторые поклонники бельгійцевъ приписали имъ даже героизмъ, достойный древнихъ, который былъ бы въ полномъ противорѣчіи съ законами современной войны. (См., напримѣръ, Dimier, «L'appel des intellectuels allemands», стр. 108 и слѣд.)

Правда, бельгійская нація проявила храбрость, но не въ ущербъ своему достоинству: менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли болѣе 40.000 добровольцевъ, принадлежащихъ какъ къ самымъ высшимъ, такъ и къ самымъ низшимъ слоямъ общества, отвѣтили на горячій призывъ короля Альберта; забывъ всѣ разногласія, граждане крѣпко сплотились вокругъ трехцвѣтнаго знамени; въ цвѣтущихъ городахъ, какъ и въ бѣдныхъ деревняхъ, восторженно привѣтствовали солдатъ, которые, для нуждъ обороны страны, приходили взрывать мосты, сносить дома, опустошать поля, останавливать заводы, перегораживать дороги, выворачивать рельсы, открывать шлюзы. Вотъ какъ бельгійцы встрѣтили нѣмцевъ, а не выстрѣлами изъ-за угла.

Что же тогда разсказываютъ нѣмецкія газеты, какъ «Kölnische Zeitung» отъ 28 августа (№ 967), которая печатаетъ: «Нѣтъ больше ни одного бельгійца, который не былъ бы вольнымъ стрѣлкомъ!» Не осмѣлился ли Гербертъ Эйленбергъ написать въ своемъ отвѣтѣ Ромэну Роллану («Kölnische Zeitung», 17 сентября, № 1035):

«Съ перваго момента военныхъ дѣйствій въ Бельгіи начали противъ нѣмцевъ систематическую партизанскую войну. Бельгійцы повели себя, какъ парижскіе апаши, и героическій фламандскій левъ не имѣетъ ничего общаго съ шакалами теперешней Фландріи».

Гербертъ Эйленбергъ въ началѣ своей статьи рекомендуетъ себя, какъ представителя современной германской мысли («ein Vertreter des heutigen geistigen Deutschlands»). Неужели германская мысль, которая пролила въ сознаніе людей столько яснаго свѣта и принесла ему столько широкихъ идей, забылась до того, что начала клеветать на цѣлый народъ, даже не приводя въ подтвержденіе своихъ оскорбительныхъ обвиненій ни тѣни основаній? Каковы реальные факты, извѣстные Герберту Эйленбергу? Если онъ, не колеблясь, писалъ все это, то можно ли еще считать его мыслителемъ?

Неужели не дрожало перо въ рукѣ Макса Гохдорфа, когда онъ писалъ, что вольные стрѣлки, особенно многочисленные, по его мнѣнію, между Лувэномъ и Тирлемономъ, были крестьяне, мыслительныя способности которыхъ давно были разрушены алкоголизмомъ и религіознымъ фанатизмомъ («Berliner Tageblatt», 9 сентября). Максъ Гохдорфъ знаетъ меня,—у него была своя рабочая «келья» въ Институтѣ Сольвэ: онъ вѣдь мнѣ повѣритъ,—не правда ли?—когда я ему скажу, что я пораженъ тѣмъ, что онъ создаетъ легенду о бельгійцахъ-алкоголикахъ и фанатикахъ. Пусть онъ нанесетъ на карту Бельгіи тѣ большія пространства, гдѣ происходили пожары и опустошенія, единственнымъ предлогомъ для которыхъ были репрессіи противъ населенія: будетъ ли онъ продолжать утверждать, что вокругъ Льежа, что на югѣ Люксембурга, въ Динанѣ, въ Анденнѣ, въ Таминѣ населеніе состоитъ изъ алкоголиковъ и фанатиковъ? Развѣ онъ забылъ, что нѣкоторыя изъ этихъ мѣстностей являются центрами высшаго народнаго образованія и что, напримѣръ, въ Ваврѣ, гдѣ, какъ говоритъ, не приводя никакихъ доказательствъ, одинъ изъ его коллегъ изъ «Kölnische Zeitung»

(22 сентября, № 1050), происходили уличныя сраженія съ вольными стрѣлками, функціонируетъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ комитетовъ брюссельскаго University Extension?

Нѣмецкій соціалистическій депутатъ Р. Фишеръ тоже повторяетъ легенду о бельгійцахъ, невѣжественныхъ и фанатизированныхъ, въ своемъ письмѣ въ цюрихскомъ «Volksrecht» (5 сентября). Не думаетъ ли онъ, что придаетъ вопросу слишкомъ мелкій характеръ, утверждая, будто «населеніе было возбуждено священниками, опасавшимися потерять свои привилегіи»? Я могу удостовѣрить, что, слѣдуя спеціальнымъ инструкціямъ своихъ епископовъ, священники съ первыхъ же чиселъ августа мѣсяца въ своихъ проповѣдяхъ въ церкви призывали, съ одной стороны, къ исполненію патріотическаго долга поступленіемъ въ ряды арміи, а съ другой—къ полному невмѣшательству гражданскаго населенія въ какія бы то ни было военныя операціи.

Въ дѣйствительности совершенно достовѣрно, что не было никакого заранѣе подготовленнаго сопротивленія со стороны населенія. Оружіе было сдано коммунальнымъ властямъ; эти послѣднія повсюду предписывали полное спокойствіе; городскіе и деревенскіе жители, приведенные въ ужасъ неожиданно разразившимися надъ ними бѣдствіями, думали о чемъ угодно, только не о томъ, чтобы вести партизанскую войну.

Каково же въ такомъ случаѣ происхожденіе нѣмецкихъ утвержденій?

Перечитавъ нѣсколько разъ все, что писалось и въ томъ и въ другомъ направленіи, поговоривъ съ солдатами, участвовавшими въ кампаніи, и съ лицами, прибывшими изъ занятыхъ районовъ, я по зрѣломъ размышленіи пришелъ къ тому заключенію, что утвердившаяся теперь въ Германіи, какъ патріотическій символъ вѣры, увѣренность въ существованіи бельгійскихъ вольныхъ стрѣлковъ можетъ быть объяснена весьма различными обстоятельствами.

Во-первыхъ, были, несомнѣнно, отдѣльные, исключительные факты.

Друзья, которымъ я вполнѣ довѣряю, называли мнѣ, напримѣръ, двѣ мѣстности, гдѣ браконьеры прятались въ лѣсахъ или ночью подстерегали солдатъ, чтобы стрѣлять въ нихъ. Я не думаю опровергать это и прибавлю, что это могло произойти и въ другихъ мѣстахъ. Эти люди, которые вооружены не столько для того, чтобы стрѣлять дичь, сколько для того, чтобы за-

щищаться отъ лѣсниковъ и жандармовъ, могли ускользнуть отъ предупредительной и репрессивной регламентаціи, оставить у себя оружіе, когда было приказано его сдать, и нападать на войска, когда это было формально запрещено.

Затѣмъ были и просто недоразумѣнія.

По этому поводу я хотѣлъ бы попросить всѣхъ тѣхъ, кто въ Германіи и въ другихъ мѣстахъ вліяніемъ своего имени и своего общественнаго положенія поддерживалъ кампанію противъ чести бельгійскаго населенія,—я хотѣлъ бы, говорю я, попросить ихъ безпристрастно поразмыслить надъ слѣдующими фактами, достовѣрность которыхъ можно будетъ провѣрить во всякое время: они имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку показываютъ, съ одной стороны, съ какой осторожностью слѣдуетъ относиться къ предположеніямъ, что стрѣляли обыватели, и, съ другой,—съ какой легкостью могутъ происходить ошибки. Я не называю опредѣленныхъ именъ по соображеніямъ, которыя легко можно понять.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ на линіи желѣзной дороги изъ Брюсселя въ Монсъ подъ нѣмецкимъ поѣздомъ взрывается около Жюрбиза петарда, употребляемая для сигнализаціи пути. Солдаты въ поѣздѣ слышатъ выстрѣлъ и немедленно рѣшаютъ, что это—покушеніе вольныхъ стрѣлковъ. Они хватаютъ нѣсколькихъ работающихъ поблизости крестьянъ и тотчасъ же ихъ разстрѣливаютъ. Удается, однако, объяснить имъ происхожденіе выстрѣла; они выражаютъ сожалѣніе и продолжаютъ свой путь.

25 сентября чуть было не произошелъ подобный же трагическій случай въ одной деревнѣ въ Генегау. Отрядъ бельгійскихъ солдатъ-велосипедистовъ былъ посланъ за непріятельскія линіи, чтобы отрѣзать сообщеніе, разрушивъ нѣкоторыя сооруженія. Велосипедисты прячутся за кустами и переходятъ черезъ границу парка, принадлежащаго къ имѣнію г. Х., котораго я знаю лично. Паркъ расположенъ около желѣзнодорожнаго пути, который бельгійскіе солдаты должны испортить. Путь охраняли нѣмецкіе солдаты. Они удивлены выстрѣлами велосипедистовъ и въ виду того, что находятся болѣе чѣмъ въ 70 километрахъ отъ бельгійскихъ линій, думаютъ, что произошло покушеніе вольныхъ стрѣлковъ. Тотчасъ же г-на Х. арестуютъ. Его спасаетъ лишь знаніе нѣмецкаго языка, позволяющее ему объяснить, что произошло, и попросить, чтобы было произведено разслѣдованіе.

У дороги между Брюсселемъ и Термондомъ нѣсколько жандармовъ (жандармы принадлежатъ къ регулярной арміи) засѣли въ засаду за двумя фермами. Они поджидаютъ нѣмецкій патруль; онъ проходитъ; они стрѣляютъ, продолжая оставаться въ засадѣ. Нѣмецкіе солдаты замѣчаютъ, что стрѣляли изъ двухъ фермъ, и, немного времени спустя, поджигаютъ ихъ.

Такой же фактъ происходитъ около фламандскаго городка Варегемъ, съ той только разницей, что здѣсь дѣло идетъ объ отрядѣ солдатъ линейнаго полка, которые во время стрѣльбы пользовались домами какъ прикрытіемъ.

Въ періодъ времени между 29 сентября и 3 октября, расположенная на лѣвомъ берегу Шельды часть коммуны Ветеренъ была приспособлена для обороны, чтобы прикрывать пути отступленія для кавалерійской дивизіи, которая ежедневно производила развѣдки на правомъ берегу. Во второмъ этажѣ каждаго изъ домовъ, обращенныхъ фасадомъ къ Шельдѣ, изъ которыхъ большинство не было очищено жителями, было поставлено по пулемету; первый этажъ былъ занятъ пѣхотинцами гражданской милиціи. Если бы въ эти дни показался непріятель, его бы встрѣтили ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ; и если бы ему удалось пробиться, бельгійскіе солдаты могли бы убѣжать черезъ сады укрывавшихъ ихъ домовъ и вернуться въ Локеренъ или въ Гентъ черезъ Ларне или Дестельбергенъ, не будучи замѣченными нѣмцами. У этихъ послѣднихъ, навѣрное, сложилось бы впечатлѣніе, что сопротивленіе было организовано обывателями.

Во все время операцій подъ Антверпеномъ отряды бельгійскихъ солдатъ, безъ заранѣе обдуманнаго плана и предоставленные собственной иниціативѣ, вели съ германской арміей партизанскую войну. Прячась въ лѣсу или пользуясь темнотой ночи, солдаты небольшими группами пробирались какъ можно дальше впередъ, часто въ тылъ непріятельскихъ линій. Эти небольшія группы, состоявшія изъ людей рѣшительныхъ, мѣшали сообщеніямъ нѣмцевъ. Бельгійскій генеральный штабъ поощрялъ эти экспедиціи, которыя безпокоили непріятеля и совершенно сбивали его съ толку въ оцѣнкѣ нашихъ операцій.

Вообще тактика бельгійской арміи, столь уступавшей нѣмецкой въ численности, очень часто состояла въ томъ, чтобы утомлять врага безпрестанными нападеніями: въ арьергардѣ оставались многочисленные патрули; разсыпавшись по деревнямъ, черезъ

которыя проходили германскія войска, они должны были тревожить ихъ и потомъ присоединяться къ полку. Эта тактика сильно сбивала съ толку непріятеля; одинъ принадлежащій къ офицерскому корпусу нѣмецкій инженеръ, жившій въ Гентѣ у одного изъ монхъ знакомыхъ, выразилъ ему свое удивленіе: «Какъ странно ваша армія сражается,—сказалъ онъ ему однажды.—Вашихъ солдатъ нѣтъ тамъ, гдѣ предполагаютъ ихъ присутствіе, и они появляются тамъ, гдѣ ихъ не ожидаютъ. Иной разъ кажется, что отрядъ составляетъ авангардъ значительныхъ силъ; мы принимаемъ соотвѣтствующія мѣры и вдругъ замѣчаемъ, что это—только патруль, который исчезаетъ, когда мы двигаемся впередъ». Можно себѣ представить, какъ эта тактика должна была нервировать нѣмецкій командный составъ и способствовать распространенію увѣренности въ существованіи вольныхъ стрѣлковъ. Такъ какъ эти отряды дѣйствовали въ районахъ, которые нѣмцы предполагали вполнѣ очищенными отъ бельгійскихъ войскъ, то, хотя они и состояли изъ регулярныхъ бельгійскихъ солдатъ въ формѣ, непріятель часто считалъ себя жертвой вольныхъ стрѣлковъ.

Въ Арскотъ, въ самое утро разгрома города, нѣмцы вступили послѣ довольно серьезнаго сопротивленія со стороны одного бельгійскаго отряда; сраженіе происходило между 6 и 8 часами. Одинъ свидѣтель, бельгіецъ, показалъ передъ слѣдственной комиссіей, что послѣ полудня солдатъ, укрывавшійся въ одномъ домѣ, вышелъ оттуда съ ружьемъ въ рукахъ, оставивъ тамъ свой мундиръ и переодѣвшись въ штатское платье. Допустимъ, что онъ не былъ ни алкоголикъ, ни помѣшанный, и предположимъ, что сдѣланный, по увѣренію начальника германскаго отряда, выстрѣлъ произвелъ онъ; развѣ можно поступокъ одного человѣка вмѣнять въ вину цѣлому населенію?

Въ Динанѣ, по словамъ корреспондента «Berliner Tageblatt» (26 сентября), ночью жители якобы стрѣляли въ нѣмецкія войска; «ихъ, впрочемъ,—говоритъ корреспондентъ,—поддерживали французскіе солдаты, спрятавшіеся въ нѣкоторыхъ домахъ». Спрашивается, какъ можно было ночью различить, что изъ оконъ дѣйствительно стрѣляли жители, а не французскіе солдаты?

Въ Таминѣ были поставлены пулеметы въ двухъ домахъ, стоящихъ надъ мостомъ черезъ Самбру; тамъ спрятались французскіе солдаты; не подумали ли нѣмецкія войска, что стрѣляли

жители, и—какъ знать?—не явилась ли постигшая городокъ ужасная участь результатомъ подобнаго недоразумѣнія?

Наконецъ, вотъ два факта, которые я не хотѣлъ бы обобщать, но которые имѣютъ тѣмъ не менѣе документальное значеніе: въ рядахъ германской арміи, такъ же какъ и другихъ, могутъ находиться сомнительныя личности, для преступныхъ дѣйствій которыхъ война создаетъ благопріятныя условія.

Въ одномъ валонскомъ городѣ арестуютъ бургомистра за то, что выстрѣломъ былъ убитъ нѣмецкій офицеръ; обвиняютъ жителей. «Разстрѣляйте меня,—отвѣчаетъ бургомистръ,—но я требую, чтобы предварительно было произведено вскрытіе жертвы». Въ трупѣ находятъ нѣмецкую пулю.

Въ Эрвъ во время сценъ пожаровъ и разгрома, бѣдственныя послѣдствія которыхъ были описаны въ «Kölnische Zeitung» отъ 10 сентября (№ 1009), г-жа У., дама лѣтъ 50-ти, тетка одного изъ моихъ коллегъ по брюссельскому университету, видѣла изъ окна, какъ одинъ нѣмецкій унтеръ-офицеръ выстрѣлилъ изъ револьвера изъ окна сосѣдняго дома, затѣмъ онъ опрометью сбѣжалъ съ лѣстницы и закричалъ солдатамъ: «Отсюда стрѣляли!»

Я уже сказалъ, почему привелъ всѣ эти эпизоды: только для того, чтобы показать, какъ среди безчисленныхъ событій повседневной жизни могутъ происходить незначительныя обстоятельства, которыя порождаютъ роковыя недоразумѣнія.

Затѣмъ не надо забывать, что обыкновенно не производится никакого слѣдствія: виновность устанавливается, такъ сказать, обязательнымъ порядкомъ и наказаніе приводятъ въ исполненіе немедленно,—«sofort», по повторяющемуся постоянно выраженію нѣмецкихъ сообщеній,—т.-е. при этомъ не дается времени на то, чтобы разъяснить возможныя смѣшенія и установить дѣйствительную отвѣтственность.

Такъ, по поводу Лувэна въ одной нѣмецкой телеграммѣ говорится («Kölnische Zeitung», № 967, 28 августа):

«Движеніе было подавлено немедленно (sofort) и наказаніе было безпощадно (unerbittlich)».

Корреспондентъ этой же газеты (№ 968) разсказываетъ, что онъ только что узналъ въ Намюрѣ:

«Какъ-то вдругъ съ Grand' Place открылся жестокій огонь по нашимъ войскамъ. Въ виду того, что этого не могъ сдѣлать одинъ фанатикъ, мы тотчасъ поспѣшили (alsbald eröilt) пока-

рать это по заслугамъ: площадь была подожжена съ двухъ сторонъ».

Говоря о Таминѣ, другой корреспондентъ пишетъ 10 сентября въ «Kölnische Zeitung» (№ 1009):

«Тогда, вслѣдствіе того, что нельзя было найти тѣхъ, кто стрѣлялъ, бѣшенство нашихъ войскъ обратилось противъ городка: онъ былъ безпощадно преданъ огню и обратился въ груду развалинъ».

Свидѣтельскія показанія, собранныя «бельгійской слѣдственной комиссіей относительно нарушенія нормъ международнаго права», подтверждаютъ эти разсказы, идущіе изъ германскаго источника. Въ третьемъ докладѣ я нахожу, напримѣръ (стр. 2):

«Случайно встрѣченные жители были арестованы и разстрѣляны безъ суда, безъ видимой причины».

Иногда даже, какъ въ несчастномъ городѣ Арскотѣ, жертвы назначались по жребію. Я выписываю слѣдующій отрывокъ изъ 4-го доклада, написаннаго человѣкомъ, чьи показанія не придетъ въ голову оспаривать никому изъ тѣхъ, кто его знаетъ,— г. Ортсомъ, совѣтникомъ посольства:

«Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ я нашелъ у подножья откоса мѣсто, гдѣ пали эти жертвы. Сгустки почернѣвшей крови видны были еще на жнивьѣ, указывая, кто гдѣ стоялъ въ моментъ разстрѣла. Эти слѣды находятся на разстояніи двухъ метровъ другъ отъ друга. Это подтверждаетъ показанія свидѣтелей, по словамъ которыхъ палачи въ послѣднюю минуту приказали, чтобы изъ каждыхъ троихъ схваченныхъ вышли впередъ по два человѣка, и, такимъ образомъ, за отсутствіемъ слѣдствія жребій рѣшилъ, кто долженъ умереть».

Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы при такихъ условіяхъ командирамъ войскъ было мыслимо отличить кажущіяся причины отъ дѣйствительныхъ, простыя совпаденія отъ фактовъ, имѣющихъ рѣшающее значеніе? И не ясно ли, какое удивительное стеченіе исключительныхъ обстоятельствъ требуется для того, чтобы добиться элементарной справедливости?

Наконецъ, не надо забывать главнаго: въ германской арміи солдатъ, унтеръ-офицеръ, офицеръ приготовлены къ войнѣ въ постоянной мысли о вооруженномъ обывателѣ, въ постоянномъ опасеніи вольнаго стрѣлка. Мнѣ разсказывали о нѣсколькихъ нѣмецкихъ солдатахъ въ Генегау, которые по-французски знали только: «civils ont tiré»; одинъ запасный 137 пѣхотнаго полка

въ своей записной книжкѣ 29 августа два раза упоминаетъ о «fradiroer» (franc-tireur): офицеры, повидимому, систематически развиваютъ у солдатъ «нѣчто въ родѣ спеціальнаго гипноза»,— писалъ по этому поводу въ «Temps» профессоръ Озе (Hauser). Офицеръ и солдатъ какъ бы ожидаютъ выстрѣловъ со стороны обывателей. Всѣ ихъ впечатлѣнія сосредоточиваются вокругъ одной центральной, тревожащей ихъ мысли: вольный стрѣлокъ.

Стоитъ только въ отрядѣ солдатъ, живущемъ этой мыслью, возникнуть инцидентамъ, возбуждающимъ умы и благопріятствующимъ распространенію волненія,—и тотчасъ же оказываются налицо всѣ элементы трагическаго недоразумѣнія. Нельзя не обратить вниманія на фактъ, указанный многими наблюдателями, главнымъ образомъ, во время дачи показаній передъ бельгійской слѣдственной комиссіей, что репрессіи за «выстрѣлы обывателей» часто происходили или послѣ пораженія германскихъ войскъ въ стычкахъ съ бельгійскими, или же въ районахъ, гдѣ нѣмцы встрѣчали сопротивленіе, вызывавшее въ нихъ неудовольствіе и возстановлявшее ихъ противъ населенія. Я слышалъ такое объясненіе разницы между сѣверной и южной частями люксембургской провинціи: на югѣ много разрушенныхъ и выжженныхъ деревень: тамъ французскія войска противились движенію впередъ нѣмецкой арміи, между тѣмъ какъ на сѣверѣ это движеніе не встрѣчало сопротивленія.

Одинъ корреспондентъ «Kölnische Zeitung» (№ 1035, 17 сентября) самъ указалъ на контрастъ между сосѣдними районами, изъ которыхъ одинъ былъ пощаженъ, а другой опустошенъ. Онъ дѣлаетъ заключеніе, что разница въ обращеніи вызвана была тѣмъ, что жители сами по-разному относились къ нѣмцамъ; это—очень смѣлое заключеніе, такъ какъ всѣ прочія условія, очевидно, далеко неравны. Къ тому же такой контрастъ замѣчается не только между сосѣдними крупными районами, но и между мѣстностями, лежащими на очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Предположить, что въ одномъ мѣстѣ населеніе проявило рѣзкую враждебность, а въ другомъ полное миролюбіе и любезность, было бы противно здравому смыслу, и поэтому въ этомъ контрастѣ можно скорѣй найти подтвержденіе вѣроятности другихъ объясненій. Какъ бы то ни было, это, по признанію самихъ нѣмецкихъ корреспондентовъ, исключаетъ гипотезу общаго и организованнаго вооруженнаго сопротивленія со стороны гражданскаго населенія.

Слѣдовательно, когда четверо американскихъ журналистовъ послѣ путешествія по Бельгіи 3 сентября подписываютъ заявленіе, въ которомъ они подъ честнымъ словомъ утверждаютъ, что не могутъ указать ни одного случая ничѣмъ не вызванныхъ репрессій (брошюра № 3, изд. «Bureau des Deutschen Handelstages»), они совершенно не способствуютъ рѣшенію вопроса, дѣйствительно ли бельгійское населеніе организовало вооруженное сопротивленіе. Разумѣется, по мнѣнію тѣхъ, кто предписывалъ производить репрессіи, онѣ имѣли свое основаніе. Другой вопросъ, имѣли ли онѣ его въ дѣйствительности.

«Несомнѣнно доказано,—писалъ профессоръ Штиръ-Шомло въ «Kölnische Zeitung» (№ 977, 1 сентября),—что въ Бельгіи гражданское населеніе стрѣляло изъ засады, изъ домовъ, изъ погребовъ, изъ оконъ, изъ-за изгородей въ нѣмецкихъ солдатъ, даже въ транспорты съ ранеными и въ докторовъ, что оно нѣсколькихъ изъ нихъ убило и что нашихъ храбрыхъ солдатъ оно обливало кипящимъ масломъ».

Я привыкъ къ большей точности въ научной документаціи и въ аргументаціи со стороны моего коллеги и не сомнѣваюсь, что онъ первый потребуетъ доказательствъ, которыхъ требуетъ логика для того, чтобы привести къ увѣренности, не допускающей сомнѣній. Въ частности я надѣюсь, что убѣжденіе относительно кипящаго масла сложилось у него не на основаніи разсказа одного голландскаго журналиста о дѣйствіяхъ населенія Герсталя около Льежа: мужчины, женщины и дѣти,—повѣствовалъ онъ,—кинулись на германскія войска; въ нихъ кидали, чѣмъ только было можно; лили кипящее масло; въ виду этого мѣстечко подверглось страшному разгрому. Вскорѣ послѣ опубликованія этого ужасающаго описанія стало извѣстно изъ офиціальныхъ источниковъ, что въ Герсталѣ не произошло ничего, рѣшительно ничего, и что въ дѣйствительности не было и тѣни репрессій

Я не хочу больше объ этомъ распространяться и считаю возможнымъ сдѣлать заключеніе, что хулителямъ бельгійскаго народа не хватаетъ, по меньшей мѣрѣ, самаго элементарнаго критическаго чувства.

Новое доказательство этого я нахожу въ нѣмецкой брошюрѣ, которую я получилъ какъ разъ въ то время, когда поправлялъ корректуру этой книги: это одно изъ безчисленныхъ пропагандистскихъ изданій, которыя продолжаютъ выходить по-

всюду въ Германіи. Эта брошюра вышла въ Лейпцигѣ у Церфельда и озаглавлена: «Die Belgischen Greueltaten» (Бельгійскія звѣрства), съ подзаголовкомъ: «Amtliche und glaubenswürdige Berichte» (Офиціальныя и достовѣрныя сообщенія); подзаголовокъ нужно понимать такъ, что нѣкоторые изъ переданныхъ фактовъ заимствованы изъ офиціальныхъ источниковъ, другіе—изъ источниковъ, достойныхъ довѣрія. Цѣль брошюры, повидимому, сдѣлать нѣчто въ родѣ сводки наиболѣе характерныхъ разсказовъ о жестокостяхъ, въ которыхъ обвиняютъ бельгійское населеніе. Спеціальная глава посвящена, разумѣется, партизанской войнѣ.

Что же заключаютъ въ себѣ эти страницы?

Въ трехъ изъ опубликованныхъ разсказовъ говорится о жестокомъ обращеніи, которому гражданское населеніе будто бы подвергало нѣмецкихъ солдатъ послѣ сраженія; объ этомъ вопросѣ я буду говорить въ слѣдующемъ параграфѣ. Здѣсь же я остановлюсь лишь на заявленіяхъ, касающихся участія гражданскаго населенія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Авторы семи изъ этихъ разсказовъ—журналисты (Готфридъ Траубъ и военные корреспонденты: «B. Z. am Mittag», «Berliner Lokal-Anzeiger», «Leipziger Neueste Nachrichten», «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», «Leipziger Tageblatt»), которые, по ихъ собственному признанію, не были свидѣтелями передаваемыхъ фактовъ; они, вдобавокъ, совершенно не указываютъ источниковъ, изъ которыхъ черпали свои свѣдѣнія; слѣдовательно, эти семь разсказовъ совершенно неубѣдительны.

То же нужно сказать и о шести другихъ заявленіяхъ, сдѣланныхъ якобы очевидцами; но эти послѣдніе обозначены такъ неопредѣленно (одинъ доминиканецъ, двѣ шведки, четыре солдата), что никакая провѣрка невозможна; слѣдуетъ къ тому же замѣтить, что для большинства сообщаемыхъ фактовъ разсказчики не указываютъ даже мѣста, гдѣ произошли эти факты.

Остается, наконецъ, одно заявленіе, авторъ котораго объявляетъ свое имя и провѣрка котораго, слѣдовательно, возможна. Оно было сдѣлано во «Frankfurter Zeitung» адвокатомъ Александромъ Бергомъ и относится къ разрушенію города Анденъ. Г. Бергъ утверждаетъ, что ночное нападеніе, жертвой котораго стала его рота, когда проходила черезъ Анденъ, было дѣломъ вольныхъ стрѣлковъ, но онъ не указываетъ ни одного факта, который оправдывалъ бы это утвержденіе, и исключаетъ

предположеніе—не менѣе, однако, правдоподобное,—что нападающіе были бельгійскіе солдаты, а не обыватели.

Дальше будетъ видно, какъ совсѣмъ недавнее опроверженіе германскихъ властей противорѣчитъ главнѣйшимъ пунктамъ разсказа г. Берга.

Таково въ итогѣ содержаніе брошюры.

Не очевидно ли, что взводимыя на бельгійское населеніе обвиненія были приняты въ Германіи съ непростительной готовностью?

2. Обращеніе съ ранеными.

Обвиненіе относительно обращенія съ ранеными, заключавшееся въ полной упрековъ нотѣ отъ 14 августа, было повторено еще два раза при офиціальной обстановкѣ.

6 сентября имперскій канцлеръ сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе представителямъ большихъ американскихъ агентствъ «United Press» и «Associated Press»:

«Чего вамъ не говорятъ, это, что на полѣ битвы бельгійскія дѣвушки выкалывали глаза нашимъ раненымъ».

Такимъ образомъ, одно изъ наиболѣе высокопоставленныхъ лицъ Германіи принимало и покрывало своимъ именемъ позорное обвиненіе, которое подхватила вся пресса. Еще болѣе того: ссылаясь на это обвиненіе, германское правительство отказало дочери героя льежской арміи, генерала Лемана, храбрость котораго должна была признать германская нота 9 августа, въ разрѣшеніи повидаться съ ея больнымъ отцомъ, находившимся въ плѣну въ Германіи.

«Такое разрѣшеніе,—писали въ письмѣ, посланномъ г-жѣ Леманъ,—жестоко оскорбило бы чувство германскаго народа, такъ какъ достовѣрные свидѣтели утверждаютъ, что обращеніе съ германскими ранеными и военноплѣнными находилось въ противорѣчіи съ международнымъ правомъ и было постыдно съ точки зрѣнія цивилизаціи».

Для того, чтобы смутить этихъ «достовѣрныхъ свидѣтелей», я могъ бы сослаться на «Kölnische Volkszeitung» или на «Vorwärts», которые въ статьяхъ, находящихся у меня передъ глазами, должны были признать, что факты, считавшіеся установленными, были въ дѣйствительности чистѣйшей выдумкой. (См., напримѣръ, «Vorwärts» съ 22 октября, рубрику «Das Märchen von den ausgestochenen Augen», «Легенда о выколотыхъ гла-

захъ», введенную этой газетой для помѣщенія показаній нѣмцевъ, опровергающихъ поступки, въ которыхъ упрекаютъ бельгійцевъ.)

Я могъ бы прибавить также, что первые раненые нѣмцы, поднятые на полѣ битвы въ Бельгіи, по просьбѣ самой королевы были, какъ и первые раненые бельгійцы, отправлены въ лазаретъ королевскаго дворца.

Но и тутъ я предпочитаю предоставить слово документу, основывающемуся на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ самими нѣмцами.

У меня есть на что здѣсь опереться. Въ Германіи были учреждены, для разслѣдованія жестокостей, приписываемыхъ воюющимъ сторонамъ, двѣ офиціальныхъ комиссіи, дѣйствующихъ отдѣльно,—одна гражданская, другая—военная.

Что касается вопроса о выколотыхъ глазахъ, то было сказано, что во всѣхъ случаяхъ, когда такіе факты были указаны въ газетахъ или въ частныхъ донесеніяхъ, отыскивали и выслушивали свидѣтелей. Въ гражданской комиссіи заявили, что во многихъ, чтобы не сказать почти во всѣхъ, случаяхъ свидѣтели признались, что знали о фактахъ только по наслышкѣ; другіе признали себя некомпетентными и не явились. Выводъ, къ которому пришли, былъ тотъ, что фактъ, будто бельгійскія женщины выкалывали глаза раненымъ или плѣннымъ, что этотъ фактъ ни въ одномъ случаѣ не былъ установленъ офиціально.

Эта легенда, какъ объясняютъ, явилась слѣдствіемъ того обстоятельства, что у многихъ раненыхъ глаза были выбиты кусками металла изъ шрапнелей, осколки которыхъ, разлетаясь на высотѣ человѣческаго роста, очень часто попадаютъ въ глаза.

Несмотря на эти твердо обоснованныя заявленія, легенда продолжаетъ существовать; но въ офиціальныхъ кругахъ факты жестокостей, въ которыхъ упрекаютъ бельгійцевъ, категорически опровергнуты. По этому поводу гражданская комиссія высказалась вполнѣ опредѣленно и единогласно.

Военная комиссія пришла къ тому же заключенію. Она еще не опубликовала своего доклада офиціально, и поэтому ея заявленія были сдѣланы съ нѣкоторыми оговорками и въ видѣ предварительныхъ сообщеній, имѣющихъ совершенно частный характеръ.

Мы видимъ, что́ остается отъ смѣлыхъ утвержденій германскихъ властей и прессы. Несчастье въ томъ, что въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ дифамація дѣлала свое злое дѣло и что на нашихъ глазахъ продолжаетъ проявляться ея вредное вліяніе.

3. Обращеніе съ иностранцами.

Если вѣрить нотѣ 14 августа и съ достойной сожалѣнія настойчивостью комментирующей ее прессѣ, проживавшіе въ Бельгіи нѣмцы якобы подвергались въ моментъ отъѣзда безчеловѣчному обращенію со стороны жителей большихъ городовъ, а именно Брюсселя и Антверпена. (См., напримѣръ, «Kölnische Zeitung», №№ 896, 900, 901, 937, 948.) Впрочемъ, и австрійцы якобы не избѣжали народной мести, до такой степени, что Австро-Венгрія нашла возможнымъ оправдать объявленіе 28 августа войны Бельгіи тѣмъ фактомъ, что «находившіеся въ Бельгіи австрійскіе и венгерскіе подданные на глазахъ властей королевства подвергались обращенію, противному самымъ элементарнымъ требованіямъ человѣчности и недопустимому даже по отношенію къ подданнымъ враждебныхъ государствъ».

Дальше читатель найдетъ заявленіе, которое одинъ нѣмецъ по собственной иниціативѣ послалъ 10 сентября въ «Kölnische Volkszeitung» (№ 799). Я привожу всѣ подробности, такъ какъ онѣ прекрасно показываютъ, съ одной стороны, полную въ общемъ корректность поведенія населенія и безупречность мѣръ, принятыхъ бельгійскими властями, а съ другой—неизбѣжные эксцессы со стороны той части населенія, которая всегда готова устраивать бурныя манифестаціи. Что были побитыя окна и вдребезги разбитыя вывѣски-рекламы нѣмецкаго пива; что нѣкоторыхъ прохожихъ преслѣдовали враждебными криками и даже помяли,—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но это были отдѣльныя выступленія, которыя полиція подавляла съ большой суровостью, бельгійскіе суды наказывали и, кромѣ того, всѣ осуждали. Я предоставляю слово корреспонденту «Kölnische Volkszeitung»:

«За послѣднія двѣ недѣли германская пресса была полна разсказовъ о жестокостяхъ, совершонныхъ бельгійцами надъ нашими соотечественниками, и можно было бы подумать, что вся Бельгія—обширный разбойничій притонъ, изъ котораго нѣмцы могли уходить живыми лишь благодаря особенно счастливой случайности.

«Авторъ этихъ строкъ ничуть не думаетъ сомнѣваться въ правдивости многочисленныхъ приведенныхъ фактовъ. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ въ центрѣ Брюсселя чернь, возмущенная извѣстіемъ о первой германской нотѣ, выражала свой

гнѣвъ нападеніемъ на нѣмецкіе рестораны или магазины. Ему извѣстно, что нѣмцы подвергались весьма дурному обращенію. Онъ совершенно не намѣренъ оправдывать ни одинъ изъ этихъ фактовъ. Онъ желаетъ лишь заявить, что всѣ эти эксцессы производились безпорядочной бандой, состоявшей изъ подонковъ народа.

...«Авторъ этого разсказа долженъ былъ съ своей семьей покинуть Брюссель въ пятницу 7 августа, рано утромъ. Мы должны были провести ночь съ четверга на пятницу въ нѣмецкомъ консульствѣ, которое уже находилось подъ покровительствомъ американскаго. Около трехъ тысячъ моихъ соотечественниковъ, забравъ съ собой нѣкоторые наиболѣе необходимые предметы, отправились туда со своими женами и дѣтьми для того, чтобы спасти свою жизнь отъ опасностей и быть отправленными на родину подъ покровительствомъ офиціальнаго учрежденія.

«Я встрѣтилъ тамъ много семей изъ-за границы, которыя убѣжали съ французской границы и уже два дня и двѣ ночи провели, не раздѣваясь, и которыхъ кормили самымъ неудовлетворительнымъ образомъ. Въ страшной тѣснотѣ мы сидѣли въ нѣмецкомъ консульствѣ на полу, въ коридорахъ и на лѣстницахъ. Вѣроятно, вслѣдствіе того, что скопленіе такого большого количества народа въ сравнительно небольшомъ и, слѣдовательно, плохо освѣщенномъ домѣ представляло серьезную опасность, около полуночи было рѣшено перевести насъ въ королевскій циркъ. Это большое, очень просторное зданіе, съ хорошей вентиляціей; оно находится въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ консульства и принадлежитъ городу. Въ то время, какъ насъ вели, такъ же, какъ и потомъ, въ самомъ циркѣ, и на другой день на зарѣ во время пути на вокзалъ насъ стерегли солдаты гражданской милиціи, которые вели себя такъ внимательно, что являлось впечатлѣніе, будто имъ было поручено не стеречь, а охранять насъ. Всѣ эти безчисленные бѣженцы съ женщинами и дѣтьми представляли, разумѣется, плачевное зрѣлище и, несмотря на ранній часъ, до насъ долетали сочувственныя восклицанія жителей столицы изъ оконъ домовъ. Солдаты проявляли не меньшее сочувствіе—среди нихъ не было ни одного, чье лицо, слова, жесты не выражали бы человѣческой жалости. Многіе гражданскіе милиціонеры помогали несчастнымъ, неся ихъ чемоданы или дѣтей. Въ два часа ночи самъ бургомистръ Максъ пріѣхалъ на автомобилѣ, чтобы лично убѣдиться, что все въ по-

рядкѣ. Въ циркѣ опять-таки солдаты занимались дѣтьми, раздавая молоко и пищу. Одинъ очевидецъ разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ они устраивали складчину въ пользу одной бѣдной семьи. Одинъ мой знакомый офицеръ, который тутъ дежурилъ, не оставлялъ меня въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока я не довѣрилъ ему свою жену и дѣтей, чтобы на время ожиданія въ циркѣ отвести ихъ въ его квартиру, находившуюся поблизости. Солдаты, которымъ было поручено удостовѣриться, нѣтъ ли въ вещахъ бѣженцевъ оружія, всячески старались хоть съ грѣхомъ пополамъ говорить по-нѣмецки. Однимъ словомъ, всякій дѣлалъ, что могъ, чтобы помочь бѣженцамъ». (См. также «Kölnische Zeitung» отъ 10 августа, въ которой есть подобный же разсказъ.)

Это правдивое искреннее повѣствованіе вполнѣ подтверждаетъ то, что̀ извѣстно мнѣ и извѣстно всѣмъ. Однако въ брошюрѣ, о которой я уже говорилъ, «Die Belgischen Greueltaten», написано (стр. 14), что въ Брюсселѣ между 6 и 8 августа двѣ женщины были до такой степени избиты, что одна изъ нихъ умерла; двоихъ дѣтей отъ трехъ до пяти лѣтъ на двухъ разныхъ улицахъ выбросили со второго этажа и одного изъ нихъ послѣ этого убили; наконецъ, нѣсколькимъ мужчинамъ выкололи глаза и отрѣзали уши, а одному лѣснику распороли животъ. Точно такъ же въ Антверпенѣ содержатель гостиницы Веберъ былъ убитъ.

Все это—неправда.

Въ Антверпенѣ, напримѣръ, офиціальнымъ слѣдствіемъ, производившимся чинами прокурорскаго надзора, было установлено, что никакихъ насилій не было совершено ни надъ нѣмцами, ни надъ австрійцами ни 6 августа, ни въ другіе дни, и еще недавно мнѣ было сообщено, что владѣлецъ гостиницы Веберъ, напримѣръ, находится въ Голландіи въ добромъ здоровьи.

Тѣмъ не менѣе авторовъ—къ тому же не объявившихъ своего имени—этой пропагандистской брошюры слѣдуетъ упрекать не за неточность или преувеличенность свѣдѣній: они сами, навѣрное, черпали опубликованные ими разсказы изъ различныхъ источниковъ. Ихъ ошибка въ томъ, что они забыли, что страсть или внушеніе обыкновенно способствуютъ искаженію и преувеличенію впечатлѣній, испытанныхъ во время паники; ихъ вина—непростительная—въ томъ, что они подъ офиціальнымъ покровомъ распространяютъ такія невѣрныя свѣдѣнія и пользуются ими для того, чтобы возбуждать непріязнь между людьми и разжигать ненависть между народами.

* * *

Я счелъ нужнымъ разобрать три категоріи обвиненій, систематическое распространеніе которыхъ имѣло то плачевное послѣдствіе, что сейчасъ въ значительной части центральной Европы населеніе моей родины, такое честное, трудолюбивое, гостепріимное, добродушное, подверглось культурной опалѣ со стороны общественнаго мнѣнія и, такимъ образомъ, къ незаслуженнымъ бѣдствіямъ, навлеченнымъ на Бельгію германскимъ нашествіемъ, для націи прибавилась еще моральная пытка отъ сознанія, что на нее клевещутъ и позорятъ ея имя.

Но я могъ бы и не входить въ эти тягостныя пренія.

Ибо, если война велась въ Бельгіи такъ, какъ это у всѣхъ передъ глазами, *то не въ возмездіе за якобы совершонныя ею преступленія: всѣ эти ужасы производились по Кодексу,—согласно предписаніямъ того особаго военнаго кодекса, который создала себѣ Германія.*

Дѣйствительно, хотя Германія и присоединилась къ международнымъ конвенціямъ, подписаннымъ въ Гаагѣ въ 1899 году и подтвержденнымъ въ 1907, она все-таки сохранила цѣлый рядъ правилъ веденія войны, которыя какъ по духу, такъ и по тексту значительно отличаются отъ правилъ, провозглашенныхъ Гаагской конвенціей, получившей названіе хартіи международнаго права во время войны.

Этотъ-то военный германскій кодексъ я и хочу здѣсь разсмотрѣть. Дѣйствительно, важно показать, что возмутившіе общественную совѣсть факты, происшедшіе во время военныхъ дѣйствій въ Бельгіи, не случайны; они не зависятъ отъ лицъ, времени или мѣста, а являются слѣдствіемъ системы, доктрины; они были таковы, каковы и должны были быть соотвѣтственно этой системѣ, этой доктринѣ.

Въ Германіи существуетъ руководство «Правила сухопутной войны» (Kriegsbrauch im Landkriege). Это руководство, относящееся къ 1902 году, было издано исторической секціей генеральнаго штаба арміи въ серіи трудовъ, рекомендуемыхъ офицерамъ. Слѣдовательно, какъ вѣрно замѣчаетъ переводчикъ руководства, Поль Карпантье, мы имѣемъ право видѣть въ немъ какъ бы теорію, непосредственно и офиціально исходящую отъ военнаго начальства.

При внимательномъ чтеніи этого кодекса слагается совершенно

опредѣленное впечатлѣніе: генеральный штабъ германской арміи противится современной тенденціи сдерживать разнуздывающіяся во время войны страсти въ извѣстныхъ границахъ, указываемыхъ требованіями права и гуманности.

Съ первыхъ же страницъ руководства истинный характеръ войны противопоставляется представленію о ней, сложившемуся въ современномъ сознаніи (стр. 6 и 7):

«Въ виду того, что моральныя тенденціи XIX вѣка направлялись, главнымъ образомъ, гуманитарными соображеніями, которыя довольно часто вырождались въ чувствительность, если не въ сантиментальность, было сдѣлано немало попытокъ направить эволюцію обычаевъ войны по пути, совершенно противорѣчащему самой природѣ и цѣлямъ этой послѣдней, и въ будущемъ намъ, конечно, надо ждать новыхъ подобныхъ стараній, тѣмъ болѣе, что они уже нашли себѣ нравственное признаніе въ Женевской конференціи и Брюссельской и Гаагской конвенціяхъ.

«Самъ офицеръ—сынъ своего времени; чѣмъ онъ культурнѣе, тѣмъ болѣе его увлекаютъ волнующія его страну нравственныя теченія. Слѣдовательно, для него можетъ явиться опасность поддаться ложнымъ представленіямъ о цѣляхъ, присущихъ войнѣ, и опасность эта можетъ быть парализована лишь основательнымъ изученіемъ самой войны. Изученіе исторіи войнъ предохраняетъ его отъ вліянія преувеличенно гуманныхъ идей».

Нѣсколько разъ въ руководствѣ говорится о рѣзкомъ противорѣчіи между взглядами профессоровъ международнаго права и военныхъ (стр. 44):

«Всѣ претензіи профессоровъ международнаго права,—читаемъ мы между прочимъ по поводу одного спеціальнаго пункта,—должны быть рѣшительно отвергнуты, какъ находящіяся въ противорѣчіи съ принципами войны» (стр. 48).

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ еще:

«Требованія, выставляемыя въ этомъ отношеніи нѣкоторыми изъ профессоровъ международнаго права, совершенно противорѣчатъ потребностямъ войны и должны быть отвергнуты военными» (стр. 44 и 45).

По поводу одного спеціальнаго вопроса руководство воспроизводитъ также характерное мѣсто изъ одного нѣмецкаго учебника военнаго права, которому предпосылается нѣсколько строкъ, гдѣ еще разъ отмѣчается это противорѣчіе (стр. 36 и 37).

«Что касается этого мнѣнія, то нужно замѣтить, что многіе профессора международнаго права по гуманитарнымъ соображеніямъ оспариваютъ его. Однако принять ихъ мнѣніе въ принципѣ и распространить на всѣ случаи значило бы проявить непониманіе значенія и важности права войны,—непониманіе, которое вытекало бы изъ свойственной людямъ чувствительности, понятной, разумѣется, но преувеличенной и необоснованной. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что здѣсь нужно думать прежде всего о потребностяхъ войны и безопасности государства».

Наконецъ, въ слѣдующихъ фразахъ, помѣщенныхъ юристами генеральнаго штаба уже во введеніи (стр. 3) въ ихъ трудъ, ясно выражается общій принципъ, который, по смыслу нѣмецкаго кодекса, долженъ руководить всякой современной войной.

«Война, при энергичномъ ея веденіи, не можетъ быть обращена исключительно противъ сражающагося врага и принятыхъ имъ мѣръ защиты, но она будетъ и должна быть направлена также и къ уничтоженію его матеріальныхъ и нравственныхъ рессурсовъ. Вопросъ о гуманитарныхъ соображеніяхъ, какъ, напримѣръ, объ осторожномъ отношеніи къ людямъ и къ имуществу, можетъ подниматься лишь въ томъ случаѣ, если это не противорѣчитъ характеру и цѣли войны».

Это ясно и опредѣленно. Въ соображеніе принимается только цѣль войны.

Военному праву германскій кодексъ противопоставляетъ требованія военной необходимости (стр. 3). Столь же произвольныя, какъ и пресловутыя «требованія государственной необходимости», они считаются лишь съ планомъ, который поставила себѣ воюющая страна. Они позволяютъ «употреблять всѣ средства, которыя могутъ помочь достигнуть цѣли войны (стр. 3). Правда, на практикѣ это правило допускаетъ нѣкоторыя ограниченія», но эти послѣднія вызываются главнымъ образомъ «личнымъ интересомъ того, кто дѣйствуетъ» (стр. 3), «пониманіемъ собственнаго интереса» (стр. 4), къ которому можно прибавить «рыцарскій и христіанскій духъ, а также и прогрессъ цивилизаціи» (стр. 4).

Не слѣдуетъ, впрочемъ, заблуждаться: эти ограниченія вовсе не образуютъ собой чего-нибудь въ родѣ военнаго права:

«Въ теченіе XIX вѣка они часто вызывали попытки, имѣвшія цѣлью формулировать ихъ письменно, расширить ихъ дѣйствіе и вызвать изданіе международныхъ законовъ, которые связывали

бы всѣ народы и всѣ арміи, составляли бы, другими словами, настоящій кодексъ войны.

«Но всѣ эти усилія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, имѣвшихъ въ виду извѣстные пункты, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, не привели рѣшительно ни къ чему. Слѣдовательно, когда въ настоящемъ трудѣ будетъ употребляться выраженіе «военное право», нужно помнить, что подъ этимъ совершенно не слѣдуетъ подразумѣвать писаннаго закона, установленнаго международными договорами, а лишь конвенціи, основанныя исключительно на взаимности въ ихъ соблюденіи, и ограниченія произвола, установленіе которыхъ было вызвано обычаемъ, гуманностью и правильно понятымъ эгоизмомъ, но соблюденіе которыхъ не гарантируется никакой другой санкціей, кромѣ опасенія репрессій» (стр. 5—6).

Надо согласиться, что тенденція, которая сквозитъ въ этихъ толкованіяхъ, совершенно не соотвѣтствуетъ введенію, предпосланному державами—и въ томъ числѣ и Германіей—«Конвенціи 29 іюля 1899 года относительно законовъ и обычаевъ сухопутной войны»:

«Согласно мнѣнію высокихъ договаривающихся сторонъ, эти правила, составленіе которыхъ было вызвано желаніемъ уменьшить бѣдствія войны, поскольку военная необходимость это позволяетъ, предназначены служить общимъ руководствомъ для дѣйствій воюющихъ сторонъ. Въ намѣренія высокихъ договаривающихся сторонъ не могло входить, чтобы непредвидѣнные случаи, за неимѣніемъ писанныхъ правилъ, были предоставлены на произвольное усмотрѣніе тѣхъ, кто командуетъ арміями. Въ ожиданіи, пока окажется возможнымъ издать болѣе полный кодексъ законовъ войны...., и т. д., высокія договаривающіяся стороны считаютъ нужнымъ отмѣтить, что въ случаяхъ, не указанныхъ въ принятыхъ ими правилахъ, населеніе и воюющія стороны остаются подъ покровительствомъ принциповъ международнаго права, какъ они вытекаютъ изъ обычаевъ, установленныхъ между цивилизованными націями, изъ законовъ гуманности и изъ требованій общественной совѣсти. (Renault, Les deux conférences de la paix, 2 изданіе, стр. 26.)

Очевидно, что эти два документа не проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ. Расхожденіе ихъ было такъ очевидно, что въ 1907 году вторая Гаагская конференція должна была разсмотрѣть его.

«Вопросъ шелъ о томъ,—сообщалъ недавно въ Institut de France Луи Рено («Le Temps», 27 октября),—чтобы заставить нѣмцевъ объясниться по поводу тенденцій этого руководства, когда произошелъ маленькій coup de théâtre: нѣмецкая делегація представила проектъ статьи, имѣющей цѣлью санкціонировать предписанія регламента. Согласно этому проекту, ставшему съ легкимъ измѣненіемъ статьей 3-ей конвенціи, воюющая сторона, которая нарушила бы предписанія названнаго регламента, должна будетъ въ соотвѣтственномъ случаѣ уплатить вознагражденіе. Она будетъ отвѣтственна за всѣ дѣйствія, совершенныя тѣми, кто принадлежитъ къ ея арміи».

«Значитъ, регламентъ имѣетъ обязательную силу, если тотъ, кто его нарушитъ, долженъ вознаградить за убытки, причиненные этимъ нарушеніемъ. Конференція приняла въ расчетъ, что предписанія регламента, о которомъ идетъ рѣчь, должны быть исполняемы не только начальниками воюющихъ армій, но и вообще всѣми офицерами, унтеръ-офицерами и солдатами; поэтому-то она распространила на международное право, для всѣхъ случаевъ его нарушенія, принципъ частнаго права, по которому хозяинъ отвѣтственъ за своихъ служащихъ и агентовъ».

Нѣкоторые толковали этотъ «coup de théâtre», о которомъ говоритъ Рено, какъ тактическій пріемъ, имѣвшій цѣлью предупредить щекотливые вопросы, которые собирались поставить нѣмецкимъ делегатамъ. Что касается меня, то я склоненъ видѣть въ немъ лишь свидѣтельство важности обязательства, принятаго на себя въ Гаагѣ сорока четырьмя державами, и торжественнаго подчиненія ему со стороны германской имперіи.

Тѣмъ не менѣе германскій кодексъ 1902 года остался въ силѣ. Не только генеральный штабъ не внесъ въ него никакихъ измѣненій, но даже нѣкоторые, пользующіеся въ Германіи авторитетомъ, юристы не поколебались указать разногласія между гаагской конвенціей и кодексомъ и выступить на защиту послѣдняго.

По мнѣнію этихъ юристовъ, право войны нельзя себѣ представить иначе, какъ ограниченнымъ соображеніями «необходимости» («Notstand»),—и мы увидимъ, что послѣ такого «ограниченія» остается отъ права.

«Нѣтъ нарушенія военнаго права,—пишетъ Мёйреръ,—когда какой-нибудь военный актъ нуженъ для того, чтобы поддержать войска или защитить ихъ отъ опасности, которую нельзя устра-

нить инымъ способомъ, или же чтобы осуществить или обезпечить успѣхъ военной операціи, которая сама по себѣ не воспрещается» («Die Haager Friedenskonferenz, II Band», стр. 14).

Такое же впечатлѣніе складывается и при чтеніи одного труда, который какъ разъ только что вышелъ и въ которомъ одинъ изъ редакторовъ «Jahrbuch des Völkerrechts» («Ежегодника международнаго права»), д-ръ Карлъ Штруппъ, подробно разбираетъ право сухопутной войны («Das Internationale Landkriegsrecht», 1914). Въ своемъ введеніи онъ подробно развиваетъ ту мысль, что никогда не могло быть вопроса объ ограниченіи свободы командованія, и что выше всякаго военнаго права всегда становятся требованія военной необходимости (стр. 5).

Штруппъ при этомъ всячески старается (стр. 7—8) открыть въ протоколахъ засѣданій Гаагской конференціи понятіе о «необходимости». Она встрѣчается въ нихъ,—увѣряетъ онъ,—отдѣльно отъ понятія «военныхъ соображеній» и понимается шире. Такъ, уничтоженіе непріятельской частной собственности разрѣшается въ видѣ исключенія статьей 23-ей, g, гаагскаго регламента, когда этого неизбѣжно требуютъ условія военныхъ дѣйствій; напримѣръ, когда для того, чтобы попасть въ позиціи непріятеля, артиллеріи приходится бомбардировать лежащую между ней и позиціями деревню. Это было бы «военнымъ соображеніемъ», вытекающимъ изъ условій, присущихъ техникѣ войны. Но подъ «необходимостью» подразумѣваются вообще всѣ случаи, которые могутъ представиться во время хода операцій:

«Такъ, отрядъ можетъ быть принужденъ оставить плѣнныхъ умирать съ голоду, если командиръ считаетъ, что это единственный способъ исполнить полученное имъ приказаніе: напримѣръ, своевременно достигнуть мѣста, занять которое необходимо для успѣшнаго хода операцій» (стр. 7).

«....Нормы военнаго права могутъ быть нарушены всякій разъ, когда ихъ нарушеніе представляется единственнымъ средствомъ осуществить военную операцію, или обезпечить ея успѣхъ, или же поддержать вооруженную силу, хотя бы даже дѣло шло объ одномъ только солдатѣ» (стр. 8).

Какъ бы еще ни были шатки въ настоящее время нѣкоторыя нормы международнаго права,—какъ это указываетъ профессоръ Максъ Губеръ (Zeitschrift für Völkerrecht», томъ VII, стр. 363) именно по поводу понятія военной необходимости,—невозможно, чтобы подобная интерпретація встрѣтила одобреніе

тѣхъ, кто заключилъ Гаагскую ковенцію 1899 года и торжественно возобновилъ ее въ 1907 году. И если бы такое толкованіе взяло верхъ, нѣкоторыя державы проявили бы больше достоинства, не присоединяясь къ конвенціи, которая тогда могла бы быть лишь лицемѣрной пародіей права.

Общая тенденція германскаго кодекса 1902 г., и до сихъ поръ остающагося въ силѣ, проявляется въ каждомъ изъ его частныхъ правилъ, и изъ этого вытекаетъ полное единство концепціи, которая не можетъ не оказывать рѣшающаго вліянія на формировку офицеровъ.

Такъ, примѣненіе различныхъ военныхъ мѣръ регулируется слѣдующимъ принципомъ (стр. 20):

«Можетъ быть принята всякая мѣра, безъ которой не могла бы быть достигнута цѣль войны. Напротивъ, должно быть отвергнуто всякое насиліе и разрушеніе, котораго эта цѣль не требуетъ».

Въ комментаріяхъ къ этому правилу мы снова находимъ эту господствующую, почти единственную мысль о цѣли, которой нужно достигнуть (стр. 22):

«На законы войны слѣдуетъ смотрѣть лишь, какъ на комментаріи къ принципу, что болѣе суровыя насильственныя мѣры не слѣдуетъ примѣнять, когда существуютъ другія болѣе мягкія, достаточныя для того, чтобы достигнуть цѣли, и что всегда надо избѣгать нѣкоторыхъ средствъ, которыя причиняютъ безполезныя страданія».

Изъ этихъ общихъ положеній слѣдуетъ, что всякія опустошенія, всякія разрушенія, всякое причиненіе убытковъ дозволительны, если только они вытекаютъ изъ военной необходимости (стр. 120 или еще стр. 122):

«Не слѣдуетъ причинять никакого, даже самаго ничтожнаго вреда, если этого не требуютъ военныя соображенія. Дозволителенъ всякій, даже самый большой, вредъ, котораго требуетъ война или который вытекаетъ изъ ея логическаго веденія».

Въ концѣ-концовъ, что́ санкціонируютъ эти положенія, какъ не абсолютную власть военнаго начальства (стр. 122):

«Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ придется рѣшать, имѣется ли налицо обоснованная необходимость. Отвѣтъ на этотъ вопросъ принадлежитъ командующему лицу, отъ совѣсти котораго теперь надо ожидать и требовать всей мѣры гуманности, совмѣстимой съ задачами войны».

При этомъ, какъ говорится въ другомъ мѣстѣ (стр. 20):

«Волѣ и произволу военной власти ставятся лишь весьма неопредѣленныя границы... И можно утверждать, что если условныя правила получатъ распространеніе, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязанностью высшаго командованія будетъ совершать отступленія отъ нихъ, вызываемыя военной необходимостью» (см. стр. 143).

Слѣдуетъ остановиться на послѣдствіяхъ, которыя нѣмецкое представленіе о «военной необходимости» влечетъ за собой для командованія войсками.

Первое изъ этихъ послѣдствій ясно видно изъ только что приведенныхъ текстовъ. Это—санкція произвола: командующее лицо можетъ нарушать предписанія даже самыхъ торжественныхъ договоровъ, «если считаетъ это необходимымъ».

Я не хочу обсуждать здѣсь законность признанія необходимости верховнымъ принципомъ; замѣчу лишь, что принципъ этотъ слѣдуетъ правильно понимать и осторожно примѣнять. Это—опасный принципъ: въ глазахъ юристовъ необходимость являлась оправданіемъ лишь въ томъ случаѣ, когда дѣло шло о необходимости, дѣйствительно неизбѣжной, о необходимости абсолютной. Но когда опредѣленіе этой, такъ называемой, необходимости возлагается на военнаго начальника, *она неминуемо сводится къ простой полезности.*

Въ томъ-то и опасность принципа необходимости, что на практикѣ онъ часто легко вырождается въ простой принципъ полезности и, что еще хуже, непосредственной полезности. Иначе и не можетъ быть, когда примѣненіе его поручено такимъ людямъ, какъ командиры войскъ, которые, вслѣдствіе привычки дѣйствовать быстро и увѣренности въ себѣ, болѣе, чѣмъ кто-либо, склонны пренебрегать всякими стѣсненіями. Во всѣхъ областяхъ принципъ непосредственной полезности есть отрицаніе всякаго права и всякой морали. На правѣ и на морали лежитъ миссія бороться съ требованіями эгоизма и личнаго интереса. Сказать военачальнику, что, если это необходимо, онъ можетъ безъ суда казнить человѣка, что онъ можетъ разстрѣлять бургомистра потому, что одинъ житель мѣстности стрѣлялъ въ солдата, что по этой причинѣ онъ можетъ даже разстрѣлять одного жителя изъ десяти, что онъ можетъ поджечь беззащитную деревню,—это значитъ, на практикѣ, разрѣшить ему совершать эти дѣйствія всякій разъ, какъ онъ найдетъ это

полезнымъ, это значитъ побуждать его нарушать договоры и всѣ нормы международнаго права. Полезно, «необходимо», чтобы помѣшать уничтоженію войска, поставить впереди него живую стѣну изъ гражданскаго населенія: непріятель не рѣшится стрѣлять или же огонь его будетъ слабѣе и жизнь нѣмецкихъ солдатъ будетъ спасена. Полезно, «необходимо» предать огню и мечу деревню или городъ, если гражданское населеніе устроило тамъ возстаніе, ибо подобная расправа, готовая и повторяться по надобности, навѣрное приведетъ, въ концѣ-концовъ, къ тому, что не будутъ нападать на нѣмецкихъ солдатъ, жизнь и здоровье которыхъ «необходимы» для защиты родины. Да это что еще разгромить городъ, потому что обыватели стрѣляли. На практикѣ принципъ необходимости еще ужаснѣе: городъ подвергаютъ разгрому, потому что думаютъ, потому что имѣютъ основанія думать, потому что хотятъ думать, будто обыватели стрѣляли.

Да будетъ мнѣ позволено вернуться на минуту назадъ и указать, что именно это военное представленіе о принципѣ необходимости и внушило имперскому канцлеру его знаменитое восклицаніе: «Not kennt kein Gebot!» «Необходимость не знаетъ законовъ». Канцлеръ не говорилъ тогда языкомъ государственнаго человѣка, иначе онъ замѣтилъ бы, что объясненіе, которое онъ пытался дать, было воплощеннымъ отрицаніемъ торжественныхъ обязательствъ Германіи. Его устами говорили военные люди, которые внушали ему опасную діалектику военной теоріи о принципѣ необходимости. Кто повѣритъ теперь, въ декабрѣ 1914 года, что пройти черезъ Бельгію и Люксембургъ было «необходимостью» для Германіи,—другими словами, что это было единственнымъ средствомъ вступить со своими врагами въ побѣдоносную борьбу? Къ чему, въ дѣйствительности, привело занятіе Бельгіи? Къ занятію Бельгіи, а не къ уничтоженію французскаго войска. Кто могъ съ увѣренностью утверждать въ іюлѣ и первыхъ числахъ августа, что, если бы германская армія сосредоточила всѣ свои усилія на французской укрѣпленной восточной границѣ, ей не удалось бы прорваться при помощи тѣхъ орудій огромнаго калибра, о самомъ существованіи которыхъ еще не знали за границей? Кто можетъ утверждать, что не былъ бы возможенъ другой планъ кампаніи... Разумѣется, германскій генеральный штабъ выбралъ тотъ планъ, который ему казался лучшимъ. Но если что-нибудь кажется лучшимъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы это было необходимо, и если военная власть

не ставила ни во что это стѣснительное, но элементарное различіе, то политическая власть должна была отказаться за ней слѣдовать.

Происходившія въ Бельгіи событія даютъ много доказательствъ того, что военное командованіе нисколько не стѣсняется, во время военныхъ операцій, безъ разбору примѣнять «правило необходимости». Къ числу этихъ доказательствъ принадлежитъ прокламація, расклеенная въ Гривенье около Льежа майоромъ-комендантомъ Дикманомъ. Я приведу изъ нея нѣкоторыя мѣста:

«До 6 сентября 1914 года, 4 часовъ пополудни, всякое оружіе, боевые припасы, взрывчатыя вещества и фейерверки, еще находящіеся у гражданъ, должны быть сданы въ замокъ Брюйеръ. Тотъ, кто этого не сдѣлаетъ, будетъ подлежать смертной казни; онъ будетъ застрѣленъ или зарубленъ на мѣстѣ, если не докажетъ свою невинность.

«Всѣ обитатели жилыхъ домовъ въ Бэнъ-Езе, Гривенье, Буа-де-Брё и Флеронъ должны будутъ возвращаться домой съ наступленіемъ сумерекъ (пока въ 7 часовъ вечера—по нѣмецкому времени). Вышеуказанные дома должны быть освѣщены до тѣхъ поръ, пока въ нихъ кто-нибудь будетъ на ногахъ. Входныя двери должны быть заперты. Того, кто не будетъ сообразоваться съ этими предписаніями, будетъ ожидать строгое наказаніе. Малѣйшее неповиновеніе этимъ приказаніямъ повлечетъ за собой смертную казнь.

«При домашнихъ обыскахъ комендантъ не долженъ встрѣчать никакихъ затрудненій. Слѣдуетъ, не дожидаясь требованія, показывать всѣ комнаты дома. Если кто-нибудь этому воспротивится, то будетъ строго наказанъ.

«Я требую, чтобы всѣ прохожіе въ моемъ округѣ, и въ особенности жители Бэнъ-Езе, Флеронъ, Буа-де-Брё и Гривенье, выражали свое почтеніе къ нѣмецкимъ офицерамъ, снимая шляпы или прикладывая руку къ головѣ, какъ для отданія чести. Въ случаѣ сомнѣнія нужно кланяться всякому нѣмецкому военному чину. Тотъ, кто не исполнитъ этого, долженъ ожидать, что нѣмецкіе военные всякими средствами заставятъ уважать себя.

«Нѣмецкимъ военнымъ чинамъ разрѣшается осматривать повозки, свертки и т. д. ... всѣхъ окрестныхъ жителей. Всякое сопротивленіе этому будетъ строго наказано.

«Тотъ, кому извѣстно, что въ опредѣленномъ мѣстѣ выше-

указанныхъ коммунъ находятся керосинъ, бензинъ, бензолъ и другія подобныя жидкости въ количествахъ больше 100 литровъ, и кто не сообщилъ объ этомъ мѣстному военному коменданту, подвергается смертной казни, если нѣтъ никакого сомнѣнія относительно мѣстонахожденія и количества. Въ виду имѣются тутъ лишь запасы больше, чѣмъ въ сто литровъ.

«Тотъ, кто не повинуется немедленно командѣ «руки вверхъ!», подлежитъ смертной казни.

«Входъ въ замокъ Брюйеръ, а также и въ аллеи парка отъ сумерекъ до зари (отъ шести часовъ вечера до шести часовъ утра по нѣмецкому времени) воспрещенъ подъ страхомъ смертной казни всѣмъ тѣмъ, кто не принадлежитъ къ числу солдатъ нѣмецкой арміи.

«Тотъ, кто станетъ сообщать ложныя извѣстія, могущія дурно повліять на настроеніе нѣмецкихъ войскъ, а также и тотъ, кто попробуетъ предпринять что-либо противъ германской арміи, будетъ взятъ подъ подозрѣніе и рискуетъ быть немедленно разстрѣляннымъ».

Смертная казнь тому, кто не донесетъ о складѣ горючихъ жидкостей,—смертная казнь тому, кто отказывается освѣщать свой домъ до тѣхъ поръ, пока тамъ кто-нибудь еще не легъ спать,—смертная казнь тому, кто по приказанію не подниметъ рукъ,—смертная казнь тому, кто распространяетъ извѣстія, которыя могутъ дурно вліять на настроеніе нѣмецкихъ войскъ... можно ли себѣ представить болѣе невыносимыя проявленія произвола?

Но вотъ второе слѣдствіе германскаго ученія о томъ, какъ должны себя держать командующія лица.

Руководствуясь, въ качествѣ нормы поведенія, исключительно соображеніями военной цѣлесообразности, командующія лица могутъ прибѣгать къ средствамъ, имѣющимъ лишь весьма отдаленную связь съ непосредственными требованіями военныхъ операцій: устрашеніе, запугиваніе, вообще все, что можетъ вызвать страхъ и повести къ подчиненію, рекомендуется не какъ мѣра защиты или наказанія, а для того, чтобы предупредить враждебныя дѣйствія или помѣшать ихъ повторенію. Отсюда слѣдующее спеціальное правило, опредѣляющее отношеніе между арміей, занимающей территорію, и населеніемъ этой территоріи.

«Безпощадно употреблять всѣ необходимыя средства защиты и устрашенія—не только право, но и обязанность всякаго, командующаго арміей».

Въ общемъ, командующее лицо должно проникнуться гуманитарнымъ парадоксомъ такого рода (стр. 7):

«Офицеръ долженъ сознавать, что война неминуемо требуетъ нѣкоторой суровости и, болѣе того, что часто единственная истинная гуманность состоитъ въ безпощадномъ примѣненіи этой суровости».

Легко можно себѣ представить психологію военнаго человѣка, проникнутаго подобнымъ духомъ. Постоянно опасаясь «поддаться преувеличенной чувствительности», чувствуя бремя отвѣтственности, которая ляжетъ на него въ случаѣ, если онъ не будетъ, вопреки всему, сообразоваться лишь съ потребностями войны, нетерпѣливо стремясь выбрать кратчайшій путь для достиженія цѣли и напередъ прощая себѣ суровыя мѣры, которыя повлечетъ за собой его выборъ, онъ ежеминутно склоненъ принимать крайнія рѣшенія. Изъ двухъ сообщеній онъ склоненъ руководствоваться худшимъ; въ виду того, что онъ торопится дѣйствовать, опасаясь послѣдствій промедленія, онъ совершенно не расположенъ задерживать кару медленностью слѣдственной процедуры. Свободный, среди реальностей войны, отъ всякаго контроля общественнаго мнѣнія, увлеченный примѣромъ другихъ, менѣе добросовѣстныхъ, чѣмъ онъ самъ, онъ рискуетъ потерять всякое критическое чувство и основывать свои сужденія на простыхъ совпаденіяхъ.

Вотъ, напримѣръ, нѣмецкій отрядъ входитъ въ бельгійскую деревню; онъ застаетъ нѣсколькихъ крестьянъ у свѣжевырытой могилы; нѣкоторые еще держатъ въ рукахъ лопаты. Около нихъ—трупъ нѣмецкаго офицера; осматриваютъ тѣло; високъ пробитъ револьверной пулей; рана не изъ такихъ, какія получаются во время сраженія. Обыскиваютъ одежду мертвеца; часы, драгоцѣнности, всѣ лично ему принадлежащія карманныя вещи исчезли. «Нашего товарища убили и ограбили эти люди!—восклицаетъ начальникъ отряда.—Наказать деревню! Это будетъ примѣромъ для другихъ!» Восемь фермъ сожжены; деревня разграблена, солдаты уносятъ деньги, драгоцѣнныя вещи, одежду, провизію; женщинъ насилуютъ; мужчинъ связываютъ веревками, отводятъ на лугъ, ругаютъ и грозятъ имъ смертью. Вечеромъ убиваютъ четырнадцать человѣкъ: Г. Дебуца, С. Бургиньона и его двоихъ сыновей, Ж. Майара, Ж. Жоньо, А. Битана, Ж. Трифо, Л. Дивра, Е. Дале, Г. Ренара, Л. Дезизана, Л. Жоньо и его жену, урожденную Л. Вердаль; среди убитыхъ находятся

и крестьяне, встрѣченные утромъ. Тѣла зарыты нѣмцами въ полѣ.

Описанное мною произошло 10 августа, вскорѣ послѣ занятія Льежа, въ Лэнсмо, маленькой деревнѣ въ Брабантѣ.

Но вотъ чего я не разсказалъ,—что произошло передъ этимъ и чего не зналъ начальникъ отряда.

Въ тотъ роковой понедѣльникъ, утромъ, нѣсколько бельгійскихъ солдатъ встрѣчаютъ на большой дорогѣ у Лэнсмо производящихъ развѣдки нѣмецкихъ солдатъ; происходитъ обмѣнъ выстрѣлами; нѣмецкіе солдаты отступаютъ, офицеръ падаетъ; бельгійцы подходятъ; это была ихъ первая жертва; они еще никого не ранили и не убивали; ихъ начальникъ не скрываетъ своего волненія. Лежащаго на землѣ офицера окружаютъ; вдругъ онъ вскакиваетъ, и, выхвативъ свой револьверъ, грозитъ имъ стоящимъ возлѣ него; свирѣпый и надменный, онъ бросаетъ имъ рѣзкія вызывающія слова; одинъ изъ бельгійцевъ, въ которыхъ онъ цѣлитъ, стрѣляетъ и попадаетъ въ високъ офицеру; тотъ падаетъ мертвый. Волненіе сжимаетъ всѣмъ горло; передъ этимъ неподвижнымъ тѣломъ растетъ жалость: «Возьмемъ его вещи,—говоритъ одинъ изъ солдатъ,—мы пошлемъ ихъ его семьѣ». Собираютъ вещи, завязываютъ ихъ въ носовой платокъ, относятъ узелокъ къ священнику сосѣдней деревни и говорятъ: «Когда нѣмцы пройдутъ опять, вы отдадите это офицеру, и попросите его отослать содержимое семьѣ того, кто умеръ тамъ, наверху». Затѣмъ зовутъ нѣсколькихъ крестьянъ и просятъ ихъ вырыть могилу, чтобы похоронить жертву. Бельгійскіе солдаты продолжаютъ свой путь; крестьяне медленно, разговаривая о происшедшемъ, принимаются за свое печальное дѣло. Они еще не кончили его, когда въ Лэнсмо вошли главныя силы нѣмецкаго отряда.

Этихъ фактовъ, установленныхъ на основаніи представленныхъ мнѣ неопровержимыхъ доказательствъ, было бы достаточно. Они служатъ прекрасной иллюстраціей германской системы веденія войны и того вліянія, которое она оказываетъ на психологію офицеровъ. Все, что я говорилъ раньше, здѣсь находитъ полное себѣ подтвержденіе.

Но есть и еще военный пріемъ, вполнѣ характеризующій германскую систему и получившій въ Бельгіи многократныя, прискорбныя примѣненія; я говорю о *коллективныхъ репрессіяхъ*.

То, что слѣдуетъ понимать подъ коллективной репрессіей, въ

одно и то же время и опредѣлено, и запрещено слѣдующимъ текстомъ 50-ой статьи регламента, присоединеннаго къ конвенціи, принятой II Гаагской конференціей:

«Населеніе не можетъ быть подвергнуто никакому коллективному, денежному или иному, взысканію въ связи съ индивидуальными выступленіями, за которыя его нельзя считать коллективно отвѣтственнымъ».

Это ясно и категорично.

Итакъ, если въ какой-нибудь мѣстности нѣкоторыя лица совершатъ подлежащіе наказанію поступки, запрещается, въ какой бы то ни было формѣ, наказывать все населеніе этой мѣстности.

Правда, и тутъ нѣмецкіе юристы, комментаторы кодекса 1902 года и гаагскаго регламента, пытаются при помощи ловкой діалектики ограничить примѣненіе статьи 50. Напримѣръ, въ своемъ, совсѣмъ недавнемъ трудѣ, о которомъ я говорилъ, Штруппъ по поводу фактовъ, происшедшихъ въ Бельгіи въ теченіе настоящей войны, пишетъ (стр. 9):

«Это — сознательныя и намѣренныя нарушенія законовъ войны; но они были лишь угрозой и отвѣтомъ на нарушенія, уже совершонныя непріятелемъ; слѣдовательно, они, несмотря на весь свой ужасъ, представляются намъ неизбѣжными и согласными съ международнымъ правомъ».

Изъ предыдущихъ страницъ видно, насколько дѣйствія, за которыя упрекаютъ бельгійское населеніе, были фактически мало доказаны, и насколько, поэтому, смѣлымъ является искать въ нихъ оправданіе репрессій, производившихся германскими войсками. Но даже если бы нѣкоторыми лицами и были совершены преступныя дѣянія, нельзя было бы считать населеніе солидарно за нихъ отвѣтственнымъ. Слѣдовательно, гаагское постановленіе тутъ было вполнѣ примѣнимо, и нельзя было бы даже пытаться ослабить его, устанавливая, какъ это дѣлаетъ Штруппъ (стр. 9 и 108), различіе между «пассивной» отвѣтственностью властей и «активной» отвѣтственностью жителей; ибо въ Бельгіи власти, всѣ власти, не только не бездѣйствовали, а, какъ я показалъ, съ первыхъ же дней приняли строгія мѣры для обезпеченія полнаго спокойствія.

Но я не стану глубже входить въ контроверсы, столь неожиданно поднятые нѣмецкими юристами, и обращусь къ коллективнымъ репрессіямъ, которымъ въ Бельгіи были подвергнуты цѣлыя мѣстности и ихъ населеніе.

Читатели замѣтили, что текстъ статьи 50 гаагскаго регламента спеціально упоминаетъ о коллективныхъ денежныхъ взысканіяхъ: онъ понимаетъ подъ этимъ военную контрибуцію, поскольку она носитъ характеръ коллективной репрессіи. Хотя, какъ таковая, она и запрещена закономъ, нѣмецкія командующія лица много разъ примѣняли ее въ Бельгіи.

Такъ, въ прокламаціи, расклеенной въ Ваврѣ 27 августа генералъ-лейтенантомъ фонъ-Нибером, говорится:

«22 августа 1914 года командующій 2-ой арміей, генералъ фонъ-Бюловъ, въ возмездіе за возмутительное и противное международному праву и обычаямъ войны поведеніе, выразившееся въ неожиданномъ нападеніи на германскія войска, наложилъ на городъ Вавръ военную контрибуцію въ три милліона франковъ, подлежащую уплатѣ до 1-го сентября» (6-ой докладъ бельгійской слѣдственной комиссіи).

Еще характернѣе распоряженіе, расклеенное въ Брюсселѣ 1 ноября брюссельскимъ губернаторомъ, барономъ фонъ-Люттвицемъ.

«На городъ Брюссель, безъ предмѣстій, за покушеніе противъ нѣмецкаго солдата, совершонное его полицейскимъ агентомъ де-Рэйкеромъ, наложена дополнительная контрибуція въ пять милліоновъ франковъ».

Но нужно замѣтить, что въ той же прокламаціи говорится, что этотъ самый агентъ былъ приговоренъ къ пяти годамъ тюремнаго заключенія за указанное выше преступленіе и еще за другой проступокъ. Нужно согласиться, что трудно представить себѣ болѣе полное нарушеніе гаагскаго регламента.

Въ другихъ, гораздо болѣе многочисленныхъ, случаяхъ налагавшаяся военная контрибуція имѣла характеръ реквизицій, по поводу которыхъ гаагскій регламентъ предписываетъ, напримѣръ (статья 52-ая), что ихъ можно требовать «только для надобностей оккупаціонной арміи» и что «онѣ должны находиться въ соотвѣтствіи со средствами страны».

Я не имѣлъ возможности получить списокъ военныхъ контрибуцій, наложенныхъ на различныя части страны, но на основаніи того, что было установлено съ неоспоримой достовѣрностью, можно утверждать, что указанныя выше два условія въ Бельгіи отнюдь не соблюдались. Прежде всего, дѣло почти всегда шло объ удовлетвореніи потребностей не оккупаціонной, а наступающихъ армій, которыя часто направлялись противъ Франціи и

Англіи; затѣмъ,—и это главное,—контрибуціи налагались въ очевидномъ несоотвѣтствіи со средствами данной мѣстности; иногда, вмѣсто того, чтобы замѣнить реквизиціи натурой опредѣленной контрибуціей, взималось и то, и другое, при чемъ невозможно было, хотя бы приблизительно, установить основанія расцѣнки.

Но, кромѣ формы денежнаго взысканія, коллективныя репрессіи принимали и много другихъ формъ, и я считаю нужнымъ остановиться на нихъ болѣе подробно, основываясь на прокламаціяхъ, изданныхъ въ занятыхъ мѣстностяхъ нѣмецкими властями. Я воспроизвожу подлинный текстъ и обращаю особое вниманіе читателя на мѣста, въ которыхъ говорится о коллективныхъ репрессіяхъ.

Въ Ассельтѣ 17 августа:

«Въ случаѣ, если жители станутъ стрѣлять въ солдатъ нѣмецкой арміи, треть мужского населенія подвергнется разстрѣлу».

Въ Льежѣ 22 августа (генералъ фонъ-Бюловъ):

«Жители города Анденъ, послѣ того, какъ заявили о своемъ намѣреніи вести себя миролюбиво, предательски напали на наши войска [1]).

«Съ моего на то согласія, командующій генералъ приказалъ сжечь весь городъ и разстрѣлять сто человѣкъ.

«Я довожу этотъ фактъ до свѣдѣнія города Льежа, чтобы его обыватели могли себѣ представить, какая ихъ ожидаетъ участь въ случаѣ, если бы они вздумали вести себя подобнымъ же образомъ».

Въ Намюрѣ 25 августа (генералъ фонъ-Бюловъ):

«Жители Намюра должны понять, что нѣтъ большаго и болѣе ужаснаго преступленія, какъ покушеніями противъ германской арміи подвергать опасности существованіе города и жизнь его обитателей».

Въ Ваврѣ 27 августа (генералъ-лейтенантъ фонъ-Ниберъ):

«22 августа 1914 года. командующій 2-ой арміей генералъ фонъ-Бюловъ въ возмездіе за возмутительное и противное международному праву и обычаямъ войны поведеніе, выразившееся въ неожиданномъ нападеніи на германскія войска, наложилъ на

---

[1]) Это, какъ сообщаетъ 6-й докладъ слѣдственной комиссіи, лишь голословное утвержденіе, которое жители опровергаютъ.

городъ Вавръ военную контрибуцію въ три милліона франковъ, подлежащую уплатѣ до 1-го сентября [1]).

«Если уплата не будетъ произведена во-время, городъ Вавръ будетъ сожженъ и разрушенъ весь безъ разбора: невинные пострадаютъ вмѣстѣ съ виновными».

Въ Брюсселѣ 25 сентября (фельдмаршалъ фонъ-деръ-Гольцъ):

«Недавно въ мѣстностяхъ, не занятыхъ въ настоящее время болѣе или менѣе значительными нѣмецкими отрядами, имѣли мѣсто случаи неожиданнаго нападенія жителей на обозы или на патрули.

«Я обращаю общее вниманіе на то, что составленъ списокъ городовъ и коммунъ, въ окрестностяхъ которыхъ происходили подобныя нападенія, и что ихъ постигнетъ наказаніе, какъ только поблизости къ нимъ будутъ проходить германскія войска».

Въ Брюсселѣ 5 октября (фельдмаршалъ фонъ-деръ-Гольцъ):

«Вечеромъ 25 сентября желѣзнодорожный путь и телеграфъ были разрушены на линіи Ловенжуль—Вертрэйкъ. За это обѣ указанныя мѣстности утромъ 30 сентября уже поплатились.

«Поселенія, ближайшія къ мѣсту, гдѣ произойдутъ подобные факты, будутъ впредь безпощадно караться, независимо отъ того, принимали ихъ жители участіе въ преступленіи или нѣтъ».

Текстъ этихъ различныхъ прокламацій, навѣрное, вызоветъ изумленіе; онъ, однако, вполнѣ соотвѣтствуетъ общимъ правиламъ, которыя предусматриваетъ германская организація войны. Здѣсь опять-таки дѣло идетъ о системѣ, и гораздо важнѣе знать самую систему, чѣмъ случаи ея примѣненія.

Въ трудѣ Штруппа, о которомъ я уже говорилъ, въ качествѣ приложенія находится «образецъ» прокламаціи, составленный въ связи съ настоящей войной; въ немъ мы читаемъ (стр. 248): «Весь городъ отвѣтственъ за дѣйствія каждаго изъ его жителей».

Передо мной лежитъ небольшая книжка, изданная въ Берлинѣ въ 1908 году у Бата; это—«Военный переводчикъ», предназначенный для нѣмецкихъ офицеровъ, которые должны служить переводчиками въ мѣстностяхъ, гдѣ говорятъ по-французски. Какъ

---

[1]) Въ дѣйствительности, гражданское населеніе не принимало никакого участія во враждебныхъ дѣйствіяхъ. Медицинское изслѣдованіе показало, что раненый нѣмецкій солдатъ былъ раненъ нѣмецкой пулей. (Засѣданіе слѣдственной комиссіи 7 сентября 1914 года, 3-й свидѣтель).

объясняется въ предисловіи къ этому руководству, имѣющему подзаголовокъ «Zum Gebrauch im Feindesland»—«Для употребленія въ непріятельской странѣ», оно содержитъ въ себѣ французскій текстъ большинства документовъ, писемъ, прокламацій и разныхъ бумагъ, какіе могутъ понадобиться во время войны.

Между этими текстами (стр. 128 и слѣдующія) находится нѣсколько образцовъ, которые въ общей сложности могли бы составить руководство къ совершенству въ коллективныхъ репрессіяхъ. Я отмѣчу, напримѣръ:

«По приказанію .... на городъ О. былъ наложенъ штрафъ въ 600.000 марокъ за совершонное... покушеніе на убійство германскаго солдата.

«Были сдѣланы тщетныя попытки добиться его отмѣны или уменьшенія.

«Назначенный для уплаты срокъ истекаетъ завтра, въ субботу 17 декабря, въ полдень.

«Въ уплату будутъ приниматься кредитные билеты, звонкая монета и серебряныя вещи».

Въ слѣдующемъ образцѣ репрессія также принимаетъ форму денежной контрибуціи и также представляетъ собой наказаніе, наложенное на коллективъ за дѣянія, совершонныя личностями, за которыя этотъ коллективъ, разумѣется, не можетъ нести солидарную отвѣтственность.

«Въ виду того, что германскія власти наложили на городъ М. военную контрибуцію въ 2 милліона франковъ за то, что жители стрѣляли въ войска при входѣ ихъ въ городъ, и въ виду того, что муниципалитетъ заявилъ, что у него нѣтъ нужныхъ суммъ и что онъ не можетъ найти ихъ у жителей, нѣмецкія власти требуютъ уплаты векселями».

А вотъ примѣрный образецъ для преданія цѣлыхъ мѣстностей огню:

«Увѣдомляю васъ о полученіи вашего письма отъ 7 сего мѣсяца, въ которомъ вы сообщаете о значительныхъ затрудненіяхъ, встрѣчающихся по-вашему при сборѣ контрибуцій... Я могу лишь сожалѣть, что вы сочли нужнымъ представлять мнѣ объясненія по этому поводу: данное мнѣ моимъ правительствомъ приказаніе, относящееся къ этому вопросу, такъ ясно и такъ опредѣленно, полученныя мною (по этому поводу) инструкціи такъ категоричны, что, если сумма, которую долженъ городъ Б., не будетъ уплачена, городъ будетъ безжалостно сожженъ».

Слѣдующая формула покажется еще характернѣе, если вспомнить то, что я говорилъ выше по поводу столь частыхъ случаевъ, когда тѣ или иныя сооруженія были разрушены не обывателями, а небольшими воинскими отрядами, или даже отдѣльными солдатами:

«По случаю разрушенія моста Ф. я приказываю:

«Въ видѣ штрафа округъ уплатитъ экстраординарную контрибуцію въ 10 милліоновъ франковъ. Это доводится до свѣдѣнія жителей съ предупрежденіемъ, что о способѣ раскладки будетъ сообщено позже и что указанная сумма будетъ взыскиваться съ величайшей строгостью. Деревня Ф. была немедленно сожжена, за исключеніемъ нѣкоторыхъ зданій, сохраненныхъ для нуждъ войскъ».

Что еще стоило бы прибавить къ этимъ неопровержимымъ доказательствамъ? Разсказы о звѣрствахъ, которымъ не рѣшаешься вѣрить, когда о нихъ читаешь, и которыя стараешься забыть,—до такой степени они приводятъ въ ужасъ отвыкшую отъ жестокости современную совѣсть? Но эти разсказы могли бы показаться недостовѣрными и преувеличенными, и я предпочитаю не возвращаться къ нимъ въ этой книгѣ, въ которой я прежде всего стараюсь разсматривать факты въ ихъ общей связи съ правомъ. Факты проходятъ, право остается. Не нужно, поэтому, удивляться, если я не буду останавливаться на описаніи сценъ опустошенія и пожаровъ, уже описанныхъ столько разъ другими,—не стану разслѣдовать, сколько улицъ было разрушено въ Лувэнѣ и сколько человѣкъ разстрѣляно въ Динанѣ, не буду разбирать обстоятельства, которыя въ томъ или иномъ мѣстѣ могли привести нѣмецкое начальство къ мысли, что стрѣляли обыватели. Я не стану также утверждать, будто повсюду, гдѣ проходили нѣмецкія войска, они несли съ собой разореніе и опустошеніе и будто они систематически уничтожали произведенія искусства: я не скажу этого, потому что это неправда. Но я говорю, что нѣмецкая армія придерживается системы веденія войны, которой нѣтъ оправданія; что эта система примѣняется произвольно, неумѣренно и грубо и что жестокости, къ которымъ она приводитъ, не только неоспоримы, но и должны считаться естественнымъ, роковымъ, автоматическимъ результатомъ этой системы. Это я говорю потому, что это правда.

Къ тому же всякіе разсказы лишь ослабили бы силу, какою дышатъ въ своей сжатости приведенныя мной официальныя про-

кламаціи. Когда главнокомандующій, генералъ фонъ-Бюловъ, пишетъ: «генералъ приказалъ сжечь весь городъ Анденъ и разстрѣлять около ста человѣкъ съ моего на то согласія»,—почти излишне описывать пожаръ и разстрѣлъ.

«Это было адское зрѣлище,—пишетъ одинъ, вполнѣ достойный довѣрія очевидецъ:—мнѣ казалось, что при свѣтѣ пламени я видѣлъ, какъ солдаты встрѣчали штыками жителей, которые хотѣли выбѣжать изъ своихъ горящихъ домовъ. Къ звукамъ пушечныхъ выстрѣловъ присоединялся сухой трескъ пулеметовъ и взрывы гранатъ. Одинъ пулеметъ былъ поставленъ въ магазинъ на главной улицѣ и оттуда стрѣлялъ въ дома на противоположной сторонѣ.

«Потрясающее зрѣлище представляли эти старики, женщины и дѣти, которыхъ заставляли итти на Липовую площадь, гдѣ собирали все населеніе; одного паралитика привезли туда въ креслѣ, другихъ принесли. Отъ мужчинъ отдѣлили женщинъ и дѣтей; сначала думали разстрѣлять всѣхъ мужчинъ сразу изъ пулеметовъ, потомъ—по нѣскольку, поставивъ ихъ въ три ряда, одного за другимъ; наконецъ, выбрали изъ нихъ тронхъ, которыхъ разстрѣляли на глазахъ у всѣхъ, у стѣны одного дома на площади! Послѣ этого мужчинъ раздѣлили на группы и отправили—однихъ къ Маасу для разстрѣла, другихъ—въ заключеніе въ качествѣ заложниковъ».

Это ужасно, скажете вы? Что же! Всѣ ужасы возможны, когда съ грубой солдатчины снимается узда. Всѣ эти жертвы были невинны? Несомнѣнно; но именно потому-то ихъ и убили, что онѣ были невинны. Въ тотъ моментъ, когда я собирался посылать эти страницы въ типографію, я прочелъ во «Frankfurter Zeitung» отъ 6 января (№ 6, Abendblatt), что переданный ея корреспондентомъ, о которомъ я уже говорилъ, разсказъ о такъ называемыхъ сраженіяхъ съ анденскими вольными стрѣлками опровергнутъ въ одной изъ своихъ существенныхъ частей; дѣйствительно, оберстъ-лейтенантъ ф.-Эйльвегс только что отвѣтилъ «Pax-Informationen», что анденскій священникъ не возбуждалъ населеніе къ уличнымъ сраженіямъ. «Впрочемъ,—прибавляетъ онъ,—большинство жителей не могло ничего видѣть, такъ какъ они попрятались по своимъ погребамъ».

И это-то населеніе генералъ фонъ-Бюловъ обвиняетъ въ организаціи «предательскаго нападенія»!

Къ чему спорить? Генералъ-лейтенантъ фонъ-Ниберъ сказалъ

городу Вавру: «Невинные пострадаютъ вмѣстѣ съ виновными», и генералъ-губернаторъ Бельгіи, фельдмаршалъ фонъ-деръ-Гольцъ, подтвердилъ это: «Селенія подвергнутся безпощадной карѣ независимо отъ того, участвовали ихъ жители въ преступленіи или нѣтъ». Такимъ образомъ, говоря о Тамишѣ, корреспондентъ «Kölnische Zeitung» можетъ вполнѣ искренно писать (№ 1009):

«Тогда, не имѣя возможности наказать того, кто стрѣлялъ, наши войска обратили свою ярость противъ городка: онъ былъ безпощадно преданъ огню и обратился въ груду развалинъ».

Я уже сказалъ, почему не буду распространяться здѣсь по поводу эксцессовъ, совершонныхъ въ очень многихъ мѣстахъ нѣмецкими войсками. Я хочу, однако, разсказать, какъ одинъ изъ моихъ бывшихъ слушателей въ брюссельскомъ университетѣ, вмѣстѣ съ другими лицами, безспорно столь же невинными, какъ и онъ, былъ убитъ во Франкоршанѣ, гдѣ онъ жилъ на дачѣ, при сожженіи и разгромѣ живописной деревеньки.

Въ субботу 8 августа, въ половинѣ девятаго утра, раздались три выстрѣла. Кѣмъ они были сдѣланы? въ кого? почему? Въ теченіе четырехъ дней нѣмецкія колонны проходили вполнѣ спокойно; было жарко: крестьяне поставили на дорогѣ ведра съ водой, чтобы солдаты могли утолять жажду; офицеры, проходя, закусывали въ отелѣ; уже деревенское населеніе и небольшая колонія брюссельцевъ-дачниковъ начинали привыкать къ проходу войскъ... Но вотъ раздается роковой возгласъ: «Man hat geschossen! Стрѣляли!» Невинные должны расплачиваться за виновныхъ.

А если виновныхъ не было?

Какъ разъ случилось такъ, что я теперь имѣю возможность установить происхожденіе трехъ выстрѣловъ, которые были услышаны утромъ 8 августа. Небольшіе отряды бельгійской кавалеріи, прячась въ лѣсахъ, очень многочисленныхъ въ окрестностяхъ Спа, до середины августа заходили дѣлать развѣдки въ тылъ нѣмецкихъ линій. Такимъ образомъ, рано утромъ 8 августа два жандарма и два улана скрывались въ чащахъ Франкоршана; замѣтивъ отдыхающую нѣмецкую колонну, они выстрѣлили по ней. Нѣмцы, съ своей стороны, вслѣдствіе того, что съ самаго своего вступленія въ страну они не встрѣчали въ этихъ мѣстахъ бельгійскихъ войскъ, вообразили, что стрѣлять могли только обыватели, и тотчасъ же, не производя слѣдствія, прибѣгли къ безпощадной коллективной репрессіи.

Значитъ, во Франкоршанѣ не было виновныхъ. Тогда во иску-

пленіе какого же преступленія были убиты арденскіе крестьяне и дачники-брюссельцы?

Вотъ тутъ-то и выясняется главный вопросъ: какова дѣйствительная цѣль коллективныхъ репрессій? Какова была цѣль разрушенія красивыхъ кварталовъ Лувэна, разгрома Динана и Арскота, избіеній въ Таминѣ и въ Анденѣ, опустошенія Арденъ и мѣстности между Самброй и Маасомъ, округа Вавра и Вильворда, сожженія столькихъ мирныхъ и цвѣтущихъ деревень? Это было не наказаніе, потому что въ большинствѣ случаевъ не было вины, а если бы вина и была, то наказаніе было бы совершенно непропорціонально проступку.

Впрочемъ, надписи, которыя въ различныхъ мѣстностяхъ можно было прочитать на домахъ, пощаженныхъ во время методическихъ грабежей и пожаровъ, показываютъ, насколько мало было при репрессіяхъ заботы о справедливыхъ основаніяхъ. «Добрые люди: не трогать». («Gute Leute, schonen»), «Намъ дали поѣсть» («Man hat uns zu essen gegeben»), «Бѣдные, больные люди» («Arme kranke Leute»). (См. «Kölnische Zeitung», 10 сентября, № 1009.) Что значатъ эти помѣтки? Какою цѣной обитатели покупали, быть можетъ, снисходительность проходившаго солдата? Не былъ ли онъ просто добрѣе другихъ своихъ товарищей? Въ одномъ мѣстѣ кто-нибудь въ домѣ, случайно, могъ сказать нѣсколько словъ по-нѣмецки; въ другомъ нянька была нѣмка. Какое значеніе имѣютъ эти соображенія для рѣшенія единственнаго важнаго вопроса,—вопроса о невиновности или виновности обитателя пощаженнаго или обитателя разгромленнаго дома? Можно ли, на основаніи такихъ шаткихъ данныхъ, рѣшать, что такой-то человѣкъ сохранитъ жизнь или такая-то семья сохранитъ очагъ, когда другіе ихъ потеряютъ.

Нѣтъ! коллективныя репрессіи противъ невинныхъ не имѣютъ точки опоры въ правѣ; онѣ имѣютъ лишь одну цѣль: посѣять ужасъ среди населенія для того, чтобы облегчить захватъ территоріи или же запугать непріятельскія войска и помѣшать нѣкоторымъ стѣснительнымъ операціямъ. «Опытъ показываетъ,—говоритъ, напримѣръ, военный кодексъ («Kriegsbrauch im Landkriege», переводъ, стр. 141),—что на гражданское населеніе наибольшее дѣйствіе производитъ денежная контрибуція»; и въ этомъ выражается конечная цѣль изложенной въ нѣмецкомъ военномъ кодексѣ системы методическаго террора.

Различные, происшедшіе въ Бельгіи, эпизоды служатъ убѣ-

дительнымъ доказательствомъ того, что эта система дѣйствительно даетъ результаты. Одного извѣстія о приближеніи германскихъ войскъ бывало достаточно, чтобы вызвать массовое выселеніе: какъ это было далеко отъ возмущенія населенія противъ непріятеля! Такъ, судя по одному разсказу, воспроизведенному «Kölnische Zeitung» отъ 15 октября, двадцати развѣдчикамъ удалось не только обратить въ бѣгство все населеніе Сельзата, но, кромѣ того, населеніе кричало бельгійскимъ солдатамъ, чтобы они не стрѣляли во вторгшагося непріятеля! Въ нѣкоторыхъ деревняхъ страхъ былъ настолько великъ, что жители даже стремились облегчить проходъ германскихъ колоннъ, чтобы, какъ можно скорѣе удалить ихъ и избѣжать инцидентовъ, которые могли бы породить ужаснѣйшія репрессіи. Какъ во фламандской и земледѣльческой Фландріи, такъ и въ валонскомъ и промышленномъ Генегау населеніе, прося пощады, выставляло бѣлые флажки.

Эту именно цѣль вполнѣ обдуманно и преслѣдуютъ нѣмцы. Правда, нельзя принуждать населеніе оказывать прямую помощь дѣйствіямъ непріятеля противъ ихъ родины (статья 44-ая гаагскаго регламента), но это достигается обходнымъ путемъ устрашенія. Фельдмаршалъ фонъ-деръ-Гольцъ прекрасно зналъ, съ какой цѣлью онъ обращался съ приказомъ, полнымъ угрозъ, къ жителямъ мѣстностей, лежащихъ вдоль линіи желѣзной дороги между Ловенжуль и Вертрейкъ; желѣзнодорожное полотно и телеграфъ были дѣйствительно разрушены по этой линіи, но мнѣ извѣстно, что это было сдѣлано бельгійскими солдатами, которымъ было поручено прервать сообщенія въ тылу непріятеля: совершившимъ этотъ подвигъ были даже публично розданы награды. Угрожая «безпощаднымъ наказаніемъ», германскія власти создавали себѣ пособниковъ и доносчиковъ изъ среды самого населенія и ставили всякаго обитателя деревень, обреченныхъ мести войскъ, передъ такой ужасающей альтернативой: выдать солдата, идущаго исполнять свой долгъ передъ ихъ общей родиной, или же обречь на смерть родственниковъ, друзей, сосѣдей, взятыхъ въ качествѣ заложниковъ.

А зачѣмъ было надо, во время разгрома Лувэна, тащить несчастныхъ жителей черезъ поля, набивать ихъ въ скотскіе вагоны и голодными везти въ Германію, выставляя на оскорбленіе черни, чтобы затѣмъ отвезти ихъ обратно въ Брюссель и, наконецъ, освободить послѣ того, какъ имъ десять разъ грозили разстрѣломъ? Или зачѣмъ понадобилось устраивать подо-

біе казни передъ зрителями, которыхъ заставляли при этомъ присутствовать и даже апплодировать (см. 5-й докладъ слѣдственной комиссіи)? Развѣ не для того только, чтобы посѣять ужасъ такой утонченной жестокостью?

Но нужно ли говорить, что если устрашеніе можетъ обезпечить военному начальству повиновеніе терроризованнаго населенія, то тѣхъ же результатовъ, и еще многихъ другихъ, можно было бы достичь вѣрнѣе кроткимъ, добрымъ, справедливымъ и гуманнымъ отношеніемъ. Какъ бы ни была непримирима враждебность населенія, такимъ, не вызывающимъ ни ненависти, ни злопамятности, отношеніемъ безъ труда создается спокойное настроеніе. Итакъ, ничто не оправдываетъ устрашенія: это просто система, губительная и противная природѣ человѣка.

То же самое нужно сказать и о *взятіи заложниковъ*, которое такъ часто практиковалось во время постепеннаго захвата Бельгіи нѣмцами; его, впрочемъ, тоже имѣетъ въ виду «Военный переводчикъ» (стр. 129 и слѣд.). Въ Бельгіи различныя прокламаціи начальниковъ армій прямо его предписываютъ (я воспроизвожу подлинный текстъ).

Въ Намюрѣ 25 августа (генералъ фонъ-Бюловъ):

«Всѣ улицы будутъ заняты германской стражей, которая въ каждой улицѣ возьметъ десять заложниковъ и оставитъ ихъ подъ своимъ присмотромъ. Если на улицѣ произойдетъ покушеніе, десять заложниковъ будутъ разстрѣляны».

Въ Брюсселѣ 5 октября (фельдмаршалъ фонъ-деръ-Гольцъ):

«Съ этой цѣлью изо всѣхъ мѣстностей, прилегающихъ къ желѣзнодорожнымъ путямъ, которымъ угрожаютъ подобныя нападенія, были уведены заложники, и при первой попыткѣ разрушить желѣзнодорожные пути, телеграфныя или телефонныя линіи они будутъ немедленно разстрѣляны».

Въ Гривенье 6 сентября (майоръ Дикманъ):

«Съ 7 сентября, 9-ти часовъ утра, я разрѣшу обывателямъ въ Бенъ-Езе, Гривенье, Буа-де-Брё, занимать свои прежнія жилища, пока сказаннымъ обывателямъ не будетъ формально запрещено посѣщать эти мѣстности.

«Дабы имѣть увѣренность, что этимъ разрѣшеніемъ не будутъ злоупотреблять, бургомистры Бенъ-Езе и Гривенье должны будутъ немедленно составить списки лицъ, которыя по очереди будутъ въ теченіе 24 часовъ находиться въ качествѣ заложниковъ въ фортѣ Флерэнъ.

«Жизнь и смерть этихъ заложниковъ зависитъ отъ того, будетъ ли населеніе поименованныхъ коммунъ вести себя миролюбиво при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ.

«По предложеннымъ мнѣ спискамъ я буду назначать лицъ, которыя должны будутъ находиться въ фортѣ въ качествѣ заложниковъ съ полудня одного до полудня другого дня. Если смѣна не произойдетъ во-время, заложникъ останется въ фортѣ еще 24 часа. Послѣ этихъ новыхъ сутокъ заложникъ рискуетъ подвергнуться смертной казни, если его не замѣнятъ другимъ.

«Заложниками въ первую очередь будутъ брать священниковъ, бургомистровъ и другихъ представителей администраціи».

Достаточно и этихъ примѣровъ, хотя можно было бы безъ труда привести еще множество.

Повторяю: такіе поступки не должны удивлять, поскольку дѣло идетъ о германской дѣйствующей арміи: кодексъ, съ духомъ котораго я познакомилъ читателей, санкціонируетъ ихъ въ опредѣленныхъ выраженіяхъ (переводъ Карпантье, стр. 113):

«Взятіе заложниковъ стало рѣже въ современныхъ войнахъ, изъ чего нѣкоторые профессора международнаго права вывели неправильное заключеніе, будто оно исчезло изъ законовъ войны между цивилизованными націями...»

И, заявивъ, что это постоянно дѣлалось во время различныхъ кампаній XIX вѣка, авторъ германскаго руководства прибавляетъ:

«Слѣдовательно, не нужно обращать вниманія на неблагопріятныя сужденія, высказанныя по поводу примѣненія германской арміей, въ отдѣльныхъ случаяхъ и по различнымъ причинамъ, этого военнаго пріема».

Въ дѣйствительности германскіе начальники требовали выдачи заложниковъ вовсе не «въ отдѣльныхъ случаяхъ», и мнѣніе юриста генеральнаго штаба далеко не раздѣляется современными спеціалистами военнаго права. Въ регламентѣ, присоединенномъ къ Гаагской конвенціи, ничего не говорится о задержаніи заложниковъ, но изъ запрещенія коллективныхъ наказаній за индивидуальные акты, за которые группа не должна нести солидарной отвѣтственности, вытекаетъ его осужденіе (статья 50-ая). Кромѣ того, такъ какъ къ человѣческой жизни нужно относиться съ уваженіемъ (статья 46-ая), то не можетъ быть и вопроса о томъ, позволительно ли предавать смерти заложниковъ при нарушеніи условій, за исполненіе которыхъ ихъ заставляютъ отвѣчать. Даже

если бы заложники приравнивались къ военноплѣннымъ, то и тогда они имѣли бы право на сохраненіе жизни: на эту точку зрѣнія еще въ 1863 году стали «Инструкціи для дѣйствующей арміи американскихъ Соединенныхъ Штатовъ» (статья 54-ая).

Слѣдовательно, единственно возможное объясненіе для примѣненія мѣры, такъ мало соотвѣтствующей идеямъ нашего времени и эволюціи военнаго права, можно найти въ основномъ принципѣ, которымъ проникнутъ весь германскій кодексъ: *прежде всего нужно дѣйствовать путемъ устрашенія.*

Вечеромъ 27 августа, на другой день послѣ разгрома Лувэна, сообщеніе, пришедшее изъ Берлина по безпроволочному телеграфу, гласило (см. «Times», 29 августа):

«Единственнымъ средствомъ предупредить внезапныя нападенія со стороны населенія было проявить безпощадную строгость и показать странѣ нѣсколько такихъ грозныхъ примѣровъ, которые ей послужили бы предостереженіемъ».

Совершенно ту же мысль одинъ нѣмецъ, г. Блёмъ, выражалъ 10 февраля 1915 года въ «Kölnische Zeitung»: «Репрессіи въ гораздо меньшей мѣрѣ являются наказаніемъ, чѣмъ предостереженіемъ («Warnungsignale»).

«Не можетъ подлежать сомнѣнію, что пожары Баттиса, Эрвъ, Лувэна, Динана дѣйствовали, какъ предостереженіе. Трагическій пожаръ, кровь, пролитая въ первые дни войны,—все это отняло у большихъ бельгійскихъ городовъ охоту нападать на оставленные тамъ нами гарнизоны, слабые въ силу обстоятельствъ. Можно ли хоть на минуту усомниться, что если Брюссель занятъ нами, если мы теперь расхаживаемъ тамъ, какъ у себя дома, такъ это потому, что населеніе столицы боялось и еще боится нашей мести («vor unserer Rache zittert»)?»

Вотъ какова, по свидѣтельству тѣхъ, чьимъ планамъ она должна была служить, та военная система, которую всемогущая Германія вполнѣ сознательно примѣнила къ Бельгіи.

Война, которая ведется такимъ образомъ, противна,—говоря словами постановленія, формулированнаго въ Гаагѣ,—«законамъ гуманности и требованіямъ общественной совѣсти». Это очевидно для всѣхъ. И какова бы ни была эта война, явилась ли она просто слѣдствіемъ необходимости пройти черезъ нейтральную и дружескую территорію, какъ Германія заявляла открыто, или же она преслѣдовала завоевательную цѣль, какъ нѣмцы говорили

потихоньку,—во всякомъ случаѣ Бельгія ея совершенно не заслужила.

Сильная своей честностью, своей лояльностью, своей невиновностью, Бельгія никогда не подчинится суду оружія. Полная довѣрія и рѣшимости, она отдастъ себя на судъ народовъ, гордо ставящихъ выше всего чувство своего національнаго достоинства.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Докладъ начальника бельгійскаго генеральнаго штаба о собесѣдованіяхъ съ англійскимъ военнымъ атташе въ 1906 году.

Я воспроизвожу докладъ въ окончательной формѣ, приданной ему самимъ генераломъ Дюкарномъ, т.-е. вводя поправки и вставки въ ясно намѣченныя для нихъ мѣста.

Конфиденціально

Письмо Господину Министру по поводу конфиденціальныхъ собесѣдованій.

Брюссель 10 апрѣля 1906 г.

Господинъ Министръ!

Имѣю честь представить вамъ краткій отчетъ о бесѣдахъ, которыя я велъ съ подполковникомъ Бернардистономъ и о которыхъ я сообщалъ устно.

Первое его посѣщеніе относится къ половинѣ января. Г. Бернардистонъ сообщилъ мнѣ о безпокойствѣ генеральнаго штаба его страны по поводу общаго политическаго положенія и по поводу возможности войны въ настоящую минуту. Предполагалось послать около 100.000 войска въ случаѣ, если бы Бельгія подверглась нападенію.

Когда подполковникъ спросилъ, какъ на такое выступленіе посмотрѣли бы у насъ, я ему отвѣтилъ, что съ военной точки зрѣнія оно могло бы быть только благопріятно; но что вопросъ о вмѣшательствѣ касается также и политической власти и что поэтому я долженъ поговорить о немъ съ военнымъ министромъ.

Г. Бернардистонъ отвѣтилъ мнѣ, что англійскій посланникъ въ Брюсселѣ поговоритъ объ этомъ съ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Онъ продолжалъ въ такомъ духѣ: высадка англійскихъ войскъ, для того, чтобы какъ можно больше ускорить ихъ передвиженіе, произошла бы на французскомъ побережьи, около Дюнкирхена и Калэ. Англичане вступили бы въ Бельгію лишь послѣ нарушенія нашего нейтралитета Германіей. Доставка войскъ черезъ Антверпенъ потребовала бы гораздо больше времени, такъ какъ понадобились бы болѣе крупные транспорты и, съ другой стороны, безопасность не была бы столь обезпечена.

Если бы это было принято, оставалось бы уладить нѣкоторые другіе пункты, а именно: перевозку по желѣзнымъ дорогамъ, вопросъ о реквизиціяхъ, къ которымъ могла бы прибѣгать англійская армія, вопросъ о высшемъ командованіи союзными силами.

Онъ освѣдомился, достаточны ли принятыя нами мѣры для того, чтобы обезпечить защиту страны во время переправы и передвиженія англійскихъ войскъ, на что, по его разсчету, должно было потребоваться дней десять.

Я отвѣтилъ, что крѣпости Льежъ и Намюръ обезпечены противъ неожиданнаго нападенія и что втеченіе четырехъ дней наша полевая армія, состоящая изъ 100.000 человѣкъ, будетъ готова къ выступленію.

Выразивъ свое полное удовлетвореніе по поводу моихъ заявленій, мой собесѣдникъ особенно подчеркнулъ: 1. что наша бесѣда совершенно конфиденціальна; 2. что она не можетъ связывать его правительство; 3. что въ настоящую минуту здѣшній англійскій посланникъ, генеральный штабъ англійской арміи, онъ и я, одни только посвящены въ тайну; 4. что онъ не знаетъ, угаданы ли при этомъ виды его монарха.

* * *

Въ слѣдующей бесѣдѣ подполковникъ Бернардистонъ увѣрилъ меня, что другіе военные атташе не дѣлали ему никакихъ конфиденціальныхъ сообщеній по поводу нашей арміи.

Затѣмъ онъ далъ болѣе точныя цифровыя данныя относительно англійскихъ силъ; мы могли разсчитывать, что черезъ 12 или 13 дней будутъ высажены: два армейскихъ корпуса, четыре бригады кавалеріи и двѣ бригады конной инфантеріи.

Онъ попросилъ меня изучить вопросъ о перевозкѣ этихъ силъ въ ту часть страны, гдѣ онѣ будутъ полезны, и для этой цѣли подробно сообщилъ мнѣ составъ дессантной арміи.

Онъ вернулся къ вопросу о численномъ составѣ нашей полевой арміи, настаивая на томъ, чтобы отъ этой арміи не отдѣляли частей для Намюра и Льежа, такъ какъ гарнизонъ этихъ крѣпостей достаточно силенъ.

Онъ попросилъ меня обратить вниманіе на необходимость разрѣшить англійской арміи пользоваться преимуществами, которыя предусматрива-

ctъ Регламентъ о военныхъ реквизиціяхъ. Наконецъ, онъ остановился на вопросѣ о высшемъ командованіи.

Я отвѣтилъ ему, что не могу ничего сказать по поводу этого послѣдняго пункта, и обѣщалъ внимательно разсмотрѣть остальные вопросы.

* * *

Позже англійскій военный атташе подтвердилъ свои прежніе разсчеты: понадобится по крайней мѣрѣ 12 дней, чтобы произвести высадку на французскомъ побережьѣ. Понадобилось бы гораздо больше времени (отъ 1 до $2^1/_2$ мѣсяцевъ), чтобы высадить 100.000 человѣкъ въ Антверпенѣ.

На мое замѣчаніе, что незачѣмъ было бы ждать окончанія высадки для того, чтобы начать перевозку по желѣзной дорогѣ, и что лучше было бы производить ее по мѣрѣ прибытія войскъ на побережье, подполковникъ Бернардистонъ обѣщалъ мнѣ сообщить точныя данныя относительно численности ежедневно высаживаемыхъ войскъ.

Что касается военныхъ реквизицій, я сообщилъ своему собесѣднику, что этотъ вопросъ будетъ легко уладить.

* * *

По мѣрѣ того, какъ работы англійскаго генеральнаго штаба подвигались впередъ, данныя, входящія въ проблему, выяснялись. Подполковникъ увѣрилъ меня, что половина англійской арміи могла бы быть высажена въ недѣлю, а остальная ея часть, кромѣ конной инфантеріи, на прибытіе которой можно было разсчитывать только позже, была бы высажена къ концу 12-го или 13-го дня.

Тѣмъ не менѣе, я нашелъ нужнымъ опять настаивать на необходимости знать численность ежедневно высаживаемыхъ войскъ, чтобы урегулировать ежедневный транспортъ по желѣзной дорогѣ.

Военный атташе бесѣдовалъ со мной затѣмъ о разныхъ другихъ вопросахъ, а именно:

1. О необходимости держать операціи въ тайнѣ и добиться отъ прессы, чтобы она тщательно ее сохраняла;

2. О томъ, что было бы полезно придать бельгійскаго офицера къ каждому англійскому штабу, переводчика къ каждому командующему отрядомъ, жандармовъ къ каждой части, на помощь англійскимъ полицейскимъ отрядамъ.

* * *

При другомъ свиданіи мы съ подполковникомъ Бернардистономъ занялись изученіемъ совмѣстныхъ операцій въ случаѣ нападенія со стороны Германіи, имѣющаго объектомъ Антверпенъ, и прохожденія германцевъ черезъ нашу страну для достиженія французскихъ Арденъ.

Впослѣдствіи подполковникъ выразилъ мнѣ свое согласіе съ представленнымъ мною ему планомъ и сообщилъ мнѣ о согласіи генерала Грирсона, начальника англійскаго генеральнаго штаба.

Были улажены также и другіе второстепенные вопросы, а именно: относительно офицеровъ-посредниковъ, переводчиковъ, жандармовъ, картъ,

альбомовъ съ изображеніемъ формъ, переведенныхъ на англійскій языкъ оттисковъ нѣкоторыхъ бельгійскихъ регламентовъ, уплаты пошлины на англійскіе предметы потребленія, помѣщенія въ госпитали раненыхъ союзной арміи и т. д. Ничего не было рѣшено относительно воздѣйствія, которое правительство или военныя власти могли бы оказывать на прессу.

* * *

При моихъ послѣднихъ свиданіяхъ съ англійскимъ атташе, онъ сообщилъ мнѣ численность ежедневныхъ высадокъ въ Булони, Калэ и Шербургѣ. Отдаленность этого послѣдняго пункта, которымъ приходится пользоваться по техническимъ соображеніямъ, вызываетъ нѣкоторое замедленіе. Первый корпусъ закончитъ высадку на 10-й день, а второй—на 15-й. Транспортъ будетъ производиться подвижнымъ составомъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, такъ что для перваго корпуса прибытіе въ Брюссель—Лувэнъ или же въ Намюръ—Динанъ будетъ обезпечено на 11-й, а для второго—на 16-й день.

Я настаивалъ еще разъ и со всей возможной энергіей на необходимости еще ускорить переправу такъ, чтобы англійскія войска были съ нами на 11 — 12 день; согласнымъ и одновременнымъ выступленіемъ союзныхъ силъ можно достигнуть самыхъ счастливыхъ, самыхъ благопріятныхъ результатовъ; наоборотъ, отсутствіе этого согласованія явилось бы тяжелой неудачей. Полковникъ Бернардистонъ завѣрилъ меня, что все будетъ сдѣлано для этой цѣли.

* * *

Во время нашихъ бесѣдъ я имѣлъ случай убѣдить англійскаго военнаго атташе въ нашемъ намѣреніи помѣшать въ предѣлахъ возможности движеніямъ непріятеля, а не укрываться съ самаго начала въ Антверпенъ.

Со своей стороны подполковникъ Бернардистонъ сообщилъ мнѣ, что онъ въ настоящее время мало вѣритъ въ поддержку и вмѣшательство Голландіи.

Онъ сообщилъ мнѣ также, что его правительство проектируетъ перенести англійскую базу снабженія съ французскаго побережья въ Антверпенъ, какъ только Сѣверное море будетъ вполнѣ очищено отъ нѣмецкихъ военныхъ судовъ.

* * *

При всѣхъ нашихъ разговорахъ подполковникъ регулярно сообщалъ мнѣ всѣ имѣвшіяся у него конфиденціальныя свѣдѣнія относительно состоянія арміи и положенія нашихъ восточныхъ сосѣдей и т. д. Въ то же время онъ настаивалъ на неотложной необходимости для Бельгіи быть въ курсѣ того, что происходило въ сосѣднихъ съ нами прирейнскихъ провинціяхъ. Я долженъ былъ ему признаться, что у насъ организація наблюденія за тѣмъ, что дѣлается по ту сторону границы, въ мирное время не находится въ непосредственной зависимости отъ нашего генеральнаго штаба; при нашихъ миссіяхъ нѣтъ военныхъ атташе. Однако, я не признался ему, что мнѣ неизвѣстно, создана ли организація шпіонажа, которая предписывается нашими регламентами, или нѣтъ. Но я считаю долгомъ обра-

тить здѣсь вниманіе на подобное положеніе, благодаря которому мы, очевидно, находимся въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ наши сосѣди, способные при случаѣ обратиться въ нашихъ враговъ.

Генералъ-майоръ, Начальникъ генеральнаго штаба

Дюкарнъ.

Примѣчаніе. Когда я встрѣтилъ генерала Гирсона въ Компьенѣ, на маневрахъ 1906 года, онъ завѣрилъ меня, что вслѣдствіе реорганизаціи англійской арміи можно будетъ не только обезпечить десантъ въ 150.000 человѣкъ, но и дать ему возможность приступить къ дѣйствіямъ гораздо раньше.

Конецъ сентября 1906 года.

Дюкарнъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. До 2 августа 1914 года, въ 7 час. вечера. стр. 5

Отношеніе бельгійскаго общества къ Германіи, стр. 5.—Политика правительства, стр. 10.—Довѣріе Бельгіи къ ея сосѣдямъ, стр. 13. Вліяніе инцидентовъ европейской политики на правящіе круги Бельгіи, стр. 15.—Реформа бельгійской арміи, стр. 16.—Сердечность отношеній между Бельгіей съ одной стороны и Германіей, Англіей и Франціей—съ другой, стр. 17.—Австро-сербскій конфликтъ: различныя мѣры, принятыя Бельгіей, стр. 18.—Всеобщее спокойствіе, стр. 24.

II. Быть или не быть. стр. 25

„Совершенно конфиденціальная нота“ германскаго правительства правительству бельгійскому, стр. 25.—Было ли во власти Бельгіи исполнить это требованіе? Понятіе о постоянномъ нейтралитетѣ, стр. 26.— Сдѣлка, предлагаемая „совершенно конфиденціальной нотой“, стр. 35. — „Совершенно конфиденціальная нота“ пытается оправдать эту сдѣлку, стр. 37.—Истинная причина нарушенія бельгійскаго нейтралитета, стр. 39.— Нарушеніе бельгійскаго нейтралитета было предумышленнымъ, стр. 44.—Отвѣтъ бельгійскаго правительства на „совершенно конфиденціальную ноту“, стр. 45. — Позиція Франціи, стр. 47.— Германское правительство объявляетъ, что его арміи, если понадобится, силой пройдутъ черезъ Бельгію, стр. 48. Вступленіе на бельгійскую территорію, стр. 48. - Обращеніе Бельгіи къ державамъ-поручительницамъ за ея нейтралитетъ, стр. 48.

III. Бельгійскій нейтралитетъ передъ лицомъ Европы. стр. 49

Raison d'être постояннаго нейтралитета Бельгіи, стр. 49.—Подтвержденіе этого нейтралитета въ 1870 году, стр. 50.—Англія слѣдитъ за соблюденіемъ нейтралитета Бельгіи, стр. 50.—Выступленія анг-

лійскаго правительства въ 1914 году, стр. 51.—Коварные планы Германіи по отношенію къ Бельгіи, стр. 66.—Основныя черты позиціи Германіи, Англіи и Бельгіи, стр. 73.

IV. Обвиненія Бельгіи въ нелояльности. стр. 75

Чтобы смягчить свой поступокъ, Германія старается уничтожить симпатіи къ Бельгіи, стр. 75.—Бельгія будто бы не оправдала довѣрія въ исполненіи ею международныхъ обязательствъ: 1. политика въ Конго, стр. 77;—2. существующая будто бы недостаточность бельгійской военной организаціи, стр. 78.—Будто бы совершенныя до войны враждебныя дѣйствія, стр. 80.—Существовавшее будто бы угодничество передъ Франціей: на военной почвѣ, стр. 85;—на экономической почвѣ, стр. 95.—Существовавшее будто бы угодничество передъ Англіей: Бельгія будто бы сопротивлялась Германіи только вслѣдствіе подстрекательства Англіи, стр. 98.—Военные переговоры между бельгійскимъ и англійскимъ генеральными штабами, стр. 106.

V. Германскія правила веденія войны и ихъ примѣненіе къ Бельгіи. стр. 118

Особенное положеніе Бельгіи въ конфликтѣ обязывало Германію къ нѣкоторой умѣренности въ военныхъ операціяхъ, стр. 118.—Война велась, однако, Германіей съ жестокой суровостью, стр. 119. Германія утверждаетъ, что отвѣтственность за это падаетъ на Бельгію, стр. 119.—Аргументы, которые Германія приводитъ по этому вопросу: 1. участіе гражданскаго населенія во враждебныхъ дѣйствіяхъ, стр. 120;—2. обращеніе съ ранеными, стр. 139;—3. обращеніе съ иностранцами, стр. 141.—Германская система веденія войны: „законы сухопутной войны“, стр. 144.—Современная германская доктрина, стр. 148.—Произволъ командующихъ лицъ, стр. 150.—Примѣненіе этой системы въ Бельгіи, стр. 153.—Коллективныя репрессіи, стр. 156.—Задержаніе заложниковъ, стр. 167.—Заключеніе, стр. 169.

Приложеніе. стр. 17.

Докладъ начальника бельгійскаго генеральнаго штаба о бесѣдахъ съ англійскимъ военнымъ атташе въ 1906 году.